Литературный Ульяновск

Журнал Союза русских писателей № 1(30) 2017

Содержание

Николай ПОЛОТНЯНКО. Прекрасная дама.
Новые стихи 3
Александр НИКОНОВ. Помогите, мужики!
Рассказы 7
Елизавета МАРТЫНОВА. Путешествуй, душа, налегке…
Стихи 52
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Колыбель России.
Очерки 65
Александр ТИМАКОВ. Ужин в метель.
Рассказы 87
Вячеслав ТАШЛИНСКИЙ. Стихи, идущие от сердца.
Новые стихи 99
Евгений ЩЕРБАКОВ. Жених.
Рассказ 116

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕБЮТ В «ЛУ»
Мария МУЛЛИНА. Хочу в апрель или май…
Стихи 141

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЛЕРЕЯ «ЛУ»
Ирина АНТОНОВА. Описание жизни по Слесарскому 144

Валерий Кузнецов. Уходящая осень.
Стихи 156

БЕСЕДКА «ЛУ»
Марина ИЗВАРИНА. Современная русофобия родом из России 179
Николай СУЗДАЛЕВ. Любое кино – это поделка под искусство 181
Поздравляем с Юбилеем! 184
Памяти товарища 186

Главный редактор

Николай ПОЛОТНЯНКО

Общественный совет

**А.Г. Гребнев (Пермь), С.Г. Замлелова (Москва),
В.Н. Сергеев, П.А. Шушков, Е.Ф. Щербаков.**

Редакция

**В.П. Ташлинский –
отдел поэзии и прозы 61-69-01**

**В.Н. Кузнецов –
отдел краеведения 44-16-98**

**Л.И. Полотнянко –
ответственный секретарь 53-06-14**

© «Литературный Ульяновск», № 1 (30) 2017

Николай
ПОЛОТНЯНКО

Прекрасная Дама

Новые стихи

Горит поэзия моя

Гори, моя судьба, гори!
Осталась дней моих лишь горстка.
Лети, судьба моя, с горы,
Как подожжённая повозка.

И первым спас я соловья,
Что жил и пел в душе полвека.
Горит поэзия моя,
И пеплом, словно хлопья снега,

Летят и кружатся стихи.
В них жизнь моя, мои тревоги
И позабытые грехи,
И пройденные мной дороги.

Горит поэзия моя…
Любовь и страсть к Прекрасной Даме
Ликуют в горле соловья
К ней обращёнными стихами.

Про вас мне говорят

Про вас мне говорят,
Что ваше сердце – камень.
И ваша красота бесчувственна, как лёд.
Что вас не разволнует, не проймёт
Поэзии моей летучий пламень,
Лишь только разогреет на чуть-чуть,
И не затронет каменную суть
Души, что страсть любви не испытала
И закоснела в гордости…

Всерьёз
За вас возьмусь я, как каменотёс,
И вырублю из камня сердца розу,
И гением в неё страдание вдохну.
Вы влюбитесь в меня,
Прольёте слёзы…
Но в камень снова я вас не верну.

Живите мной, и радуйтесь, и верьте:
Я вас Прекрасной Дамой назову,
И буду славить вас, пока живу.
И сохраню вас навсегда в бессмертье.

Уходит из России Красота

Холодный май – и все мы холодны,
Бесчувственны. Народу не до песен.
И дни России Богом сочтены,
Но час её кончины неизвестен.

И ненависть катком прошла по нам,
Друг друга мы готовы сжить со свету.
И нелегко живётся соловьям,
Прекрасной Даме и её поэту.

Она ко мне бежала из Москвы,
Столицы пошлости и суетной мороки,
Где все поэты стали не живы,
И пишут обескровленные строки.

Я затопил на ветхой даче печь,
Подал ей, чтоб согрелась, полушубок.
И слушал плач и пламенную речь
Под воркованье молодых голубок.

Когда вокруг ликует срамота,
То не найдёт народ судьбу-удачу.
Уходит из России Красота,
И я над ней разбитым сердцем плачу.

Холодный май – и все мы холодны,
Бесчувственны. Народу не до песен.
И дни России Богом сочтены,
Но час её кончины неизвестен.

Затменья ночь

Молчи, молчи…
Не говори.
Мне верности твоей не надо.
На всплески утренней зари
Не обращай с обидой взгляда,

Что быстро наша ночь прошла,
Как будто жаркое затменье.
У страсти, что нас здесь свела,
Не будет больше продолженья.

Как мотылёк в стекло окна,
Твоё сердечко тихо бьётся.
Друг друга выпили до дна
Мы в эту ночь, что не вернётся.

Ты беззащитна и тиха.
Мы согрешили страсти ради.
Но даже тени нет греха
В твоём покорном чистом взгляде.

Угас очей призывный пыл,
Потухло чувственное пламя,

В котором, грешный, позабыл
Я о своей Прекрасной Даме.

Как поздно вспомнил я о ней,
Мне верной в счастье и печали,
Что даже через много дней
Она простит меня, едва ли.

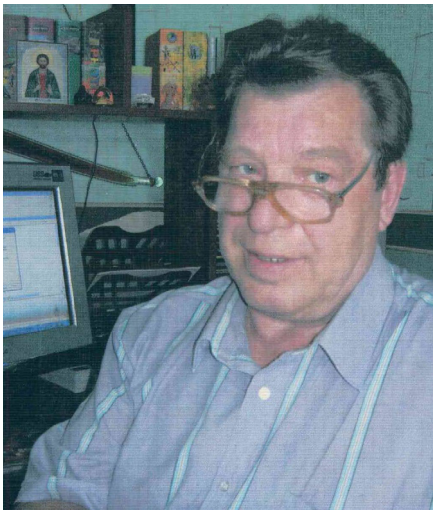
Но и прощения просить
Мне, может быть, и не придётся.
За то, что довелось испить
Водицы в колдовском колодце.

Не возвращайте мне… меня

Не возвращайте мне… меня,
Ведь вы ещё не разлюбили
И не остыли от огня,
Что грудь мою прожёг навылет,
И вашим сердцем овладел,
Своим настойчивым терзаньем
Его измучил, одолел,
Понудил уступить желаньям.

Но совершить к обрыву шаг,
Вам гордость строго запретила.
И ваша чистая душа
Себя спасла, но опалила
Видением греха ваш стыд,
Хотя был близок страсти морок,
Готовой вспыхнуть, словно порох…
Но он не вспыхнул, был залит
Потоком слёз… Ведь вы любили,
И не остыли от огня,
Что грудь мою прожёг навылет.

Не возвращайте мне… меня.



АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

Помогите, мужики!

Рассказы

«Мы больше не можем…» или Случай на блок-посту

После отхода основных сил ополчения из Славенска, которыми командовал известный командир под позывным «Стрелок», бойцы разведывательно-диверсионного взвода, прикрывавшие этот неожиданный маневр, отдыхали. Отдыхом это мероприятие для обычного человека можно назвать с усмешкой, потому что совсем неподалеку, километрах в двух, ещё ухали разрывы артиллерийских снарядов, доносился стрёкот автоматического оружия, в небо поднимались дымы соседней разбомблённой украинскими карателями деревни.

Сам блок-пост состоял из нагромождения разбитой военной техники на перекрёстке трёх дорог: танка, двух бэтээров и трёх военных грузовиков «Урал». Из прислоненной к танку выхлопной трубы «Урала» торчало древко флага самопровозглашённой Донецкой народной республики. Один из бэтээров ещё догорал, выплёвывая из бойниц и открытого люка смрадный чёрный столб гари, который волчком поднимался к белесому небу. Метрах в двадцати от дороги рядами лежали десятка полтора обезображенных смертью трупов, и не разобрать было, чьи это были бойцы: ополченцы или те, кто пришёл на Донецкую землю наводить свой порядок.

По всем приметам предстоял жаркий, в обычном смысле, день. Белесое небо, раскинувшееся над степью, даже в этот ранний час, уже дышало жаром. Ранние жаворонки разливали свою трель над полями, радуясь новому дню.

У танковых траков, прямо на земле, спали чумазые ополченцы, прижав к груди, словно младенцев, свои автоматы, пулемёты, РПГ, готовые в любой момент принять бой. Из кузова одного из автомобилей со спущенными колёсами и развороченным капотом доносился бодрый храп. Двое бодрствовали, лёжа на куче тряпья возле бэтээра, смолили сигареты и иногда поглядывали на дорогу. Один из них, курчавый, длинноносый, часто вздыхал, смеживал веки и, казалось, засыпал, но через какое-то время вздрагивал и снова открывал глаза. Вот он потянулся, зевнул, похлопал себя по щекам и спросил товарища:

– Серёга, как ты думаешь, наши прошли?

Тот вздохнул:

– Пройти-то прошли – сам видел, интересно, сколько в живых осталось. – Снова вздохнул. – Жалко, Славенск оставили. А хорошо мы там укроп покосили, а?

– Это да. Людей жалко, мирных, ведь эти сволочи, псы, начнут там мясную окрошку делать.

Товарищ вскинулся, хохотнул:

– А «Стрелок» молодец, вовремя чухнул, что нам крышку готовят. Если бы прикрыли наш котелок, точно бы из нас шашлычок или плов сготовили.

Курчавый взглянул на дорогу, привстал:

– Гляди-ка, Серёга, никак кто-то едет!

Второй встал на колени, повертел головой:

– Где, не вижу.

– А вон, за лесопосадкой, пыль поднимается – едет кто-то.

– Ага, вижу. Интересно, кто: укропы или наши?

– Хрен их знает. Буди командира. Эх, поспать по-человечески не удалось.

Ополченец подошёл к грузовику, залез в кузов. Скоро храп прекратился, и вслед за Сергеем из кузова с тентом выпрыгнул плотный невысокий человек в камуфляжной форме, с «разгрузкой», рацией и биноклем на груди. Автомат висел на его правом плече.

Командир посмотрел в ту сторону, где за лесопосадкой клубилась пыль, разомкнул широкие челюсти, покрытые густой рыжей щетиной:

– Видно, одиночка – пыли мало.

– Может, по нашу душу? – спросил курчавый.

– Сейчас посмотрим, – отозвался командир. – Иди-ка, толкни на всякий случай «Тетерю». Хрен знает, что у них на уме. И пусть эрпэгэ прихватит! – крикнул он уже вслед.

– А чего он по полю едет? – спросил курчавый.

Командир молчал, пристально вглядываясь через окуляр в поле, где вихрилась пыль. Рядом появился с заспанным, опухшим лицом «Тетеря» с трубой на плече.

– Чего растолкал, командир?

– Ты заряди выстрел, так, на всякий случай.

– Есть зарядить.

И тут все увидели, как метрах в четырёхстах, через прогал лесопосадки, проехала оранжевая «копейка», остановилась, затем пыхнула сизым дымом из выхлопной трубы и стала подниматься по откосу на шоссе. Вырулив на асфальтовое полотно, исковерканное тяжёлой техникой и покрытое оспинами от взрывов, снова остановилась. Курчавый предложил:

– Может, жахнем, командир? А то вдруг это укроповские эргэдэшники в гости заехали.

– Из Славенска едут. Интересно, кто это, наши вроде все вышли. Ты думаешь, разведывательно-диверсионная группа? – спросил неизвестно кого командир. – Это вряд ли. Хлопцы у них, конечно, подобраны смелые, – помнишь, мы с ними резались в городе? – но не бесшабашные. Подождём.

Ждать пришлось недолго: «копейка» тронулась и медленно стала приближаться к блок-посту. Чем ближе она подъезжала, тем отчётливее были видны развороченное левое крыло машины и торчащие из открытых окон дверей стволы оружия.

– Да они же с оружием! – не вытерпел на этот раз Сергей. – Может, предупредительный дать, командир?

– Ну, ладно, прострочи коротенькую, – разрешил командир. – Только не задень. Мало ли кто там.

Сергей снял автомат с предохранителя, щёлкнул затвором, досылая пулю в канал ствола, и дал по верху короткую очередь. Треск

рассыпался в утреннем воздухе. Автомобиль вильнул в одну сторону, в другую, но затем снова поехал прямо.

– Да что же он, чёрт, на рожон прёт! – выругался «Тетеря».

– Странно, – подал голос командир, – ведь они же видят, чей это пост. Вон, флаг наш висит. Может, наши.

– А чего же они не обозначатся?

В этот момент подбежали несколько разбуженных выстрелами бойцов ополчения с всполошенными лицами, среди которых был плотный, низкорослый священник с банданой на голове и в короткой, обрезанной по колени рясе. На груди, под автоматом, на цепи болтался большой медный крест. Священник спросил:

– Чего пугаешь, командир? – народ разбудил.

– Да вот, батюшка, к нам незваные гости пожаловали, – показал он в сторону дороги. – Остальные-то как – спят?

– Спят – сильно умаялись, видать.

– Давай жахну, да всё, командир, – пробасил «Тетеря», глядя на приближающуюся машину. – Что-то рисковать неохота, может, подсада какая, а в машине мешка три тротила или гексагена. Сидит там смертничек, а как подъедет, взорвёт – и амба, братишки!

Курчавый ухмыльнулся:

– Хе, ну, ты сказанул, «Тетеря»! Вряд ли среди укропов найдётся хоть один шахид.

– Тебе бы только жахать, – укоризненно поддержал курчавого священник. – А там живые души. Сначала разобраться надо, а потом палить.

– Ага, они, кажется, сигнал какой-то подают.

И верно, все вдруг увидели, что в окнах появилось несколько рук, которые приветственно замахали ополченцам. До поста оставалось метров двадцать, когда машина дёрнулась, взвизгнула тормозами и остановилась. Левая дверца распахнулась, и из салона вышел худосочный, высокий парнишка в каске, с автоматом, в «разгрузке» и замахал рукой, крича при этом тонким, мальчишечьим, голосом:

– Эй, мы свои, не стреляйте! Мы свои!

– А ну, подойди сюда! – грозно приказал командир, и когда парнишка двинулся к заграждению, добавил: – Оружие-то оставь. И своим скажи, чтобы сидели смирно и не высовывались. Понял?

Тот кивнул головой, сунул автомат в окошко, что-то сказал сидящим в машине и снова пошёл к посту. Подошёл, остановился

перед командиром. На бледном лице дрожали тонкие губы, и подёргивалась правая щека, но взгляд был твёрдым, даже вызывающим.

– Вы кто такие, что здесь делаете? – грозно спросил командир.

– Мы, мы, мы, – дрожащим голосом начал подросток, но так и не закончил фразы. Из глаз вдруг ручьём полились слёзы, губы заплясали.

– Мы… хотели… помочь. Нашим помочь. Мы хотели помочь! Мы хотели помочь! – взвыл он.

Этот вой разбудил и остальных бойцов ополчения, они выползали из всех щелей, как тараканы: чумазые, израненные, в грязной, разномастной одежде. Зевали и недовольно ворчали, ругаясь:

– Ну, что за шум, а драки нету? Что за детский сад у нас завёлся.

Скоро они окружили мальчишку, внимательно разглядывая его и переговариваясь:

– Это что за чудо! Откуда он взялся? Пацан совсем.

– Ничего не понимаю, – недоумевал командир, – чем помочь, кому помочь. Перестань реветь! Ты хоть объясни толком!

Мальчишка неожиданно успокоился, долго обводил бойцов своими серыми глазами и вдруг, сглатывая слюну, неожиданно попросил:

– Воды бы. Я пить хочу.

Ополченцы зашумели:

– Он пить хочет! Дайте пацану глотнуть! Эй, у кого вода с собой есть!

Командир, посмотрев на дюжего парня с автоматом, спросил:

– «Битюг», у тебя там что-то осталось?

«Битюг» отозвался протодьяконовским басом:

– Найдём, командир, напоим мальца.

Малец неожиданно заявил:

– Один я пить не буду. Позовите всех, из машины.

– А кто там?

– Там мои бойцы.

Кто-то хохотнул:

– Вот даёт пацан, оказывается, у него свои бойцы есть!

Командир повернулся к «Тетере»:

– Возьми двоих, приведи. Посмотрим, что там за орлы сидят. Да и оружие их собери и принеси сюда.

– Хорошо, «Сержант».

Трое ополченцев пошли к «копейке» с распахнутыми дверцами. Из машины вылез сначала один мальчик, потом второй, третий, четвёртый… А дети всё вылезали и вылезали. Среди них была и девочка лет четырнадцати. Четверо были ранены: один волочил ногу, второй держался за голову с кровавым колтуном волос, у двоих были окровавлены рубашки.

Один из ополченцев удивлённо воскликнул:

– Да они же раненные! Мужики, надо осмотреть их да перевязать, что ли. Сколько же вас?

– Нас девять человек осталось, – ответил подросток.

– Я только семерых насчитал, командир, – сказал курчавый. – Или я считать не умею. Остальные-то где? – спросил он подростка.

– Не знаю – они за нами ехали.

Наконец, все пассажиры вылезли и в сопровождении ополченцев двинулись к опорному пункту. Дети оказались в плотном окружении бойцов, которые не могли поверить, что вот эти худосочные подростки, некоторым из которых от силы было лет двенадцать, могли держать в руках оружие.

– «Битюг», напои бойцов, – мягко приказал «Сержант». – Да перевяжите им раны, а то подхватят инфекцию.

Ополченец с кличкой «Битюг» черпал из термоса пластмассовой кружкой воду и поочерёдно подавал её детям. Двое с санитарными сумками возились с ранеными. Другие, кто умилительно, кто серьёзно, кто с ласковым взглядом, смотрели на процедуру поения и молчали. Один из детей, мальчик с царапиной на щеке, попив, поднял головёнку и заявил:

– Я есть хочу.

Ополченцы забегали, стали доставать откуда-то сухпайки, чёрствые куски хлеба, сало, вскрывать консервы, открывать термосы.

Мальчишка лет тринадцати, конопатый, с обгорелым на солнце и уже облупившимся носом, то и дело поглядывал на священника, вдруг спросил:

– А вы поп?

Тот ласково посмотрел на мальчика, погладил его по выгоревшим до сединной белизны волосам:

– Я не поп, я священник, деточка. Зови меня отец Георгий. Меня тут все так называют. А тебя как родители назвали?

– Колька.

– Стало быть, Николаем. Святое имя. Крещёный ли ты?

– Да. У меня крестик есть. Вот он.

– Это хорошо. А знаешь ли ты про святого Николая-угодника?

– Знаю, – неожиданно признался Колька. – У нас икона такая есть. На неё бабушка моя всё время молится. А вы… вы тоже воюете?

– Да вот, пришлось, – вздохнул отец Георгий.

– А разве священникам можно воевать? – спросила девочка.

– Брать оружие в руки и убивать людей – это грех, милая моя. Да вот пришли вороги на нашу землю, хотят веру нашу отобрать. Приходится защищать. Разрушили храм, в котором я служил. – Священник перекрестился широким крестом перед своим лицом. – Да и воевать мне уже приходилось – ещё в Афганистане. Так что я старый боец. Думаю, что бог простит нас всех, грешных, – за правое дело воюем.

Когда все дети поели, «Сержант» спросил «командира» детского подразделения:

– Как тебя звать?

– «Кошевой».

– Это фамилия твоя?

– Нет, это мой позывной.

– Так, понятно, значит, в «Молодую гвардию» решили поиграть. А как тебя родители звали?

– Славой, – признался подросток.

– Ну, вот что, Слава, рассказывай-ка всё по порядку. Да чтоб как на духу. Понял?

И мальчик начал рассказывать: неторопливо, морща лоб и глядя куда-то в пустоту, наверное, в своё недалёкое прошлое.

* * *

Слава, как и многие его сверстники, учился в школе, очередной майданной заварухой в Киеве не интересовался, разве мало у шестнадцатилетнего подростка других интересов. Летом – это купание в Донце, поездки к прадедушке-фронтовику, рыбалка, помощь маме на даче. Иногда целыми днями он пропадал вместе с отцом в гараже, который постоянно чинил и ремонтировал свою старую «ласточку», как он называл свои «Жигули» – копейку. Да ему

и самому нравилось собирать и разбирать мотор, бортовать колёса, продувать карбюратор, менять тормозные колодки, пылесосить в салоне маленьким пылесосом «Шмелем».

Но однажды посреди ночи их семью разбудил страшный грохот, затем ещё и ещё.

– Гроза, что ли, – проворчала мать, поднимаясь с постели.

Но «гроза» не унималась. Отец долго смотрел в окно и, слушая грохот, вздохнул:

– Ну, мать, кажется, и к нам бандеровцы пришли.

– Какие бандеровцы?

– Скоро узнаешь. Из Киева самостийцы явились.

Через два дня в их небольшом городе появилась бронетехника – танки, бэтээры, бээмпэ, тягачи с артиллерийскими орудиями, грузовики с солдатами. На перекрёстках улиц и на въезде в город нацгвардейцы и правосеки строили блок-посты из бетонных блоков, автомобильных покрышек; в городе начались погромы, аресты активистов, которые готовили референдум о независимости. На площади и улицах проходили митинги и демонстрации с требованием провести референдум и вывести украинские войска из города. Появилось народное ополчение, которое разоружило милицию и захватило здание службы безопасности.

Слава со своими товарищами по двору шнырял среди толп народа, под одобрительные возгласы людей помогал вывешивать на здании администрации флаги России и самопровозглашённой республики, разбрасывал листовки. Блок-посты у города переходили от одной стороны к другой, люди своими телами перегораживали путь танкам и бэтээрам, когда те пытались ворваться в город. Всё это Слава переживал вместе с донбассцами, и всё это представлялось ему, хоть и взрослой, но игрой.

А после референдума о независимости, когда все города Донбасса ликовали от победы, началось и вовсе светопреставление. На блок-постах произошли первые боевые столкновения между плохо вооружёнными ополченцами и боевиками нацгвардии, которые под крики «Слава Украине – героям слава!» стреляли во всех подряд; люди рассказывали о первых жертвах среди мирного населения, о разрушенных домах на другом конце города. Неонацисты зверствовали, избивая людей и проводя аресты.

Мальчишки со двора, где жил Слава, рвались посмотреть на всё происходящее своими глазами, но родители удерживали их, словно молодых горячих жеребят, затаскивали в подвалы и грозили всеми карами, если они уйдут со двора. Отец Славы каждый день уходил на работу, а после возвращения домой мрачно молчал и скрипел зубами. Мать, которая работала продавщицей в небольшом продуктовом магазине, приносила новости одну мрачнее другой. Сидя за семейным столом по вечерам, она рассказывала:

– Сменщица моя собралась замуж. Я говорю: «Какая теперь свадьба, посмотри, что делается. Подождали бы» А она только смеётся. Приходили правосеки, требовали у нашего директора деньги на памятник «небесной сотни». Маша, моя сменщица, в Россию уезжает, боится, ведь у неё четверо детей. У Егоровых сноху забрали.

– За что? – спрашивал отец.

– Будто бы за агитацию, за предательство. А у вас на шахте что творится?

– Рубаем уголёк, чего же ещё. Хозяин пообещал прибавку, если мы на митинг не пойдём.

– А вы?

– А что мы! Нам деньги зарабатывать надо, семьи кормить. Вон, Ленка подрастает, ей скоро в школу идти – собирать надо, – кивнул он в сторону младшей дочки, которая наворачивала своё любимое картофельное пюре.

Услышав, что говорят о ней, семилетняя Лена спросила:

– А туфельки с пряжками, как у Золушки, мне купите?

Мать погладила её по волосам:

– Купим, купим, доченька.

– А платье?

– И платье купим, и портфель красивый, и книжки с картинками, и тетрадки. Лишь бы всё хорошо было, – вздохнула мама.

– Ура! – Леночка захлопала в ладошки. – Мне купят, мне купят! А тебе, Славка, ничего не купят.

Брат скорчил мину и высунул язык:

– Ленка-пенка, горелая гренка!

– Мама, чего он дразнится!

– Ну, хватит вам! – прекратила ссору мать. – Доедайте, и марш телевизор смотреть. А потом спать. – Она погрозила пальцем: – И чтобы со двора ни ногой! Слышите? Славик, ты меня слышишь?

– Да, слышу, слышу, не глухой, – пробурчал сын. – Я что, маленький, что ли, я уже в десятый класс скоро пойду.

– Вот-вот, сынок, – поддержал отец. – Ты уже взрослый. Так что присмотри за сестрой своей, чтобы она далеко не убегала от дома.

– Ладно, присмотрю.

Обстановка в городе накалялась: противоборствующие стороны обвиняли друг друга в предательстве, дрались, ходили на демонстрации и митинги. А войска Украины уже входили в города Донетчины, наводя свои порядки. Молодые правосеки и нацгвардейцы громили магазины, жгли автомобили, с металлическими прутьями в руках ходили по улицам и скандировали: «Москаляку – на гиляку!», «Чемодан-вокзал-Россия!», «Бандера – наш герой!», «Отомстим за небесную сотню!», «Сепоры – вон из Украины!». Скакали на улицах и площадях и орали: «Кто не скачет, тот москаль!»

– Вот козлы! – возмущался отец, приходя с работы. – Это мы-то террористы и сепаратисты, недочеловеки! Сволочи! Да Донбасс всю Украину кормит, давно бы без нас побирались на европейских задворках и рылись в ихних помойках, быдло безмозглое. Они думают, что их Европа накормит и осчастливит!? Как же, держи карман шире! – кипятился он.

– Да что ты себе нервы-то треплешь! – успокаивала жена. – Поскачут-поскачут, да успокоятся. Мало ли у нас этих майданов было. И что? Одни олигархи уходят – другие приходят.

– Так-то так, только в прежние годы на танках не разъезжали. У нас вон двое уже собрались тикать, видно, почуяли, что жареным запахло.

– Кто это?

– Вилков из спассгрупы и Билыч из первого забоя.

– Ну, Вилков понятно – у него семеро по лавкам, да все годовики, а Билыч-то чего?

– Не знаю, ходит бирюком и молчит.

– А едут куда?

– Вилков, по слухам, на Ставропольщину – у него там женина родня, а Билыч будто бы на Галичину собрался.

– А-а-а, – злорадно протянула жена, – к своим, западэнцам, собрался.

Неожиданно она перекрестилась:

– Спаси и сохрани нас, Мать-Пресвятая Богородица. Может, утихнет всё.

– Дай-то бог.

Не утихло… Скоро начались настоящие бои. Артиллерия била по жилым кварталам, в небе появились боевые самолёты и вертолёты, которые ракетами бомбили блок-посты ополчения. В городе хоронили первых убитых, а больницы были переполнены ранеными. Отец, приходя с работы, грязно матерился и сквозь сжатые зубы цедил:

– Что делают, сволочи! Армией на мирных людей! Да когда же, где это такое было. Вот гнусь проамериканская! Чего они добиваются? Чтобы мы начали говорить на их мове, чтобы мы поклонялись ихним Бандерам и Шухевичам? Да не будет этого никогда!

Скоро обстрелы стали настолько интенсивными, что жителям домов пришлось спускаться в подвалы. Некоторые квартиры опустели – жители пустились в бега. Однажды прибежала младшая сестра отца, у которой доживал свой век дедушка, с порога закричала:

– Гриша, возьми к себе дидусю! У нас ведь сховаться негде, нет ни погреба, ни подвала. А если, не дай бог, бомба на нас упадёт!

– А вы как же? – спросил отец.

– Да мы уж как-нибудь. У соседей, если что, схоронимся. Мы здоровые, а у дидка совсем ноги отказывают. Ну, как мы с ним!

Так прадедушка Славы, Тарас Семёнович, оказался у них в подвале. Отец нашёл два тарных ящика, снял межкомнатную дверь, принёс матрацы, одеяла и устроил старику постель. Тот всё время прижимал к себе свою любимую правнучку Леночку, и когда наверху бомбили, приговаривал:

– Не бойся, дидятко, не бойся, моя ладунька, они нам ничего не сделают.

Девочка спрашивала:

– Дидуся, а зачем они нас бомбят, разве мы их обидели?

Тарас Семёнович тяжко вздыхал и отвечал:

– Нет, дитятко моё, это у взрослых такие игры. Они вроде как в войну играют. Поиграют-поиграют, и бросят.

Однажды, когда отец и мать были на работе, одна из женщин, которая тоже укрывалась в подвале с тремя малолетними детьми, попросила:

– Слава, милок, сходи, прошу тебя, за водой. Кажется, изверги притомились – не бомбят. У нас питья не осталось. Только ты осторожнее там.

Слава был рад хоть ненадолго вылезти из подвала, увидел, что

дедушка спит, рядом с ним Леночка играет в куклы. Он взял две пластиковые пятилитровые бутыли, вылез наверх и побежал на соседнюю улицу, в частный сектор, где находилась водоразборная колонка. Улицы были пустынны, дома с посечёнными осколками фасадами и окна с выбитыми стёклами, словно в изумлении смотрели на одинокого мальчишку, который перебегал от подъезда к подъезду, чтобы в случае обстрела спрятаться. Он надеялся, что и у колонки никого нет, но около неё уже стояли трое мужчин. Слава терпеливо дожидался очереди. Особенно долго наливал воду мужчина с тележкой и двумя молочными флягами. Двое других часто и нетерпеливо поглядывали в небо и разговаривали. Один из них, мрачный и костлявый, с двумя деревянными бадейками, тягуче, монотонно рассказывал:

– У нас через дом соседи сгорели.

– От снаряда?

– Будто бы осколком газовую трубу пробило, а у них суп на плите варился.

– А что ж хозяева?

– В погребе сидели. Вылезли, а дом уж горит. Всю кухню у них разворотило взрывом.

– Беда! А самолётов не видать, слава богу.

– Эй, ты, давай быстрее! – прикрикнул костлявый на бидонщика.

– А я что, вода тихо текёт.

Наконец, он набрал воды, погрузил фляги на тележку и покатил её вправо. Подошла очередь и Славы, пока набирал воды, за ним образовалась очередь. Он подходил к своему двору, как вдруг услышал шелестящий звук. Мина! – догадался он и лёг плашмя на землю, прикрыв голову руками и заткнув большими пальцами уши, как учил его отец. Земля под ним дрожала, словно живая. Взрывов было с десяток, а затем внезапно стихло. Слава осторожно поднялся, стряхнул с себя комья земли, осмотрелся: мужчина с флягами лежал на земле с окровавленной головой, из бидонов, пробитых осколками, ещё текли струйки воды; остальные люди поднимались с земли и разбегались в разные стороны; костлявый бежал, хромая, зачем-то прижимая пустую деревянную бадейку к груди.

Когда Слава спустился в подвал, то сразу заметил, что сестры не было. Дедушка мирно спал на боку, подложив руки под голову, и сопел. Спросил женщину:

– Вы Лену не видели?

– Лену? – всполошилась женщина. – Боже мой – недоглядела! Да она тут только что была, рядом с дедом играла. А что, разве её нет? Ох, матушки! Она всё про какую-то карету спрашивала.

Слава выбежал на улицу, бросился вправо, влево, затем за дом – Лены нигде не было. И вдруг увидел, что из подъезда, в котором они жили, через разбитое окно вьётся дымок. Забежал внутрь и сразу увидел Лену, лежащую на марше. Ещё не веря своим глазам, он долго теребил сестрёнку и кричал:

– Вставай, вставай! Ленка, вставай.

Оторопел, когда увидел в её волосах кровь и дырку в черепе.

Лену хоронили всем двором. Гробик стоял на табуретках, рядом с ним на стуле сидел отец, уронив голову на грудь дочери и безутешно рыдая. Мать отсутствующим взглядом смотрела в небо и что-то шептала, гладя рукой волосы мужа. Слава стоял с поникшей головой, бледный и безучастный. Дедушка сидел по другую сторону гроба, опираясь на трость, и качался всем туловищем, крепко, до белизны, сомкнув свои тонкие губы.

После девятин, сразу же на следующий день, отец вернулся с работы в неурочное время, в обед. Помылся, переоделся и сел за стол, опустив голову.

– Случилось что? – спросила жена.

Григорий поднял голову, жалобно простонал:

– Всё, я больше не могу. Мать, я записался в ополчение. И не отговаривай меня! – повысил он голос.

Жена села на стул, растерянно глядя на мужа:

– Да я и не отговариваю. Раз уж решил… Что ж… А как же мы? Что нам-то делать, как жить?

Отец вытащил из кармана брюк пачку денег:

– Вот, расчёт дали. Тут и забойщики кое-что собрали. Проживёте как-нибудь… А я больше не могу.

Когда ополченцы отбили у военных вокруг города все блок-посты, и власть в городе взяла новая администрация, наступило относительное спокойствие. Жильцы дома перебрались из подвала в квартиры, латали пробоины от снарядов, вставляли рамы и стеклили окна. Открылись рынки, школы, детские садики, стали ходить автобусы и маршрутки.

Мать ходила по комнатам сама не своя, но делала свои хозяйские

дела, дедушка постоянно мочил слезами глаза и приговаривал:

– Ироды, фашисты! Дитё-то зачем сгубили?.. Видать, мало мы их в войну перебили. О-хо-хо, дожил, лучше бы умер. Правнуков хороню.

Отец иногда звонил по телефону, справлялся, как они живут, не голодают ли, хватает ли денег. Иногда заявлялся домой, грязный, пропахший потом и пороховыми газами, отмывался в ванной, а затем снова уходил. Ближе к лету его подразделение передислоцировалось в другое место.

Слава закончил кое-как школу, как говорила мама, с двойки на тройку. С гибелью сестры в его ещё неокрепшей душе словно что-то перевернулось. Он вспоминал прежние месяцы, и ему до смерти стыдно было, что он иногда, не со зла, конечно, обижал и дразнил младшую сестрёнку. А внутри словно разжималась какая-то невидимая пружина, которая требовала отмщения. Но как осуществить эту месть, он не знал, в бессилье только сжимал кулаки и скрипел зубами.

Всё решил случай. Наступили первые, по настоящему, летние деньки. Однажды Слава со своими друзьями, Колей и Виталькой, решил прокатиться на отцовской «копейке» до речки, попробовать водичку. Они скупнулись, побаловались на песке, когда в небе послышался шум. Мальчишки всматривались в безоблачное небо, приставив ко лбу ладони.

– Военный, – определил Виталька.

– Ага, – согласился Колька. – СУ двадцать пятый.

– Чего он тут крутится?

– Не знаю, разведчик, наверно.

И вдруг они увидели, что штурмовик начинает снижаться. Им казалось, что он пикирует прямо на них.

– Тикаем! – закричал Виталька.

Мальчишки впрыгнули в салон, и машина помчалась по берегу. Слава вырулил на грунтовую дорогу, затем свернул в небольшой лесок и остановился под деревьями. Штурмовик сделал круг, затем второй и с промежутками в две-три секунды выпустил две ракеты. Шлейфы сизо-белого дыма потянулись к земле, раздались два взрыва. Самолёт взревел моторами и ушёл влево. Мальчишки встали с земли, отряхнулись.

– Кого это он? – спросил Колька.

– Не знаю, – ответил Славка. – А давайте глянем.

– Давай, – согласились друзья.

Место, куда ударили ракеты, было хорошо видно – оттуда курчавым шлейфом, закрученным ветром, поднимался дым. Повиляв по полю, «копейка» подъехала к месту разрывов. Остановились метрах в тридцати от коптившего четырёхколёсного броневика с разорванными в клочья шинами. Виталька зашептал:

– Это наши или…

– Какая разница, – зашипел Слава. – Давай посмотрим.

Когда они подкрались к подбитому броневику, то сразу увидели шестерых военных, лежащих на земле. Одна из ракет попала прямо в броню, развороти башню, вторая воронка от взрыва находилась метрах в шести. Видно, после первого взрыва бойцы успели соскочить с брони, а вторым их всех уложило.

– Может, живой кто, – зашептал Колька и, увидев забрызганную кровью траву и разбросанные окровавленные куски мяса, вдруг выпучил глаза, раззявил рот, схватился за горло и задёргался всем телом – его стошнило. Глядя на него, Виталька тоже задёргался в конвульсиях, но сдержался. Глядя на товарищей, Слава сказал:

– Мне дедушка рассказывал, что так всегда бывает в первый раз. А потом проходит.

Его и самого мутило, но он сдерживался, часто глотая слюну и сжимая спазмами горло.

– Всё, пацаны, поехали отсюда, – прохрипел Колька. – Я больше не могу.

– Ага, давайте тикать, пока нас тут не застукали, – согласился Виталька.

Следом за ними встал и Слава, но вдруг остановился, в голове вдруг всплыли слова Кольки: «Я больше не могу…» Где-то он их уже слышал. Да-да, точно такие же слова сказал отец после гибели Лены, когда он уходил в ополчение. Этот хриплый стон отца словно подтолкнул его. Друзья уже сели в салон, а он бросился к мёртвым солдатам, подобрал три лежащих в пыли автомата, подсумок для рожков и, волоча их по земле, побежал к машине. Быстро бросил трофеи в багажник. Сел в салон, долго вставлял дрожащими руками ключ в замок зажигания. Виталька спросил:

– Ты что это там подобрал?

– Ничего, – буркнул Слава. – Не твоё дело.

Лишь в гараже, при закрытых дверях, он раскрыл тайну. Подростки при виде оружия замерли на месте, словно заколдованные. Наконец, Колька выдохнул:

– Вот это да! Автомат! Настоящий! Дай подержать.

– Я те дам! Ты умеешь с ним обращаться?

– Я осторожно.

– А вдруг он заряженный? Вдруг стрельнешь?

Колька отдёрнул протянутые руки.

Слава строго предупредил:

– Смотрите – молчок, никому ни слова! Потом с ними разберёмся. А пока я их в погреб спрячу. Помните – никому ни слова.

* * *

В этом момент недалеко от блок-поста раздались автоматные очереди, и Слава прервал рассказ.

– Командир, погляди-ка, кто там озорует? – спросил курчавый.

«Сержант» долго вглядывался в бинокль, процедил:

– Кажись, кто-то прорывается. Приготовиться к бою!

Заклацали затворы, бойцы залегли под колёсами и гусеницами танков. С той же стороны, из-за лесопосадки, вывернулся мотоцикл с коляской.

– Дяденьки, не стреляйте! – закричала девочка. – Это наши, наши!

– Какие ещё ваши?

– Это наши пацаны: Женька с Володькой, – пояснил Слава. – Они ехали за нами, а потом куда-то пропали. Мы же вам говорили.

Мотоцикл вырулил на дорогу перед блок-постом, и тут же над ним засвистели пули. Сержант повернулся к бойцу с пулемётом:

– Тима, ну-ка, прикрой ребятишек.

Пулемётчик установил своё оружие на броню подбитого бронетранспортёра и дал несколько коротких круговых очередей.

Обстрелы смолкли. Старенький «Ирбит», несколько раз вильнув, въехал на блок-пост и остановился. Мальчишки стали обниматься и кричать:

– Женька, Володька! Живые! Вы где были?

– Заблудились, – коротко ответил один из них. Махнул рукой за спину. – Там сейчас одни укры, наших не видно.

– В нас… стреляли… три раза, – заикаясь, объяснил другой, мальчишка лет тринадцати с автоматом наперевес.

Один из ополченцев осмотрел мотоцикл:

– Повезло вам, сынки, – на вашем коне три пробоины. Наверно, мамки вас в сорочках родили. Хорошо, что в бак не угодили.

Мальчишек накормили, напоили, а Слава продолжал свой рассказ.

* * *

Скоро подростки сколотили свой отряд из одиннадцати человек и назвали его «юная самооборона». Но что делать, что предпринимать дальше, они не знали, никто не мог обращаться с оружием, да и того было мало. Как управляться с оружием, научил дедушка, Тарас Семёнович. Однажды Слава стал расспрашивать:

– Дидуня, а ты, когда на фронте воевал, в фашистов стрелял?

Тот вздохнул:

– Пришлось, сыночка. Но лучше бы этого не было: ни войны, ни стрельбы.

– Почему? Они же враги.

– Враги-то враги, это так, только это очень тяжело – застрелить живого человека, хоть враг он, хоть не враг.

– А ты из винтовки стрелял?

– Стрелял, стрелял, сыночка.

– А из автомата?

– И из автомата пришлось. – Дедушка неожиданно подозрительно посмотрел на правнука. – А чего это ты расспрашиваешь, а? Уж не надумал ли чего? Смотри мне! Мал ты ещё. Вот сообщу родителям – всыплют они тебе горячих.

– И ничего не всыплют, и ничего не мал, мне уже шестнадцать исполнилось, – огрызнулся Слава.

– Неужели шестнадцать! – удивился старик. – Я уже счёт годам потерял, всё думал, что ты ребёнок, а ты вон, мужик уже. Так, чего тебе надо-то?

– Дидуся, научи нас стрелять.

– Стрелять, в кого? – Не получив ответа, он неожиданно заплакал и сквозь всхлипы говорил: – Не думал я, что под конец жизни буду

учить своего родного правнука стрелять. Дожил! – Поднял голову. – Ведь всё равно не отступитесь?

– Не отступимся, – твёрдо ответил Слава.

Старик вытер платочком слёзы, внимательно посмотрел на подростка:

– А я ведь тоже почти в твоих годах на фронт стикал, мне семнадцать лет всего было. О-хо-хо-хо! Годы-то как летят, как осенние листочки с дерева. Оружие-то хоть есть? – неожиданно спросил Тарас Семёнович.

– Есть, автоматы, – ответил Слава.

– Где взяли? Ладно, вижу, что не скажешь, – отмахнулся он, увидев упрямое лицо правнука. – Так и быть, раз обещал, покажу вам, как обращаться с оружием, а то перестреляете ещё друг дружку. – Прадед погрозил пальцем. – Только, гляди, чтобы матери об этом ни слова, а то она с ума сойдёт. Знаю – всё равно не отступитесь.

Тараса Семёновича подвозили и увозили в гараж на машине или на «Ирбите» Женькиного отца, который ушёл в ополчение. Старик любовно крутил автомат в руках:

– Знакомая штука. Когда в пятидесятых годах чуть до войны дело не дошло, нас, шахтёров, на трёхдневные сборы призывали, учили, как обращаться с новым автоматом. У нас-то пэпэша да пэпээсы были, – объяснял он сгрудившимся около него мальчишкам. – А теперь слушайте внимательно и запоминайте. Сначала отцепляите рожок. Вот так. Видите здесь защёлку?

– Видим, – хором отвечали мальчишки.

– Затем снимаем с предохранителя, передёргиваем затвор. О, да он у вас снаряжённый! – удивился дедушка, когда из казённика вылетел патрон.

Уроки продолжались с неделю. Тарас Семёнович показывал, как собирать и разбирать автомат, как его чистить и приводить в боевое состояние, предупреждал, что наставлять оружие на человека, даже в шутку и если оно не заряжено, опасно. «На грех и грабли стреляют», – наставлял он. Стрелять учились под руководством старика в заброшенном цехе небольшого завода на окраине города. Но патроны скоро закончились. Каждому юному ополченцу досталось по два-три выстрела.

Мальчишки и несколько девчонок, которые примкнули к отряду юной самообороны, долго спорили, где взять боеприпасы, ведь без патронов автомат превращался в ненужную игрушку. Наташа, одноклассница Славы, предложила:

– А давайте попросим у ополченцев. А что, у них бойцов не хватает, мы и сами вступим в отряд ополчения.

– Ага, – скривив в усмешке рот, возразил Мишка, – так они тебя и приняли! Ещё и автоматы отберут, скажут, что мы маленькие.

– Может, военный склад грабанём, – подал новую мысль тринадцатилетний Тимка. – Я знаю, где он находится.

– Ты что, совсем больной, – протянул Колька. – Его же охраняют, часовые ходят. Вмиг заберут. Да и стены там знаешь, какие толстые – их атомной бомбой не пробьёшь.

– Нет, ребята, так не пойдёт – своих грабить, – не согласился Слава. – И добровольно нам никто патронов не даст.

Вскочил Мишка:

– Слушайте, пацаны, а что если за город съездить. Вы же слышали, там недавно бой был, наверно, и оружие валяется. Вон, Славка нашёл же автоматы, может, и нам повезёт. – Мишка уныло добавил: – Правда, бандеровцы там наш блок-пост взяли. Говорят, ополченцев танками подавили.

Все долго и понуро молчали, пока не встал Слава и не спросил Мишку:

– Говоришь, сдали?

– Ага. Там сейчас такую крепость устроили – ого! как в Бресте.

– Точно знаешь?

– Да я своими глазами видел, когда на велосипеде там проезжал, – вскипел Мишка. – Там как раз «Урал» стоял, выгружали из него разные ящики.

Перебивая друг друга, ребята закричали:

– Там наверняка и оружие есть, и патроны. Вот бы там пошукать!

– Пошукаешь в своём кармане, – перебил Слава. – А там вооружённые солдаты, может, нацики или псы. Они так просто не отдадут.

– Да-а-а, – протянул Толя, – голыми руками их не возьмёшь. Что же делать?

– Я знаю, – ответил Слава, которого весь отряд уже принял за командира. Он пошарил на верхней полке стеллажа и достал свёрток. Развернул его, и все увидели рожок от автомата.

Ребята зашумели, загалдели:

– Где ты его взял? Заныкал, а мне всего один выстрел достался! Нука, покажи! Ого, да он полный! Вот это да! Живём, пацаны!

Слава гордо оглядел всех и объявил:

– Запас карман не тянет.

– Ай, да Славка! Молоток! Так, где ты его взял?

– А там же, у бронетранспортёра. Бросил в багажник, он там и валялся, а вчера смотрю, лежит что-то под запаской. В общем, поедём трое. Сделаем так…

Под вечер подростки подъехали на «копейке» поближе к блок-посту и схоронились в кустах лесопосадки. Долго наблюдали, что там происходит. Движение по дороге становилось все реже и реже. Больше машин выезжало из города. Наконец, совсем стихло. Солнце спряталось за горизонтом, последние угольки зари уже дотлевали за тёмной чертой, но светлое небо ещё освещало землю. Вот снова появилась легковая машина и остановилась у блок-поста.

– Вот, гады, тикают, – зашипел при виде трёх крепких мужчин Володька, налитой и рослый парнишка лет шестнадцати, которого взяли с собой из-за его недюжинной силы. – Наши отцы воюют, а они дают драпала.

– Откуда ты знаешь? Может, и не тикают, – отозвался Мишка.

– Хватит вам, – шикнул Слава. – Лучше считайте, сколько там нациков.

– Вроде бы всего двое. – Это Володя.

– Ага, как не двое! – опроверг Мишка. – Видишь, вон там, за шинами, дымок поднимается – курит кто-то. А вон ещё один, справа, за плитой сидит.

Насчитали пятерых.

– Эх, многовато, – вздохнул Слава. – Не справиться нам с ними. Надо отложить.

– Смотри, смотри! – чуть не закричал Володя, показывая пальцем влево.

Все увидели, как двое направились к лесопосадке и присели в кустах, сняв штаны и отложив автоматы в стороны. Момент был подходящий.

Подростки подкрались сзади. Слава наставил автомат на бойцов и тихо скомандовал:

– Эй, сидеть и не рыпаться, а то пришью сейчас к земле.

Нацики были ненамного старше подростков. Увидев направленный на них автомат, один из них дрожащим голосом, не вставая, спросил:

– Хлопцы, вы кто?

– А вы кто? – спросил Миша.

– Мы… мы охраняем.

– И мы охраняем наш город. Не херойствуй, а то всажу пулю в черепок.

Автоматы уже были в руках Славы, а Володя связывал пленников их же ремнями по рукам и ногам и приговаривал:

– Кричать не советую. Не боись, останетесь живы – гарантирую. – Он засунул им в рот кляпы из носовых платков. – Вот, теперь совсем порядок. Пошли.

Когда они уже в полутьме подходили к блок-посту, кто-то их окликнул:

– Гришко, вы,что ли?

– Мы, мы, – вполголоса промычал Слава, подходя к плитам.

Двое при виде незнакомых парней с направленными на них автоматами сразу подняли руки, третий метнулся за бетонный блок, но ему Володя подставил подножку, и тот грохнулся оземь, как срубленный. Процедура связывания повторилась. Двое угрюмо молчали, уткнувшись лицами в асфальт, лишь третий постоянно ныл:

– Хлопцы, не убивайте! Хлопцы, не убивайте! Нас заставили, нас послали. Мы не виноваты. Мы не хотели…

А тем временем Слава уже подогнал легковушку и с Михаилом стал загружать в багажник и в салон ящики. Открывая их, Миша каждый раз вскрикивал:

– Ой, да тут патронов на целый взвод хватит. А тут и гранаты есть! Брать? А тут какие-то две трубы лежат. Что это?

– Бери, потом разберёмся.

Когда боеприпасы были погружены, Володя пробасил, кивая на связанных бойцов:

– А с ними что делать?

Слава посмотрел в потухающие глаза пленников, вспомнил, как дед говорил: «Эх, внучек, не так-то легко живого человека убить», ответил:

– Оставь их. Поехали отсюда.

* * *

Слава замолчал. Молчали и слушатели. Один из ополченцев вздохнул:

– Да, прав твой прадед, сынок. Дожили вот: приходится убивать друг друга. Русские русских. Эх, мать иху…

– А дальше, дальше-то, что с вами приключилось, – настаивал боец.

– Мы не знали, что делать дальше, – признался Слава.

Все вокруг засмеялись, загалдели:

– Эх, Аники-воины!.. Не знали они... Сидели бы дома, учились... Да дайте досказать-то, мужики!

– А потом у Наташи, одноклассницы моей, папа в ополчении погиб. Похоронили его, а Наташка говорит: «Эх, вы, сидите тут, мечтаете, а наши отцы там погибают». Как она плакала! я не знаю. В этот день мой отец позвонил маме. Ранили его, отправили в госпиталь, говорил, что рана пустяковая, просил, чтобы не беспокоились. А тут по телику сообщили, что «Стрелок» в Славенске в окружение попал. И мы решили идти на подмогу.

Из рассказа командира отряда «юных ополченцев» перед слушателями вставала следующая картина. Переброска подросткового войска произошла за два дня, перевозили на «копейке» и на мотоцикле. На окраине города увидели страшную картину: исковерканная, ещё дымящаяся техника лежала по всей дороге, повсюду мёртвые тела бойцов, дома разрушены взрывами. Постучались в один уцелевший дом – никого, во второй – тоже пусто. Лишь в третьем испуганно отозвались:

– Кто там?

– Мы это.

– Кто мы? Идите отсюда!

– Откройте, пожалуйста.

Задвижка скрипнула, и на пороге появилась старушка.

– Ну, чего вам? – удивлённо спросила она, оглядывая вооружённых недоростков.

– Бабушка, скажите, где нам «Стрелка» найти.

Старушка боязливо огляделась по сторонам, зашептала:

– Нет ваших стрелков, ушли они. Вон они чего тут натворили, стрелки ваши, – показывала она рукой на горящие дома, убитых бойцов и животных на улице. – И вы тикайте, сюда уже эти, – она показывала на кого-то за спину, – приходили. Всё расспрашивали про активистов да

ополченцев. Много арестовали. Чего они тут вытворяли! Боженька мой: грабили, насильничали, избивали, расстреливали. – Сквозь слёзы старушка добавила: – А я знать ничего не знаю, ведать ничего не ведаю. И вы тикайте, да поскорее.

– Бабушка, вы хоть скажите, куда «Стрелок» ушёл.

– Туда, туда все потикали, – показала бабушка вдоль улицы и захлопнула перед их носами дверь.

– Ушли! – разочарованно протянул Мишка. – Как же так? Славка, чего же мы приехали тогда?

– Разберёмся. Искать будем, не могли они далеко уйти, – ответил командир «юного ополчения».

И нашли… Когда группа проехала километра два в том направлении, куда показывала им бабушка, за поворотом, заслонённом кущами деревьев, они почти вплотную наткнулись на колонну техники. Ещё не зная, свои это или чужие, притормозили. Колонна состояла из двух грузовиков с пехотой, танка и двух бронемашин десанта. Скоро глазастый Мишка рассмотрел жёлто-синий флаг на переднем «Урале» и две белые полосы на броне бэтээра. Неожиданно побелевшими губами прошептал:

– Нацики. Что делать?

Слава и сам уже понял, что они напоролись на украинское подразделение. Разворачиваться и драпать было поздно: на узкой дороге не развернуться. Он приказал:

– Будем принимать бой.

Бойцы притихли, лишь Наташа как-то странно улыбнулась и процедила сквозь зубы:

– Сволочи, сейчас я им покажу! Я отомщу им за своего батечку.

Неожиданно над их головами прошелестели пули. Все выскочили наружу и залегли в кювете. Стало понятно, что от боя уже не уклониться. Слава закричал:

– Пацаны, отгоните мотоцикл и машину в лесок! Митя, раздай гранаты и патроны! Всем вон туда! – показал он на небольшой холмик слева, заросший густой травой.

Машину и мотоцикл спрятали в кустах, а сами перебежками бросились к бугру. Их провожал стрёкот пулемёта и свист пуль. Стрелок мазал: нарочно или просто подгонял бегущих – было непонятно. Володя на бегу кричал:

– Быстрее, быстрее! – Затем неожиданно по-взрослому выматерился и со стоном спросил неизвестно кого: – Где же «Стрелок»-то?

Когда залегли за бугром, Слава громко спросил:

– Никого не задело?

Все молчали. Колонна двинулась вперёд. Ствол пушки БМД угрожающе повернулся к бугру. Вот колонна уже в двухстах метрах. Слава скомандовал, вспомнив какой-то фильм:

– Приготовиться! По команде огонь по первой и последней машине. Поняли? – Молчание. И он закричал: – Огонь!

Автоматы затрещали. Из-под капота переднего «Урала» неожиданно поднялись белые пары – было понятно, что пули пробили систему охлаждения. Кто-то радостно закричал:

– Ага, есть один!

Из кузовов машин начали горохом высыпаться солдаты. Залегли под колёсами и открыли ответный огонь. Пули рыхлили верхушку холма, не давая поднять головы. Юные самооборонцы тоже огрызнулись. Редко зататакал крупнокалиберник нацгвардейцев, заставив прижаться всех к земле. Кто-то вскрикнул, закричал:

– Мама! Мама! – И стих.

К Славе подполз Володя, сглотнув слюну, прохрипел:

– Женьку убили.

Слава закричал:

– Огонь по фашистским гадам!

Видно, после перестрелки и у нацгвардейцев появились потери. Через несколько минут с дороги сполз танк и двинулся на бугор. Пули отскакивали от брони горохом, лишь царапая его. Кто-то в панике закричал:

– Пацаны, тикаем!

Неожиданно его перебила Наташа:

– Сидите тут. Я сейчас.

В этот миг её глаза смотрели на танк, словно в пустоту. Слава заметил в её руках связку из трёх гранат, которые она связала своей голубой лентой из косы.

– Ты что задумала?! – закричал Слава. – Тебя же убьют!

– Я сейчас, – спокойно ответила девушка и среди густой травы поползла навстречу танку. Видно, водитель её не видел и упорно вёл машину на малой скорости. Мальчишки и девчонки всё видели и кричали:

– Наташа, бросай! Бросай, а то раздавит!

Когда до танка оставалось метров десять-двенадцать, Наташа змеёй скользнула под гусеницу, вырвала чеку и закричала:

– Это вам за моего батечку, сволочи!

Чудовищной силы взрыв заставил бугор вздрогнуть. Когда подростки посмотрели на место трагедии, они увидели неподвижный танк, из-под гусеницы которого вилась пыль, а на месте воронки валялись окровавленные куски мяса. Видно, и нацгвардейцы были потрясены происшедшим, потому что стрельба стихла.

Замолчал и рассказчик. Сейчас он уже не плакал, а серьёзным мужским взглядом осмотрел всех слушателей и сказал:

– Она очень красивой дивчиной была.

– И сколько же вас было? – спросил священник.

– Семнадцать, – ответил Слава и снова скривил губы.

Священник повернулся на восток и стал креститься, что-то шепча.

– Эх, ребятки, ребятки, – вздохнул «Сержант», – неужели же вы не понимаете, что каждое дело должен делать подготовленный человек, а вы…

– Но вы ведь тоже не военный.

– Не военный, предприниматель я, а всё же кое-что про военное дело знаю, всё-таки два года Родине долг отдавал. Ты знаешь, почему у меня позывной «Сержант»? Потому что я на самом деле сержант, только в запасе. Вот, пришлось из запаса выйти, чёрт бы подрал этих фашистов.

Командир блок-поста помолчал, окинул взглядом юных ополченцев и спросил самого себя:

– Куда же вас девать-то? – Затем взял рацию. – «Кречет», «Кречет», слышишь меня?

В динамике отозвался усталый голос:

– Слышу, «Сержант». Чего там у тебя?

– Тут к нам… – «Сержант» хотел сказать «мелюзга», но, посмотрев на измученных и раненных юных бойцов, поправился: – Тут к нам нештатные бойцы прибились, не совсем призывного возраста. Куда-то их определить надо. А то я чую, что к нам скоро великие укры полезут.

«Кречет» спросил:

– Наши основные силы вышли?

– Вышли.

– Тогда отправляй их к нам, мы их тут встретим.

– Понял. До связи. – Командир посмотрел на притихших ребят, спросил: – Слышали?

Хор детских голосов ответил:

– Слышали!

– Тогда, по машинам, и вперёд, за орденами. Дорогу вам, вот, Павел, покажет.

– А оружие? – спросил Володька, шмыгнув носом.

– Какое оружие? – удивлённо спросил «Сержант».

– Наше оружие. Мы его в бою захватывали, на блок-посту.

– Нет, ребята, с оружием вам придётся чуток подождать. Подрастите сначала.

В этот момент вдалеке раздались глухие разрывы снарядов, щелчки выстрелов. «Сержант» засуетился:

– Всё-всё, ребятки, уезжайте, скоро здесь бой начнётся. Видно, наша разведгруппа на укров нарвалась.

За руль мотоцикла сел ополченец Павел, ребята втиснулись в машину, уселись в коляску. И скоро их скрыл пыльный полевой шлейф.

Священник долго крестил их вслед и шептал:

– Господи, оборони, спаси и сохрани чад наших.

«Сержант» довольно вздохнул:

– Нет, мужики, с таким народом мы этих фашистских недобитков обязательно побьём.

Слава сидел за рулём дедовой «копейки» и через открытое боковое стекло, через которое в салон врывался свежий тугой ветер, слышал пуканье пушек, взрывы снарядов, щёлканье автоматных очередей – он понимал, что там, на блок-посту, «Сержант» и его товарищи приняли бой… Возможно, последний.

Помогите, мужики!

Ополченцы Донецкой Народной республики, правда, никем так и не признанной, после так называемого перемирия уже несколько месяцев не вылезали из окопов, укрытий и блиндажей. После недавней «рубки» в Дебальцево, когда вэсэушники еле вытянули потрёпанные хвосты своих подразделений из очередного «котла», фронт притих. Политики о чём-то договаривались, разъезжая по сверкающим

европейским столицам, а мужики поддерживали хрупкий, тонкий, как весенний ледок, мир через дула и стволы своего оружия.

Весна! Погода капризная, как невеста: то дождь, то снег, то пасмурно, то солнечно. Ночами иногда ещё подмораживало, а днём солнце уже прогревало прозябшую за зиму землю, отчего она парила, а воздух волновался от испарений, искажая далёкие окрестности ближайшего селения, в котором стояли атошники, тощие леса, уже кое-где прозеленевшие от первой, молодой, не нюхавшей пороха, травы, покрывшие южные склоны широкой балки.

Передовая. Настроение у ополченцев тоже под стать весенней погоде: то веселятся и ржут, рассказывая анекдоты, то вдруг притихнут, задумавшись о чём-то своём, сокровенном. На ветках деревьев, не обращая внимания на людские проблемы, миловались и устраивали свои гнёздышки птички.

Балка разделяла ополченцев Донбасса и вэсэушников, бдящих за противником из своих укрытий. Слева, по самой бровке оврага, поле, брошенное хозяином, уже начинало зарастать молодыми деревцами и, чтобы они не мешали наблюдению за продвижением противника, их иногда «подкашивали» автоматными очередями. Вот и сегодня автоматчик через бойницу блиндажа «скосил» несколько берёзок и три ёлочки. С той стороны тут же ответили. Командир взвода с позывным «Тукан», прозванный так из-за своего кривого и длинного носа, брезгливо скривился, отчего его чёрные прямые, как стрелки, усы показали на его мордашном циферблате без десяти четыре, степенно закурил и, зевнув, прорычал:

– Бдят, суки бандеровские.

Ему никто не возразил. Лишь из дальнего, тёмного угла после тяжёлого вздоха донеслось:

– Надоело.

– Чего тебе надоело, Васёк? – спросил смолящий сигарету ополченец с длинным лицом, на котором почти не переставая порхали бабочками ресницы.

– Всё надоело: вечные эти бесполезные переговоры в Минске, сидение в этих окопах и блиндажах, и стрельба. Ездят какие-то рабочие группы, живут в шикарных отелях, жрут в ресторанах, а мы тут вшей корми. Надоело.

– А ты чего же хотишь, Вася, – вмешался в разговор подчинённых командир. – Они же для всех нас стараются, заставляют этих

американских пресмыкающихся договор исполнять. А как же иначе-то.

Из темноты вынырнул парень лет девятнадцати, держа автомат за ствол, плюхнулся на дверь рядом с командиром, которая служила диваном:

– А так: или замиряться, или уж воевать.

– Вася, так, этого все хотят.

– Ага, все, а чего же эти правосеки, азовцы, айдаровцы не хотят.

– Ну. Это особый сорт людей, бойцовской, криминальной породы. К тому же обиженных умом, но зато щедро одарённых жадностью и злобой.

– Эх, скорее бы замириться, что ли. А то так и до пенсии тут просидеть можно.

– А ты торопишься?

– А как же. Меня невеста ждёт, мы уговорились на майские праздники свадьбу справить.

Все замолчали. Длиннолицый спросил:

– Ты веришь в это, Вася?

– Во что?

– Ну, в замирение это.

Пауза.

– Нет, с этими вряд ли скоро получится. – Вася разгорячился: – Тогда до конца надо идти, до Киева, до Крещатика, и выгнать этих американских прихлебателей с Банковой.

Снаружи бабахнуло. Вася выглянул в бойницу в бетонной стене, ухмыльнулся:

– Чего-то укропы минами разбрасываются.

– Это они так молодняк обучают.

Длиннолицый меланхолично заметил:

– Восемьдесят вторые бросают, до нас не долетят.

Второй взрыв потряс блиндаж.

– Вот тебе и не долетят! – проворчал Тукан. – Это откуда же они лупят?

– Может, они с передвижки работают? – спросил Василий, имея в виду передвижные миномётные установки, которые вэсэушники устанавливали в кузовах машин, подъезжали ближе к позициям ополченцев и обстреливали.

– Эй, Комар, вставай! – командир пошевелил ногой лежащего на двери, застеленной старыми одеялами, бойца.

– Чего, командир, – пропищал боец, отчего было понятно, откуда появился у него такой странный позывной.

– Давай-ка, шмальни из своего крупняка, а то бандеровцы что-то оборзели.

Комар оказался худощавым парнем лет двадцати пяти. Было удивительно, как он мог удерживать пудовый АГС в руках.

– А куда шмалять-то?

– А ты посмотри – машина там должна быть. Может, и сами подползли. Ладно, я сейчас сам посмотрю.

Тукан вышел из блиндажа, через бруствер окопа долго осматривал окрестности через прицел снайперской винтовки, вернулся, почему-то тихо, словно его мог услышать враг, сказал:

– Там они, на пикапчике. – Повернулся к Комару: – Вагончик фермерский стоит, знаешь где?

– Знаю. – Комар отмахнулся: – Да понял, понял. Гранаток пять кину.

Комар взвалил на плечи гранатомёт и вышел. Остальные прильнули к бойницам и щелям. Раздался редкий кашель АГСа.

– Смотри, тикают! – радостно закричал Василий.

– Кажись, зацепило кого-то, – равнодушно протянул четвёртый. – Вон, волокут.

И, правда, все увидели, как двое вэсэушников подхватили под руки третьего и тащат его к машине. Комар вернулся в блиндаж, спросил:

– Ну, что, хватит, что ли?

– Хватит, хватит. Они и так обделались, вон как хорошо тикают.

– Учения закончились, потерь нет, можно и отдохнуть, – констатировал Комар и снова улёгся на дырявый матрас.

Когда группа сменилась и вернулась в село, в ангаре, где размещалось подразделение, к Тукану подошла женщина лет пятидесяти пяти-шестидесяти, поздоровавшись, несмело спросила:

– Ты у них командир, что ли?

– Ну, я.

Женщина улыбнулась:

– По усам тебя узнала. – Тукан крякнул, поправил свои усы, а женщина продолжала: – У меня к тебе, касатик, разговор есть.

– Ну, говорите.

Женщина, посмотрев на окруживших их бойцов, поманила командира взвода указательным пальцем, прошептала:

– Мне бы наедине.

– Ну, пошли, поговорим. – Когда вышли во двор с ржавеющей сельскохозяйственной техникой, сказал: – Ну, говорите, мамуся.

Женщина снова осмотрелась, зашептала:

– Мой сынок, младшенький, на той стороне.

– На какой той, за речкой, что ли?

– Да не! – Она махнула рукой. – Там, за овражиною.

– Это у бандеровцев, что ли, или у псов?

– Ну да. – Женщина замялась. – Да не, у каких псов! У правосеков, что ли? Упаси боже! У атошников он.

– Ну и что? – всё ещё не понимал Тукан. – Мы все так: одни здесь, другие там, пуляем друг в дружку, дурьи головы.

– Вот-вот, – обрадовалась женщина, – и он так же говорит!

– И дальше?

– А чего дальше. Виделась я с ним недавно, встречалась. – Женщина промокнула концом платка вмиг намокнувшие глаза. – Боженька, какой же он худой, синий, как бройлер, износился весь…

– Слушайте, мамуся, мне некогда тут ваши жалобы выслушивать, – не выдержал Тукан. – Да и устал я, отдохнуть хочется. Вы или говорите, или…

Женщина вцепилась в рукав командира:

– Ты подожди, подожди, миленький, у меня до тебя весть. Важная весть. Ходила я до него, харчей отнесла, тютюну. Говорим мы с ним, с Николой-то…

– Никола, сын ваш?

– Ну, я ж говорю, младшенький. Всего-то у меня их пятеро: две дочки и три сыночка. Ты слушай, слушай, важно это. Он, Никола-то, так сказал. Их командир, лейтенант старший будто бы, просил через меня связаться с вами.

– С кем это, с нами?

– Ну, со старшим, который тут, в нашем селе командует. – Женщина вдруг спохватилась: – Чать, ты тут старший-то?

– Я, я, так что говорите, мамуся, не сомневайтесь.

– Так вот, этот командир просил передать, да так, чтобы никто ничего не слышал, тайно, что они хотят с вами встретиться.

Тукан насторожился: уж не ловушку ли ему и его хлопцам расставляют:

– Зачем?

– Сказал, что серьёзно, очень серьёзно поговорить хочет.

– О чём нам говорить да чаи пить! Скажете тоже, мамуся! – взорвался вдруг Тукан. – Они вон троих моих хлопцев в гробы уложили за последний месяц, пятеро ранены! А он – поговорить хочет! Передайте этому засранцу, что говорить нам не о чем, тут война, мамуся, идёт, а не крестики-нолики.

Тукан уже развернулся, чтобы уйти, как женщина умоляющим голосом простонала:

– Да там же сыночка мой, младшенький! Убьёте вы его! А мне как потом жить? Богом молю, мамой твоей молю – выслушай, родненький! Ну что тебе стоит несчастную мать послушать. – Женщина засунула руку в карман вязаной кофты и вытащила свёрнутый в комок бумажку. – Вот, вот, командир ихний просил передать.

Тукан нехотя повернулся, взял у женщины бумажный комок и стал его осторожно разворачивать. Прочитал: «Командир, нужно срочно переговорить. Это в интересах обеих сторон». Подписи не было. Написано была записка карандашом, печатными буквами, так, как пишут дети, которые только что заучили буквы и пытаются что-то написать.

– На словах ничего не передавал?

– Не, только это.

– Вас как звать?

– Наталья. Наталья Тарасовна Горбик.

– Вы здесь живёте, Наталья Тарасовна?

– Здесь, где же ещё. – Она показала рукой в сторону водонапорной башни. – Вон там наша хатина.

– Одна?

– Не, как одна. Со мной ещё мой старий да батька его, дедуган, да ещё две внучки.

– А внучки чьи?

– Так, Николкины и есть – куда им деваться. Их матка, шалава, к другому сбежала, а Николку в АТУ эту проклятую забрали. Вот и живут теперь внучки с нами.

– Учатся?

– Да не! Одна-то совсем малёхонька – пять рокив, а второй некуда – школу-то недавно разбомбили. Правда, на дому знимается, ей что-то по интернету присылают, она и пишет. Да и я помогаю, ведь я тоже учителкой была, математику преподавала.

– А можно к вам в гости заглянуть? – как бы ненароком, с улыбкой спросил Тукан. – Давно я дома не был, за столом не сидел. Чайком угостите?

– Чего ж не угостить, только хлебосолов нема, сами с хлеба на воду перебиваемся.

– Это ничего. Фома! – крикнул Тукан ополченцу, который исполнял роль часового, сидя на ящике под навесом.

– Чего!

– Летуна с Писарем позови.

– А что вы так прозываетесь? – недоумевала Наталья Тарасовна. – Вы ж не кобели. Небось, матка с батькой вам имя давали.

– А чтоб враг не знал, кто мы такие. Укропы наших родственников преследуют. Слышали, наверно, как стариков да детишек в соседнем селе недавно постреляли. И за что? За то, что их отцы и братья с укропами воюют.

– Ой, мамочки, страсти какие! Что ж они – нелюди!

Летун с Писарем шли впереди, вооружённые автоматом и пулёмётом, зорко поглядывая по сторонам – в последнее время часто «шалили» диверсионно-разведывательные группы нацбатальонов, и нужно было держать ухо востро. Наталья Тарасовна всю дорогу по-сорочьи трещала, всё жалилась на войну, на неустройство, на нехватку продуктов и проклятущие цены высотой с терриконы. А Тукан размышлял, что могла означать эта странная записка от противника. Это могло быть и ловушкой и искренней просьбой о помощи и хитрым ходом, чтобы отвлечь отряд ополченцев. Потому он и напросился в «гости», чтобы посмотреть на семью Горбик, принюхаться, так сказать, что это за люди. Он не понаслышке знал, как вроде бы тихие, мирные люди, даже старики и дети, ходили возле позиций ополченцев и наводили вражескую артиллерию. Совсем недавно, перед Дебальцевским котлом, в их подразделении задержали девушку, работавшую на укропов наводчицей. Отняли у неё сотовый телефон, по сигналу которого наводились орудия. Отвели в разведывательную часть. Девица ревела, рассказала, что она не знала, что творит, что к ней просто подошёл человек и предложил

подзаработать. Она и согласилась, ведь надо чем-то кормить двух младших братьев и покупать лекарства для больной матери.

Сейчас на передовой иногда погромыхивало, но нацики после двух «котлов» уже не были настолько самоуверенными, чтобы лезть на «ватников», как они называли вооруженных донбассцев, решившихся дать отпор бандеровским выродкам и националистам, и после понесённых тяжёлых потерь давали о себе знать лишь издалека. Одним словом, на данном участке фронта шла оппозиционная вялая перестрелка.

– А вот и наша хата, – показала Наталья Тарасовна на приличный кирпичный дом с приусадебным участком, с хозяйственными постройками и высоким забором из гофрированного железа. – Заходите, заходите, хлопцчики, будьте гостями.

Тукан сделал незаметное для хозяйки движение бровями, после которого Летун ответил:

– Мы здесь побудем, на свежем воздухе.

Войдя в дом, Тукан сразу почувствовал запах лекарств и разлагающегося мяса. Ещё подумал: «Мясо-то у них откуда, ведь говорила, что есть нечего». В маленькой же комнатке через открытую дверь увидел старика, лежащего на постели с перевязанными ногами, который даже головы не повернул на гостя. Он равнодушно смотрел в потолок, на котором сидела первая весенняя муха и перебирала передними ногами, и по этому взгляду было понятно, что старик уже наполовину был на том свете. Прошли в большую, ухоженную комнату.

– Здравствуйте, – поздоровался Тукан с мужчиной лет шестидесяти и двумя востроглазыми девочками.

– Здоровеньки булы, – ответил мужчина. – Проходьте.

– Идите, идите в свою комнату, – сказала хозяйка девочкам, и те послушно упорхнули в дверь. А мужчине сказала: – Это командир ихний.

Тот показал на стул:

– Сидай, командир. – Тукан сел, а Наталья Тарасовна вышла. Хозяин продолжал: – Ты уж выручай, милый. Мы не знаем, что и делать.

Тукан молчал, оглядывая горницу. Обыкновенный набор мебели для простой семьи: стол, стулья, диван, полка с учебниками, старая этажерка, ковёр на стене. На стене фотографии в рамках, много

фотографий. На одной из них бравый капитан с орденами и медалями на груди. Тукан сразу понял, что этот тот самый умирающий дедуган. Заметив взгляд гостя, хозяин показал на портрет молодого парня:

– А вот это Николка наш. Тут он после школы.

Тукан запомнил физиономию парня – пригодится. Подоспел и чай. Тукан подождал, пока первой отхлебнёт хозяйка – мало ли что у неё на уме. Отхлебнул тоже, спросил:

– Как вас зовут, отец?

– Зови дядька Грицай.

– Так что, дядька Грицай, расскажите, как ваш Николка к укропам попал.

Хозяин взглянул на жену – ты что же, не рассказывала разве? – и ответил:

– Да, как. Как все. Он в Харькове жил, на заводе работал, там и вручили повестку: давай, мол, иди в АТУ. А ему куда деваться – дети дома одни. Жена его, курва, в Киев сбежала с каким-то бандеровцем. Теперь, наверно, на майдане с ним вместе скачет, падла. – Дядя Грицай скрипнул зубами.

– А как с Николаем связались?

– Так, она всё, – ткнул пальцем на жену хозяин. – Всё искала сынку нашего. А тут пошла…

– Давай я сама расскажу, – перебила Наталья Тарасовна мужа. – В общем, так. Пошла я в соседнее село за продуктами. Там всё в магазинах есть, и всё дешевле. У нас ведь сейчас ничего не найдёшь, а гуманитарка до нас и не доходит. В общем, поехала. Шофёр нас высадил у блок-поста, мы пешочком по мосту прошли, вэсэушники с нас, конечно, мзду содрали. Что делать – отдали. В общем, закупили мы продукты, уложили их на тележки, и вдруг вижу – солдаты идут. А у меня только одна мысль – про Николку нашего спросить, вдруг он рядом совсем. Сначала-то он звонил нам по сотовому телефону, а потом всё – как обрезало. Звоним, звоним ему – не отвечает, и всё. В общем, подошла я к ним, спрашиваю: «Сыночки, не знаете ли вы про моего сынка, Николу Горбика?» Один из них отвечает: «Как же, знаем, он с нами в одной роте служит». Я и обомлела, здоров ли, не ранен ли, спрашиваю. Нет, говорит, здоров ваш сыночка. А почему не звонит, не отвечает по телефону? А у нас, говорит, все телефоны командиры отобрали, боятся, что бандиты их прослушивают. В

общем, обревелась я тогда от той радости, что сынок мой живой, спрашиваю, а можно ли с ним повидаться.

Другой меня отводит в сторону, оглядывается, шепчет: «Вы, мамуня, вот что: приходите в следующую пятницу, сюда же, в крамницу, встретите своего сынка».

«Как же я его встречу?» – спрашиваю. «А так, нас командиры сюда за провизией и горилкой посылают. В следующий раз и придёт ваш Николка – уж мы ему намекнём про вас». Господи, если бы вы знали, как я обрадовалась! – наконец-то встречу своего сыночка. В общем, пришла в пятницу, жду, а его всё нет и нет. Уже назад собралась, как вдруг подходит ко мне женщина, вы, спрашивает, Наталья Тарасовна, я говорю – да. Идите за мной. А я уж и боюсь, думаю, заведут сейчас в какой-нибудь глухой угол да ограбят, а, то ещё, и прибьют. Дрожу, а сама иду. А там проулок такой, заросший весь, а из кустов Николка мой выходит, бросился ко мне, обнимает, целует, плачет. И я с ним реву. А он грязный весь, почти в лохмотьях, ботинки на нём дырявые. Потом я опомнилась, гляжу на его ружьё и спрашиваю: «Ты что же это, паршивец, в батьку и мамку стреляешь, в дочек своих, да?» А он: «Да что ты, мама, разве можно. Стрелять мы стреляем, только поверх». Гляжу, а с ним ещё один, со звёздочками – офицер, значит. Подождал он, пока мы наобнимаемся, наговоримся. Потом Никола и говорит: «Мама, это командир наш, он с тобой хотел поговорить». Я испугалась почему-то – сама не знаю, почему. Он, видно, понял, говорит: «Вы меня не бойтесь, мамуся. Я к вам по делу». Спрашивает: «У вас сепаратисты стоят?» Я на него чуть не с кулаками: «Это для вас мы сепаратисты, ватники да предатели, а ребята эти нас защищают! Между прочим, от вас, паразитов! Кто вас из Киева к нам прислал, чего вы здесь забыли? Играете в свои майданы, вот и играйте в них в Киеве, а нас не трожьте!» Никола меня еле успокоил, а командир снова: «Вы, мамуля, на нас не кричите, мы люди подневольные, нам и самим война эта во где!» И по горлу себе. «Вы лучше скажите, стоят у вас ополченцы или нет?» Я говорю – стоят. Тогда, говорит, передайте их командиру вот это, и протягивает мне комок из бумаги. Только лично, говорит, никому больше не доверяйте. И ещё предупредил: «На блок-посту обыскать могут, так вы, если что, выбросьте незаметно этот комок, чтобы беды не было».

– Батюшки, – протянула в этом месте своего рассказа Наталья Тарасовна, округлив глаза. – Тут я уж вовсе струхнула! А Николка

говорит: «Не бойтесь, мама, тут ничего такого, просто записка. Передайте, и всё».

– Теперь понятно, – проворчал Тукан и спросил: – А что, новую встречу они назначили?

– А зачем?

– Но ведь должны же вы ответ как-то передать.

– Ах, да! Он, командир-то, спросил ещё, когда я снова в магазин приду.

– А вы?

– А я сказала, что мы ездим сюда раз в неделю, по четвергам.

Командир ополчения поднял голову, что-то подсчитал.

– Значит, послезавтра? – спросил.

– Да, с утречка и соберусь.

– Мне бы ответ ему передать надо, – как-то слишком ласково попросил Тукан. – Не побоитесь?

– Не побоится, – ответил за жену Грицай. – Она у меня жинка бойкая и смелая.

Наталья Тарасовна воздохнула:

– Что ж, передам вашу депешу. А с Николой нашим ничего не случится? А то вдруг вы что-то недоброе замышляете, а я вам помогаю.

Наталья Тарасовна неожиданно скривила губы и поднесла носовой платок к глазам.

– Вы, Наталья Тарасовна, не беспокойтесь, – попытался успокоить мать Тукан. – Если они ничего поганого не замышляют, то и нам их трогать зазря ни к чему.

Тукан встал:

– Ну, спасибо за чай и хлеб-соль, хозяева. Мне идти пора. А ответ я завтра принесу.

Отряд ополченцев долго обсуждал ситуацию с запиской от противника. Много кричали, спорили, обсуждали.

– Как бы подлянку нам не подсунули эти хреновы укропы.

– Точно, ведь мы ещё не знаем, чего они хотят…

– Ага, загонят нас за флажки, как волков, и возьмут тёпленькими и упитанными.

– Ну, тебя, Егерь, вряд ли назовёшь упитанным!

Смех, гогот.

– Это правда, мужики, что-то я за последние месяцы отощал.

– А вдруг им на самом деле помощь нужна? – предположил кто-то. – Ведь не хотят они почему-то по связи, открытым текстом говорить, хотя они и волну нашу знают и даже номер сотового командира. Помните, тогда с ним один укропий связывался, лаялся, собака.

Тукан поморщился, и на этот раз его усы показали без десяти два:

– Это и подозрительно… Хотя, может… Давайте вот что сделаем: забьём «стрелку», назначим место и время, а там посмотрим. Если согласятся на наши условия, – а условия должны диктовать мы, потому что не мы, а они просят, – тогда и поговорим.

Ополченцы долго обсуждали, где назначить встречу, и, в конце концов, сошлись на том, что выгоднее всего встретиться на открытой местности, но там, откуда можно контролировать передвижения укропов. В записке нарисовали план и обозначили время встречи. Укропы встречу подтвердили. Весь отряд ополченцы посылать остереглись, маленькой группой тоже идти не решились. Выбрали двадцать человек, для каждого расписали дислокацию и поставили задачу: одна группа в охранение, вторая прикрывала, чтобы в случае внезапного боя не остаться без защиты, третья во главе с командиром шла на переговоры. Не забыли прихватить и кусок грязной простыни, как символ мирных переговоров. Кто-то в самый последний момент предложил:

– Слушай, командир, надо бы прежде сапёров послать, а то вдруг нам сюрпризик приготовили: «лягушек» или, не дай бог, МОНов наставят – покосит всех нас на хрен.

Тукан вынужден был согласиться. Часа через три сапёры вернулись и доложили, что «сюрпризов» на месте встречи нет. Выходить решили ранним утром, часа за три до условленного времени, чтобы присмотреться к обстановке, к местности, где каждое укрытие и каждый кустик могли иметь решающее значение. Хорошим признаком было то, что украинская сторона сегодня впервые не забрасывала село минами и снарядами, даже стрёкот автоматического оружия доносился издалека, не с их стороны, словно в глухом лесу игрался с расщепленным суком дятел. Пока не вышли за околицу, все, кроме фермера с позывным Назар, шли молча. А фермер бубнил:

– И надо нам это! Блукай тут с раннего утра неизвестно зачем. Чего этим майданутым надо, они могли бы и в записке написать, а тут стаптывай теперь ноги, иди не знаю куда, не знай зачем. Лучше бы

поспали ещё. А если ещё дождь пойдёт, вымажемся все, а потом отстирывайся.

Но на жалобы Назара никто не реагировал, зная его привычку выговариваться вслух. Вошли в небольшой лесок. Пахло хвоей, с веток листвяка, потолстевших от набухших почек, капала роса. Молодая трава под ногами в утреннем свете казалось настолько зелёной, что ослепляла своей яркой насыщенностью. Вернулась дозорная группа, которая осмотрела место встречи.

– Ну? – коротко спросил Тукан.

– Тихо, как на кладбище, командир, – ответил чернявый, с шустрыми глазами паренёк.

Скоро дошли до «языка» на краю балки, нависающего над широкой ложбиной, где и была назначена встреча. Солнце уже поднялось над горизонтом, выпаривая горячими мартовскими лучами осевшую на землю, травы и деревья росу, туманная дымка начала заволакивать низины.

– Чего-то их нету, – произнёс кто-то, когда подошло назначенное время.

– Может, раздумали, – отозвался второй.

– Да вон же они, вон! – почему-то прокаркал Егерь, словно ему кто-то пережимал горло.

– Где? Где? – заволновались все.

– Да вон же, за кустами стоят, говорят о чём-то.

– Не вижу.

– А я вижу – трое или четверо.

– Чего они ждут-то?

– А я знаю.

– Мужики, а вон ещё! Ё-моё, это сколько же их!

– Да их тут целый полк, наверно!

– Полк не полк, но рота точно.

– Занять места, приготовится к обороне! – приказал Тукан. – Видно, попали мы, как куры в ощип. Вот, с-с-суки!

Все залегли, защёлкали затворы автоматов и пулемётов. Ждали развития событий.

– Чего ж они стоят? Чего ждут?

Неожиданно из-за кустов показались пятеро вэсэушников и двинулись по балке прямо на отряд ополченцев. Один из них махал руками и что-то кричал.

– Чего он кричит?

– Не пойму что-то – слышно плохо.

– Кажется, «не стреляйте».

– Точно: «мужики, не стреляйте».

– Ладно, пока не будем. Посмотрим, что дальше, – пробурчал Тукан.

Вот переговорщики уже посередине балки, и голос кричавшего слышен всё явственнее:

– Мужики, не стреляйте! Мы пришли просто поговорить. Не бойтесь, мужики! Мы поговорить!

– Смотрите, смотрите, братцы! – закричал матрос. – Да они же не в нас целяться!

И точно, ополченцы вдруг увидели, что все украинские солдаты повернули стволы оружия в сторону своего тыла, словно бы боялись нападения со спины.

– Вот це диво! – воскликнул ополченец с позывным «Хохол». – Они вроде бы нас защищают.

А тем временем парламентёры почти вплотную подошли к позициям ополченцев и встали. Один из них, высокий, костлявый и чернявый, прокричал:

– Мужики, кто у вас старший?

– Зачем тебе?

– Поговорить надо, по душам поговорить. Мои стрелять не будут, не бойтесь.

– А мы и не боимся!

– Это ты у нас на мушке!

– Это правильно, – неожиданно насмешливо ответил парламентёр.

Тукан встал, проворчав под нос:

– Что ж это, получается, что я его боюсь. Летун, Писарь, со мной. Остальным прикрывать.

Вэсэушники встретили группу Тукана молча. Первым протянул руку чернявый старлей, представился:

– Мозговой, командир второй роты.

Мозговому было где-то под сорок, с синюшными щеками и подбородком после бритья, с большими пытливыми эбонитового цвета глазами. Тукан тоже представился:

– Тукан, командир группы ополчения.

– Что, так и звать – Тукан?

– Так и зови. Что, не нравится?

– Да нет, Тукан, так Тукан.

Неожиданно Тукан показал пальцем за спину Мозгового, показывая на вэсэушников, которые испуганно озирались и держали наготове автоматы:

– Вы чего ощерились-то?

Старлей на миг обернулся:

– А, это, видно, испугались мои ребята.

– Кого?

– Да они всех сейчас боятся…

– Понятно. Ну чего звал, старлей?

– Помогите, мужики, – неожиданно просительным тоном заявил Мозговой.

– Вот даже как! – удивился Тукан.

Он окинул взглядом сопровождавших Мозгового солдат. Конечно, и у ополченцев экипировочка была ещё та, можно сказать, гражданско-форменная, собранная из разномастной одежды, но то, что он увидел на атошниках, не подлежало описанию: грязная, расползавшаяся по швам и кое-как неумело зашитая мужскими руками, свисавшая с них лохмотьями; обувь у многих тоже «просила каши». Заметив его взгляд, Мозговой горько усмехнулся:

– Да, командир, вот таким дерьмом снабжают нас наши доблестные волонтёры. Почему, наверно, сам соображаешь: купи дешевле – продай дороже. Веришь-нет, у некоторых форма расползается в первые же дни. Нитки, да и материал, уже сгнили. И откуда берут это дерьмо, непонятно, наверно, ещё со складов Александра Македонского, который, как утверждают наши историки, забредал в наши края, свою историческую родину, – иронично добавил он.

– Значит, помочь, говоришь, – повторил Тукан и тоже иронично спросил: – Может, обмундирование вам подкинуть?

– Нет, дело не в этом, – без обиды ответил Мозговой.

Он вдруг зашарил в правом кармане брюк. Ополченцы насторожились, наставили оружие на парламентёров. Но Мозговой спокойно вытащил кулак из кармана и разжал его. На ладони лежали подсолнечные семечки, старлей предложил:

– Погрызть хочешь?

– Жареные? – поинтересовался Тукан.

– Жареные, вкусные.

– Тогда давай. – Тукан принял семечки, бросил в рот, сплюнул лузгу, подтвердил: – И, правда, вкусные. Ну, так чего надо-то?

Мозговой с ответом задержался, видно, обдумывал ответ, затем предложил:

– А давай отойдём, командир.

– Давай, – согласился Тукан.

Они отошли метров на десять в сторону, сели на траву.

– Ведь мы же не враги. Правда? – начал старлей.

– Это как сказать. Сколько вы наших положили, а? – спросил Тукан, цепко вглядываясь в лицо Мозгового.

Мозговой поморщился:

– Слушай, командир, давай не будем считать, вы ведь тоже не из рогаток стреляли.

– Это да! Только мы свои «рогатки» в бою добывали. И не мы, а вы на нашу землю пришли, вы наших матерей и наших детей убиваете! – начал горячиться Тукан, который потерял мать и деда, задохнувшихся в погребе.

– Понятно. Видно, мужского разговора у нас не получится. А жалко. – Старлей уже начал подниматься с земли, чтобы уйти. – А мы-то на вас надеялись.

Тукан начал остывать, задёргал губами, отчего его усы заходили вниз-вверх, вправо-влево:

– Ладно, извини, зашкалило что-то меня. Сам понимаешь, любить мне вас не за что. Садись. Так, на что вы надеялись-то?

– Ты уж извини, командир, но без вас, видно, нам никак не обойтись. Ты только не кипятись, выслушай сначала. Воюем мы не по своей охоте, ну кому на хрен нужна эта война! Мобилизовали, дали автомат и сказали: «Вот тебе оружие, защищай родину от сепаратистов». Но мы ж понимаем, что мы с вами родные братья, в одном государстве живём, простому народу на хрен не нужна эта братоубийственная война. Моих ребят по всей Украине ловили, чтобы вручить повестки. Кому прямо у станка эту бумажку всучили и предупредили, что если будет отлынивать от службы, то без работы и, естественно, без зарплаты останется. А у того семья, дети, кредит. Кого-то на дороге гаишники остановили, кому-то, не поверишь, повестку в бане вручали. А если откажешься, то мало того, что с работы выгонят или бизнес прижмут, так, не дай бог, ещё и

пособником сепаратистов объявят. А это уже статья, тюрьма, а у многих семьи, дети. Ты понимаешь?

– А в твоей роте все такие?

– Все, – твёрдо ответил Мозговой. – Те, что идейные, они давно в нацбатальонах служат. Меня вот тоже с запаса выдернули, сказали: «Или идёшь в АТО, или сядешь». Обещали, что антитеррористическая операция против Донбасса продлится не больше трёх месяцев.

– Ишь, какие вы быстрые! Наверно, не ожидали, что шахтёры, учителя, шофера поднимутся, наверно, думали, что они будут спокойно смотреть, как их детей и матерей станут танками давить, как…

– А мы уже восемь месяцев в окопах вшей кормим! – перебил Мозговой. – И мои ребята уже готовы отсидеть в тюрьме, лишь бы вырваться отсюда.

– А кто вам мешает? Сели бы на автобусы, на поезда – и ту-ту!

– В том-то и дело, что не можем.

– Почему? Ведь ты сам говоришь, что призывали на три месяца, все сроки прошли, и, если даже домой вернётесь, ничего вам не будет.

– Да ты пойми, – закричал Мозговой, – нас со всех сторон заградотряды обложили, как волков флажками, никуда не рыпнешься. Если что – сразу объявляют дезертирами и расстреливают.

Тукан долго молчал, потом проворчал:

– Слышал про это, но не верил. Правосеки, что ли?

– Они, суки бандеровские!

– И расстреливали?

– Из моей роты троих губошлёпов шлёпнули, а им и было-то по восемнадцати лет. К мамкам захотели, дурачки.

– Да, эти правосеки идейные, майданутые, с ними не договоришься. Слушай, Мозговой, звать-то тебя как?

– Борис.

– А меня Алексей. Помочь-то я бы вам хотел, и нам хлопот было бы меньше. Но как?

– Да очень просто. Я тут обмозговал и придумал вот что. Эти «ПС»ы хоть и идейные, но трусливые – ужасть! Чуть обстрел, они сразу в окопы, в блиндажи ныряют. Они мастера только в спины стрелять.

– Ну? – подстёгивал Тукан.

– Я со своими ребятами разговаривал – ни один не хочет воевать против единокровных братьев. Им эта война вот где! – И Мозговой рубанул ребром ладони по своему острому кадыку. – Одним словом, всё хотят слинять отсюда, и как можно скорее. А «ПС»ы, как ты понимаешь, просто так нас не пропустят, у них кругом блок-посты, заслоны.

– Ты давай ближе к делу, Борис, – напомнил Тукан.

– Так вот. Я знаю, что у вас стопятидесятимиллиметровые орудия есть, танки тоже. Вдарили бы вы по «ПС»ам, ну, шухер, так сказать, устроили, а мы бы с ребятами, пока правосеки по щелям прячутся, под шумок и ушли бы. Место отхода мы уже определили, там мы спокойно просочимся, уйдём к железнодорожной станции и уедем.

– Мысль, Боря, твоя понятна. А если вас всё-таки снова поймают, а? Расстреляют ведь.

– Теперь уж вряд ли, да и ребята мои на всё готовы. Каждый себе уже схрон наметил: кто-то в Европу уехать хочет, кто в Россию, а кто у родственников спрятаться.

– А к нам? – вдруг задал вопрос Тукан.

– Чего «к вам»? – не понял Борис.

– Ну, к нам перейти не желаете?

– Нет, брат, извини – рискованно.

– Чем же? Какая разница, за кого воевать. У нас и платят неплохо.

– Всё так, только если наши эсбэушники об этом узнают, то всех родственников замордуют, да ещё объявят их пособниками сепаратистов. А так я один виноватым буду. Нет, уволь.

– И правильно, – согласился вдруг Алексей. – Мотивации воевать за нас у вас ноль. Мы хоть землю свою, семьи защищаем, а вам душой и зацепиться здесь не за что. – Командир встал. – Ладно, поможем, с командиром артдивизиона я договорюсь. Ты координаты этих «ПС»ов давай, помажем их немножко по нашей матушке-земле, тонким таким слоем, чтобы незаметно было.

Мозговой дал координаты расположения загранотрядов, определились со временем, крепко пожали друг другу руки и разошлись, как Алексей вдруг крикнул:

– Эй, Борис! – И помахал ему призывно рукой. – Подойди.

Мозговой подошёл.

– Чего?

– Давай, я тебе запишу номер моего телефона.

– Зачем?

– Как устроишься, позвони мне. Интересно же, как пройдёт наша операция по освобождению моего врага. – Тукан захохотал.

Когда отряды противника стали расходиться, кто-то из группы Тукана вдруг закричал:

– Командир, смотри, к нам кто-то бежит.

– Где?

– Да вон же, по ложбинке, где ручей течёт.

Отряд увидел, как справа, от русла небольшого ручья, заросшего по берегу тальником, бежит солдат, размахивает руками и что-то кричит. Что кричал солдат, с такого расстояния было не разобрать, но чем ближе он подбегал к группе, тем явственнее доносились слова:

– Эй, подождите меня! Братцы, подождите! Я с вами! Я с вами! Стойте, стойте!

Вот солдат подбежал и согнулся в полупоклоне, чтобы перевести дух. Отдышавшись, начал говорить:

– Мужики, я с вами. Я к вам.

– Ты кто? – спросил Тукан.

– Я… Я – Николай. Николай я, Горбик. Тут мать моя живёт, отец, дед. Я с вами.

Командир сморщил лоб:

– Подожди, подожди, так это твоя мать передавала нам записки от твоего командира?

– Ага, она, ненька моя.

– Что, под мамкину юбку спрятаться решил, атовец хренов? – спросил кто-то зло из ополченцев.

– Нет-нет, мужики, я с вами, воевать буду.

– Ну, если воевать, то пошли.

В назначенный день и час два артиллерийских орудия и три танка дали по заданной цели десятка три залпа, благо, что повод был, потому что укропы во внеурочное время начали забрасывать стодвадцатимиллиметровыми минами не только позиции ополченцев, но и дома мирных жителей.

Несколько дней никто не знал, как прошла совместная, украинско-донецкая, операция по прикрытию дезертирства атошников.

Однажды сотовый телефон Тукана запел песню «Спят курганы тёмные». Номер телефона был незнакомым. Алексей ответил:

– Алло, кто это?

– Привет, командир, это я, ну, тот, кто обещал тебе позвонить. Помнишь нашу встречу в балке?

Тукан понял, что разговаривает с Мозговым Борисом:

– А, привет. Как всё прошло? А то мы тут согрешили, понимаешь, можно сказать, перемирие нарушили, а ради чего, не знаем.

– Всё хорошо, брат. Птенчики все выпорхнули из чужого гнёзда. Правда, куда они потом разлетелись, не знаю.

– А ты как устроился?

– У меня всё нормально, я с семьёй уже у родственников, у «оккупантов», ищу работу. Вот, решил сказать тебе спасибо.

– Да не за что. Если приспичит, обращайся ещё.

Никонов Александр Фёдорович родился 27 апреля 1948 года в с. Александровка Мелекесского района.

Окончил факультет журналистики Казанского государственного университета.

Работал литературным сотрудником районной газеты, а затем редактором многотиражной газеты «Строитель» в г. Димитровграде.

После участия в семинаре литераторов Поволжья в сборнике «Воложка» был опубликован рассказ писателя «Колодезники», получивший одобрение критиков и читателей.

Публиковался в различных изданиях: «Теремок сказок» – Саратов, «Карамзинский сад» – Ульяновск, «Беседка муз» – Ульяновск, «Героиня, Лох и другие» – Саратов, «Золотое зеркало» – Ульяновск, «Литературный Ульяновск», «Черемшан», «Радуга Причеремшанья», «Большой Черемшан», «Совершенно несекретно» – Димитровград.

Первая книга автора – сказки «Пахомова неделя» – вышла в 1997 году.

По итогам областного литературного конкурса в 2007 и в 2008 годах при поддержке губернатора и правительства Ульяновской области были изданы ещё две книги: детско-юношеский роман «Я с тобой, Вэрк!» и роман «Побег». Затем автором при спонсорской поддержке были изданы три книги: сборник повестей «Цветок на диком камне» и «Пепел родного очага» – из цикла произведений «Кавказский разлом», а также фантастический роман «Амурский ангел».

По итогам областной выставки за 2007 год Дирекцией департамента культуры и архивного дела Ульяновской области удостоен Диплома за лучшее художественное произведение в прозе, роман «Я с тобой, Вэрк!».

Член Союза писателей России.

Живёт в г. Димитровграде.

Елизавета Мартынова

Путешествуй, душа, налегке…

Стихи

* * *

Кому любовь свою ни говори,
Слова опять истают до зари,
И снег смотает голубую пряжу,
И стаи птиц разрежут небеса,
Послышатся слепые голоса
Из прошлого, с которым я не слажу.

До крови ранит, но не рвётся нить,
И я не прекращаю вас любить,
Ушедших ни на миг не отставляю.
И снится мне окраина небес
И светлый сад, и тёмно-синий лес,
И дом, в котором ждут и умирают, –

И снова ждут. И жизнь течёт сама,
И нету в ней ни горя, ни ума,
Легка-легка, как будто птичья стая.
А я во сне летаю тяжело
И разбиваю тёмное стекло
Меж адом жизни и небесным раем.

Там живы все. И мама, и друзья,
И бабушка, и те, кого нельзя
Увидеть, но забыть их невозможно.
Сиянье душ и отблески планет,
Их навсегда неутолимый свет –
И снег, летящий в мир неосторожно.

Я там жила, в завьюженной степи,
В ночном дому, где темнота слепит,
И где лучина освещает песню.
А выплачется песенка когда,
Тогда метель и горе – не беда,
В прошедшем сгину, в будущем воскресну.

* * *

Опять листвы просвеченная медь,
Сквозняк берёзы бело-синеватой.
И снова можно плакать и неметь
Пред красотой такой же, как когда-то
Давно, за много лет до наших дней –
Чем раньше, тем прозрачней и ясней.
Здесь жили деды. Мельница кружилась.
Казалось, что сам воздух был крылат.
А если что, как песня, не сложилось –
В муку перемололось наугад.
А если что, как листья, облетело –
Так это моей бабке на венок.
Чернеют птицы в небе чистом, белом.
И мы живём. И Бог не одинок.

* * *

Сегодня воздух травами пропах.
Зацвел чертополох необычайный.
В два роста человеческих – размах,
И наверху – лиловый цвет печальный.

Не это ль символ времени, когда
Стал пустырём мой городок с изнанки,
И если в центре – офисы и банки,
То здесь окраина, стара и молода –

Лишь травы и вода. И развалюхи.
Мне снится сон, в котором дом сквозной,
И нет в нём человеческого духа,
И крыши нет, а только лист резной

Всё укрывает, тёмный и блестящий,
Лишь лист и небо, больше ничего,
Лишь он один – живой и настоящий,
Своё распространяет естество.

Я вижу: травы двигаются мимо
И, молча, полоняют шар земной –
Из тайной прошлой жизни пилигримы
Стариннее истории самой.

Они сильней людей, в которых души
Всё нестерпимей, глуше и мертвей.
…Свою живую душу обнаружив,
Ты ближе небу, свету и траве.

* * *

Прозрачная тень стрекозы
Мелькает на пыльной дороге,
Как будто остаток тревоги,
Как будто мерцанье слезы.

А вот и сама она здесь,
Как синий худой вертолётик,
Как чудо – почти, что без плоти,
Из солнца и воздуха смесь.

Летит в полушаге от нас,
Дразня, обгоняя, взмывая
Над зеленью поля без края,
Пока горизонт не погас.

Попробуй её догони!
Но мы не пытаемся даже,
Мы свету и тени не стражи
В прозрачные летние дни.

* * *

Костры – Дон Кихоты осени,
Оранжевы и остры,
Себя в синий воздух бросили
До сумеречной поры.

Качаются – не кончаются
Их пламенные бои,
Как будто звезда-печальница
Роняет искры свои.

И на костров неистовство
Смотрит речная мгла,
Пристально смотрят пристани
И тихих вод зеркала.

Вода утекает медленно,
Огонь погасает враз.
Ночные костры последние
Не помнят меня сейчас.

Их время уже закончилось,
Их пепел совсем седой.
…Я стану костром пророческим
И никогда – водой.

* * *

Косматые ветры играют огнями окраин,
Но ветры и сами – игра им неведомых сил.
И ночь распрямляется, всей чернотой догорая,
И падает в небо размахом обугленных крыл.

Светлеют листва и домов невысокие стены,
И чуть приглушённей – блеск уличного фонаря.
Как жили мы долго и как расставались мгновенно –
Об этом окраина помнит и знает заря.

И пение птиц, и сияние облачной пены,
И воздуха тонкого сумрачно-грустная медь –
Всё это о нас говорит, и всё это нетленно,
Круженье, движение жизни сильнее, чем смерть.

* * *

На стыках рельс подрагивая мерно,
Плывет вагон сквозь утреннюю мглу.
Огни желтеют холодно и нервно,
Как бабочки, мелькают по стеклу.

Наладим быт походно-переменный,
Закроем шторой сумерки окна.
И чай нальём в стакан обыкновенный.
И вспомним дом, в котором тишина.

Он там один. Кругом поля и горы,
Другие люди, чуждые ему.
Но что ему – пустые разговоры
И души, обжигающие тьму?

Он – наш с тобой. Его душа крылата.
Парит над городом. Сияет, как звезда.
Он помнит нас, все вехи, меты, даты –
И жизнь его надёжна и тверда.

Бродячий дом, неутомимый поезд,
Что знает он о тишине ночной,
Когда летит, ничуть не беспокоясь
О жизни дальней и совсем иной?

Но я люблю две радостных тревоги:
Дом у дороги и дорогу в дом.
Под небом медленным – темнеет склон пологий.
Звезда дрожит на небе молодом.

* * *

Пока мы шли в посадках, самолёт
Летел вдали – шумящий и незримый.
Пылал непоправимо небосвод,
И облака все проплывали мимо.

Тоннель зелёный кончился почти,
Деревья расступились перед нами.
Мы увидали: самолёт летит,
Белея осторожными крылами.

Через минуту он, как птица, стал
Над облаком синеющим крениться.
Сиял на солнце огненный металл,
И время продолжало мерно длиться.

Пока наш смертный разум не уснул,
Его мечту, пожалуйста, не троньте.
А самолёт в голубизну нырнул
И вынырнул на самом горизонте.

* * *

Дом переполнила осень,
Светится янтарём.
Не умирали мы вовсе
И никогда не умрём.

Плачут грачиные стаи –
Там, за прозрачностью стен.
Я ни за что не узнаю,
Кто я тебе и зачем.

Только бы рядом и рядом,
Взглядом, печальным дождём,
Облаком, городом, садом,
И – не просить ни о чём.

* * *

На клочке бумаги без помарок
Пишет он волшебные стихи –
Непонятный, сумрачный подарок
За его проступки и грехи.

Что бы ни случилось в эту осень:
Кутежи, дуэли, снегопад –
Музыка его уже не бросит,
Все слова до Бога долетят,

Как снежинки в хаосе метели,
Как искринки заревой свечи.
Вот и жизнь прошла на самом деле.
Но не плачь, а слушай и молчи:

Смерть лишь сон, и долго не продлится,
Кончится когда-нибудь она,
И душа, таинственная птица,
Снова будет жить и петь вольна.

* * *

Как передать невыразимое,
С ума при этом не сойдя?
Гори, звезда моя, свети, моя,
Мерцай за пеленой дождя.

Прикованный к высотам каменным,
Фонарик детский и смешной
Меня спасает тихим пламенем
От взрослой жизни заводной.

И отсвет горестный, сиреневый
Ложится на больном снегу.
В бессмысленные словопрения
Вступать я больше не могу.

Я отворачиваюсь к облаку,
К пространству неба надо мной,
К летящему на синем голубю,
Звезде моей, всегда родной,

Звезде поэтов и воителей,
К лучам её – коснись руки!
…И странный свет её пронзительный
Горит, безумью вопреки.

* * *

Всё живое – трава и листва,
Небо тёплое, руки дождя,
Вы простите меня: не права
Я была, забывая себя,

Растворяясь в дневной суете
И печалясь из-за пустяков…
Здравствуй, небо в ночной наготе,
Шорох ливня – как песня без слов.

Колыбельная космоса – дождь,
Под неё позабыть всё легко,
Чистой правдой смывается ложь,
И земное уже далеко…

А когда клочья туч разметёт
Ветер южный с далёких полей,
Всё былое быльём порастёт:
Одуванчик, цикорий, пырей.

Я тоже стану степью

Не вечен город. Здесь столетья степь
Лежала – неподвижная, глухая.
Звезды погибшей опускался свет
До золотой земли – и в травах таял.

Степь – это воздух, горький и густой,
Весенний, опалённый, неповинный
Ни в чём – и опьянённый высотой
И радугой, крылатой и наивной.

Стань детством, степь, воспоминаньем будь –
О девочке, на станции живущей.
Здесь будет город. Здесь намечен путь
Для молодых, безудержных, поющих.

Не страшно им, что призрачен барак,
Сквозящий на ветру войны великой,
Что слишком много выпало утрат,
И в скорбных лицах проступают лики.

Играет девочка на пристальном ветру,
Дивится травяному благолепью
И говорит, что «если я умру,
То ничего – я тоже стану степью».

* * *

На воле засыпают города.
Висят огни, на воздухе мерцая,
И плоская лежит во тьме вода,
Волною перетянута до края.

В ней небо до земли отражено,
Такое же чернильно-золотое,
Качается и падает на дно,
Колечком дорогим на дно речное.

Пересекая над рекою высь,
Незримая, парит ночная птица,
Как будто звёзды для нее зажглись
На синей неразгаданной странице.

И нам не нужно слов, не нужно клятв,
Чтоб доверять любви своей, как прежде.
Серебряные буквы звёзд горят
В неопалимой, горестной надежде.

* * *

Город не так уж и молод.
Пыльный, заросший травой,
Он – только времени сколок
С облака над головой.

Белый и малоэтажный,
С крышами наискосок,
Весь кружевной и отважный,
Нервный, как третий звонок.

Вспомни, как мы с тобой жили:
Всё впопыхах, на лету,
Каялись, пели, любили,
Переходя за черту.

А за чертою – трамваи,
Ранних вставаний тщета,
Синее небо окраин,
Счастье, любовь, нищета.

* * *

Зима отступила. От снега
Остались одни островки.
Над городом синяя Вега
Сияет без всякой тоски,

Холодную мглу освещает,
Прощает пустые года
И даже разлуки прощает,
Мерцает в излучинах льда.

И, правда, к чему укоризны,
Упрёки пустые к чему,
Пока мы живём ради жизни,
И зимы уходят во тьму?

Невидимы школа и ясень,
И в крапинках весь барбарис
Краснеет, напрасно прекрасен,
И ягоды падают вниз…

* * *

Птичий день зашумел за окошком.
Замелькала рябая вода.
Не останется день этот в прошлом.
Он достанется нам навсегда.

Он продлится на долгие годы,
Разольётся туманом в крови.
Шумом крыльев и небом холодным
Отзовётся и в нашей любви.

Этой рифмой правдиво-банальной,
Рваным шёпотом ясной листвы,
Этим клёном – осенним, опальным,
Разговором людей и травы.

Это мы с тобой – тайна и тайна,
Дальний поезд, поля, ковыли.
Жизнь с печалью её не случайна,
Если в нас бьётся сердце земли.

* * *

Однажды ты привыкнешь к тишине.
Однажды и она к тебе привыкнет.
И будет путь, который нас окликнет.
И будет свет, сияющий в окне.

И мы пойдём по узенькой тропе
Между сугробов, снов и снегопадов.
Нам после круга рая или ада
Не затеряться в сумрачной толпе.

Нам – только вдаль. Туда, где никого.
Где светит улица снегами и туманом.
Где странно всё. Где ничего не странно –
Для сердца моего и твоего.

За мёртвым снегом, за метельной тьмой –
Там есть просвет чуть видный, но такой,
Что ясно: он для бегства предназначен,
Для нас с тобой свечением охвачен –
И небом, и последней высотой.

Мы для людей исчезнем без следа.
Но вечером огромная звезда
Взойдёт над крышей дома городского.
Весенняя, весёлая, ничья.

…Под птичий свист и говорок ручья
В мир прорастём. И всё начнётся снова.

* * *

Путешествуй, душа, налегке,
Утварь дома оставь и пожитки,
Оживай – то в листве, то в строке,
В свежем ливне – промокни до нитки.

Пусть твердят, что так жили до нас,
Неумело, нелепо, нескладно –
Ничего не держи про запас,
Уходи, уезжай безоглядно.

Кто нам нужен – тот с нами всегда.
Кто оставлен – тот этого стоит.
Золотая слепая звезда
Небо зоркое взору откроет.

Но легко ли идти по лучу?
В поезд поздний в потёмках садиться?
Подожди, я тебе посвечу,
Тайной жизни твоей проводница.

Всё как прежде: цветы пустыря,
Млечный Путь и тропинка скупая,
Дом, в котором все окна горят,
Ночь горячечная, золотая –

Не достаточно ли для пути
Твоего, чтоб счастливой остаться…
Путешествуй, душа, и свети
Всем привыкшим по свету скитаться.

Мартынова Елизавета Сергеевна родилась в г. Саратове в 1978 году.

Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета имени Чернышевского.

Кандидат филологических наук. В 2003-2014 гг. – доцент кафедры русского языка и культуры речи СГАУ им. Н.И. Вавилова.

С 2008 года главный редактор журнала «Волга – XXI век».

Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Волга – XXI век», «Луч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Подъём», «Русское эхо», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостиный двор», «Отчий дом», в альманахе «Новые писатели России», коллективном сборнике «Новые имена в поэзии» (Москва) и других изданиях

Автор книг «Письма другу» (2001), «На окраине века» (2006), «Свет в окне» (2009), «Собеседник» (2012).

Многократный участник форумов молодых писателей России.

Лауреат премии Ю. П. Кузнецова журнала «Наш современник» (2008), . премии журнала «Сура» (2013).

Член Союза писателей России.

Светлана
ЗАМЛЕЛОВА

Колыбель России

Очерки

Откровения зеркала

Воевать с прошлым бессмысленно, вернуть его – невозможно, пытаться переписать – опасно. Всё это – пути к безумию и потери связи с действительной жизнью. К сожалению, заигрывание с прошлым в современной России стало какой-то национальной забавой. Самое разумное, что можно сделать по отношению к прошлому – вынести из него уроки. Чего как раз таки делать никто и не желает. Напротив, прошлое, как затонувший корабль ракушками, обрастает новыми, никогда не существовавшими подробностями, день ото дня превращаясь в пущий объект поклонения.

Никаких уроков из оболганного прошлого вынести нельзя. И неважно, какая это ложь – украшающая, как о Российской империи, или устрашающая, как о Советском Союзе. Историческая ложь – это всегда залог повторения ошибок.

В год столетия русских революций, как и во все предшествующие постсоветские годы, появилось множество публикаций, свидетельствующих о какой-то расслабленной мечтательности значительной части российского общества, вздыхающего по временам, известным лишь по книжкам, и рассуждающего об истории на уровне персонажа фильма «Большая перемена»: «Значит так. Цезаря убили, но у них там ничего не получилось. Нашлось ещё двое: сродственник Цезаря – Октавиан и товарищ по работе Цезаря – Антоний». Примерно так же судят об Октябрьской революции любители «России, которую мы потеряли», не жившие в этой России ни единого часа, но почему-то уверенные, что вся страна только и делала, что ела пряники и богатела, а потом вдруг пришли противные большевики и всё испортили. Эти любители прошлого отчего-то не хотят понять, что история – процесс закономерный и поступательный, и всё происходящее имеет всегда свои причины.

Применительно к революциям французский историк Ж. Мишле писал: «Чувствительные люди, рыдающие над ужасами революции, уроните несколько слезинок и над ужасами её породившими…» Тем более у нас есть такой беспристрастный свидетель этих ужасов как русская литература, ставшая, не только в лице Л.Н. Толстого, «зеркалом русской революции». Нет смысла приводить бесконечные цитаты о нищете и бесправии одних, роскоши и вседозволенности других. Вспомним лишь А.А. Блока, написавшего в статье «Интеллигенция и Революция»: «Почему дырявят древний собор? Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? Потому, что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? Потому, что сто лет под их развесистыми липами и клёнами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мошной, а дураку – образованностью…» Но никаких уроков никто извлекать и не собирается. Напротив, и власть, и церковь, неизвестно на что надеясь, радостно прыгают на старых граблях. Сегодня только и слышишь, как хорошо жилось при царе, и как большевики всё уничтожили. Наслушавшись таких рассказов, поневоле и сам станешь большевиком.

То вдруг выяснится, что крепостное право – это едва ли не форма взаимоотношений внутри большой и дружной семьи. Потом всплывёт,

что всеобщая грамотность в СССР – это миф и советская пропаганда и что на самом деле всеобщее начальное образование было введено в 1908 г. Да и начало всеобщей электрификации было положено Николаем II. Теперь все дружно и наперебой повторяют, что отречения последнего государя не было, равно как не было Кровавого воскресения, Ленского расстрела и всего того, за что при жизни Николая Александровича Романова прозвали Кровавым. В свете подобного рода рассуждений вся русская литература превращается в фантастику или fantasy с элементами horror`a. Иначе откуда же взялись все эти замученные, затравленные дети, запоротые мужики, изнасилованные девки, крепостные актрисы, выкармливающие грудью барских щенков, расстрелянные рабочие – весь этот нищий, забитый, тёмный и дикий люд, выглядывающий со страниц Некрасова и Тургенева, Достоевского и Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого и Г. Успенского, Григоровича и Короленко, Чехова и Горького, великих и обыкновенных, известных и забытых русских писателей XIX столетия?.. Чтобы понять русскую революцию, стоит заглянуть в её зеркало, где отразилось слишком много неприглядного. И тогда вспомнятся слова пророка Иезекииля: «Униженное возвысится, а высокое унизится», и отпадёт, возможно, охота удивляться и сочинять сказки о потерянных конфетках-бараночках.

О том, что изменилось в стране после 1917 г., написано немало. И сегодня об этом стоит вспомнить не только в связи со столетней датой, но и просто ради попираемой правды, ради того, чтобы напомнить мечтателям и фантазёрам: история не самое подходящее и безопасное место для ваших забав. Чем сочинять и ужасаться революцией, лучше вспомните француза Мишле и уроните несколько слезинок над ужасами, породившими революцию. Вот, например, явление, о котором как-то не принято говорить. Явление безобразное, узаконенное в царской России и уничтоженное в Советской. Речь идёт о проституции.

Русская литература отразила и это уродство. Многие читали «Яму» Куприна, «Воскресение» Толстого, «Записки из подполья» и «Преступление и наказание» Достоевского, «Припадок» Чехова, «Тьму» Андреева, «Мои университеты» Горького... Но не все в полной мере представляют себе весь ужас описанного явления. Современное общество смеётся над тем, что называется «права

женщин», связывая эти права либо с малосимпатичными и неопрятными феминистками, либо с сумасшедшими дамами из движения Femen. Современный человек не помнит, что ещё сто лет назад женщина, спешащая по улицам вечернего Петербурга без сопровождения мужчины, считалась бродячей и могла быть подвергнута аресту по подозрению в занятии несанкционированной проституцией; что в промысел этот подавались не за длинным рублём, а от крайней нужды и невозможности заработать себе на жизнь как-то иначе; что, вытолкнув из своих рядов, общество не принимало такую женщину обратно, и всё, что ей оставалось – презрение окружающих, ранняя старость и смерть от болезней.

Существует криминально-антропологическая теория Ломброзо-Ферреро о «прирождённой проституции». Однако практика полностью опровергла эту теорию. Единственно подтверждённая и апробированная теория заключается в том, что распространение проституции напрямую связано с социально-экономическими условиями. До 1917 г. ряды проституток пополнялись, главным образом, крестьянками и мещанками, то есть представительницами наименее обеспеченных и защищённых сословий. «Зеркало русской революции» подробно отразило условия жизни крестьянской и городской бедноты: это единственная комната смрадной избы в деревне, где, кроме огромного семейства, зимой обитают и домашние животные; это грязный угол наёмной комнаты или ночлежки в городе. Повсюду – голод и грязь, дикость и пьянство. Но главное – безысходность, когда вырваться из этого угла решительно некуда. Нельзя пойти учиться или работать, чтобы жалования хватало на прожитьё, а работа не превращалась бы в каторгу.

В царской России большинство беднейших представительниц низших сословий могли устроиться в городе в качестве прислуги, мастериц или пойти на фабрику. Впрочем, к какому бы сословию ни принадлежала женщина, быть врачом, чиновником или, избави Бог, инженером она всё равно не могла. Но помимо бедности, работающая в городе женщина неизбежно сталкивалась с отношением к себе как к полезной или не очень вещи. «Те же сложившиеся социально-экономические условия, – писал в 1910 г. доктор Б.И. Бентовин, известный также как автор повестей и рассказов, – выработали невыносимо-возмутительные отношения мужчин к женщинам-труженицам <…> У окон прачечных заведений собирается весьма

разношёрстная толпа индивидуумов <…> Всё это зубоскалит, перемигивается, говорит сальности, делает неприличные критические замечания… Стоит ли церемониться с прачками, цветочницами, корсеточницами, белошвейками!.. Что удивительного, если, вечно сталкиваясь с таким беззаботно циничным отношением, сама девушка-ремесленница привыкает мало-помалу смотреть на себя как на существо, словно судьбой присуждённое послужить в своё время к удовлетворению мужского полового инстинкта <…> Теряется вера в себя, в своё человеческое достоинство, в право личности, и “падение” признаётся чем-то неизбежным, законным, судьбою предназначенным…» Рабочий день труженицы мог продолжаться 16-18 часов. И самое большее, на что могла рассчитывать средней руки мастерица – 20 рублей в месяц. Аккурат на билет до Москвы из Питера первым классом. Нанять небольшую квартиру на окраине обошлось бы в 5-7 рублей, купить самовар – в 10 рублей, ботинки из чёрной кожи – около 4 рублей. Повторимся: 20 рублей в месяц при каторжной работе – это очень хорошие деньги, доступные далеко не каждой трудящейся женщине.

Ничего удивительного, что при такой жизни да при таком отношении к себе со стороны окружающих, жизнь в доме терпимости могла показаться дремучей, неразвитой девушке не в пример интереснее и приятнее. Но для тех, кто вошёл в эту жизнь, обратного выхода уже не существовало. Переехать же в «весёлый дом» было делом чрезвычайно простым и быстрым. Тот же доктор Бентовин приводит слова своих пациенток: «Значит, мы нужны, если с нами так возятся и комитет, и смотрители, и врачи, и полиция… И набирают-то нас без всякой задержки… Плепорции нет… Приходи наша сестра сколько хочешь – всех возьмут!..» Стоит только явиться во Врачебно-полицейский Комитет (ВПК) и обменять паспорт на заменительный билет (он же так называемый «жёлтый» билет), как можно на совершенно законных основаниях отправляться на заработки. Опасаясь тайной проституции и бесконтрольного распространения заболеваний, Комитет только всячески приветствовал решение женщины переменить профессию. Но и это ещё не всё. Время от времени Комитет устраивал обходы и облавы на бродячих (!) женщин, то есть на тех, кто ютился в ночлежках или же оказался в поздний час на улице и не смог ни предъявить бланка ВПК, ни внятно указать на

местожительство и род занятий. Другими словами, если крестьянская девушка сбежала от нужды в город, но не смогла найти работу и ютится в ночлежке, то она непременно будет арестована как бродячая. «Несчастье и порок, – писал о таких женщинах доктор П.Е. Обозненко, – здесь так похожи друг на друга, так близко сошлись между собой, что нет возможности с первого взгляда отличить одно от другого. Впрочем, городовой не имеет ни времени, ни желания размышлять, он решает дело быстро и… безапелляционно: женщина, взятая им на улице, в угловой квартире или в ночлежном доме, считается проституткой, с нею поступают как с развратною женщиной, хотя бы, кроме неимения определённого местожительства и занятий, не было ни единого намёка на то, что она промышляет развратом».

А дальше – одна и та же история, повторенная бессчётное число раз: голод и бездомье, уговоры чиновника подчиниться Комитету и обменять паспорт на заменительный билет, настойчивые приглашения от содержательниц домов терпимости, постоянно ищущих новых работниц, отказ и снова голод, поиски места, трущобы и новый арест. Раз, другой, третий… Наконец несчастная сдаётся. И, устав от голода, холода и грязи, никому не нужная и ни на что уже не надеющаяся, соглашается отдать паспорт. «Билетная» (живущая в доме терпимости) или «бланковая» (промышляющая самостоятельно), она уже никогда не вернётся к нормальной жизни, дверь за ней захлопнется навсегда. Деформировав психику, изуродовав тело, она проживёт несколько бурных лет, дождавшись к тридцати годам преждевременной старости, и умрёт от сифилиса всё в тех же трущобах. Одна из немногих женщин-врачей начала XX в. М.И. Покровская в работе «Борьба с проституцией» приводит типичные истории нескольких женщин. Вот одна из них – некрасивая и неграмотная, работала на фабрике с одиннадцати лет, потом испортила глаза и занялась проституцией, потому что больше делать ничего не могла. Сначала поступила в дом терпимости разрядом повыше, но потом оказалась в «тридцатке», то есть в доме, где с каждого посетителя берут 30 копеек. «На Рождество или на Пасху, – пишет М.И. Покровская, – и вообще по праздникам или под праздник бывает особенно много посетителей, “много работы”, как она выразилась, и все они страшно утомляются. Для того чтобы они могли выдержать, хозяйка даёт им четыре стакана водки в день. Кроме того,

они получают угощение от посетителей. Сначала ей казалось очень тяжело, потом она привыкла». «Много работы», уточняет Покровская, это 60-80 посетителей в день. Упоминание двунадесятых праздников кажется в этом контексте особенно нелепым. Но что делать – очевидно, так разговлялся православный люд. И вот на Рождество несчастная полуслепая крестьянка оглушает себя литром водки и «веселится» с полусотней не самых галантных и не самых брезгливых кавалеров.

Кроме прислуги, мастериц и фабричных, в проституцию активно вовлекались актрисы и хористки, а также дети, что было незаконно, и всё же было. Какая-то помощь этим несчастным, разумеется, оказывалась. В некоторых городах, как, например, в Санкт-Петербурге, были специальные больницы для проституток, появлялись так называемые Дома милосердия и Дома трудолюбия. Но меры были отнюдь не достаточными. Все эти Дома не давали профессию и не трудоустраивали по выходу. Да и не во всех городах проститутки могли позволить себе лечение. А выйдя из больницы или Дома милосердия, женщины не могли вести нормальную жизнь, не могли выбраться из замкнутого круга, потому что причины, обусловившие для большинства начало занятий проституцией, не устранялись. «Только с повышением нравственного уровня масс, – писала М.И. Покровская, – особенно мужской половины рода человеческого, и с изменением социального положения женщины, зло будет мало-помалу исчезать». Но никаких перспектив по улучшению ни социального, ни экономического положения кого бы то ни было не просматривалось. Не менялись ни условия труда, ни его оплата. Как говорила героиня А.Н. Островского, «богатый так богатым и живёт, а бедный, ты его сколько не поворачивай, он всё бедный». Не с чего было меняться и отношению к женщине. Да и что говорить о начале XX в., если и по сей день значительная часть «мужской половины рода человеческого» пребывает в средневековой убеждённости относительно умственной и нравственной неполноценности женщин.

Как результат – десятки тысяч изуродованных, презираемых, обречённых людей, до которых ни государству, ни обществу нет вообще никакого дела. «Проститутка, – заключал доктор Бентовин, – человек, выброшенный обществом за борт. Все нити, связывавшие её с семьёй, со знакомыми, с прошлым – порваны. Её новая профессия –

это гражданская смерть… В море жизни она совершенно одинока, законом она обособлена от окружающих». И такое положение вещей оказывалось узаконенным в государстве и нормальным в сознании обывателя. Проблемой занимались, сочувствовали несчастным только врачи. Да и то речь не шла о запрете или радикальных мерах искоренения. Об этом заговорили только после Великой Октябрьской социалистической революции.

Октябрь уравнял в правах мужчин и женщин, в связи с чем женская зарплата перестала в разы отличаться от мужской, а рабочий день сократился для всех до восьми часов. Именно Октябрь 1917-го попытался изменить отношение к женщине в обществе, освободив женщину от положения потенциальной проститутки и дав ей возможность самой выбирать судьбу, причём не между «билетной» и «бланковой». Советская власть немедленно включилась в борьбу с проституцией. Подчёркивалось, что борются с явлением, а не с людьми. В 1921 г. межведомственная комиссия при Наркомате социального обеспечения опубликовала «Тезисы по борьбе с проституцией», гласившие: «1. Проституция тесно связана с основами капиталистической формы хозяйства и наёмным трудом. 2. Без утверждения коммунистических основ хозяйства и общежития исчезновение проституции неосуществимо. Коммунизм – могила проституции. 3. Борьба с проституцией – это борьба с причинами, её порождающими, т.е. с капиталом, частной собственностью и делением общества на классы. 4. В Советской рабоче-крестьянской республике проституция представляет собой прямое наследие буржуазно-капиталистического уклада жизни».

В борьбе с этим наследием использовались два подхода: гуманный и репрессивный. Примерно до конца 20-х гг. применялся гуманный подход, на падших воздействовали милосердием, что приносило известные плоды. В городах появились бесплатные венерологические диспансеры, создавались мастерские и артели, столовые для безработных, общежития. Шла активная просветительская деятельность, в том числе вечера коллективного чтения – читались художественные произведения о жизни проституток в царской России. Само собой, задача была не из лёгких – невозможно было всем вчерашним жрицам любви за пару лет внушить отвращение к

профессии, при том, что уровень жизни оставался в стране далеко не высоким.

К концу 20-х гг. на смену гуманному подходу пришёл репрессивный. Постепенно и проституция, и её потребление стали наказуемым делом. Промышляющую женщину ждал трудовой лагерь или профилакторий, а обратившегося к ней мужчину – увольнение и даже исключение из партии. Обращение к проститутке было названо «контрреволюционным поступком». Проституция же из самостоятельной сферы услуг вошла в орбиту преступного мира, став его неотъемлемой частью. Соответственно и проститутку стали рассматривать не как несчастное и падшее создание, но как «социально вредный элемент с применением в отношении её существенных мер воздействия».

Наверное, полностью победить проституцию невозможно, как невозможно уничтожить порок или изжить грех. Но можно сделать другое – вытащить человека из безысходности. До 1917 г. «обилеченные» женщины навсегда оказывались за бортом жизни, и вскарабкаться обратно не имели уже никакой возможности. Можно сказать, что человек официально превращался в вещь, но изменить что-либо уже не мог. Октябрь дал всем одинаковые шансы оставаться людьми. И в этом главная его заслуга.

Но как бы то ни было, всё это в прошлом – и бродячие женщины, и расстрелянные рабочие, и две революции, и гражданская война, и война Отечественная и даже, увы, весь советский период, полный побед и свершений. А что же с будущим? Нет ответа. В СМИ будущее упоминается только в связи с предсказаниями или ценами на нефть. Но такое отношение ко времени характерно для старости, что запечатлел В.М. Максимов на картине «Всё в прошлом». Большевики, например, строили светлое будущее, мечтали о коммунизме. А о чём мечтает сегодняшняя Россия? Вынести Ленина из Мавзолея? Увековечить Колчака?.. Прошлого уже нет, будущего ещё нет. Но на прошлое нельзя повлиять, а на будущее можно. И в частности, путём переписывания прошлого. Только пользы от такого влияния будет немного.

Одно дело – профессиональные споры историков, и совсем другое – ненависть граждан друг к другу из-за событий столетней давности и даже из-за домыслов вокруг этих событий, из-за того, чего давно уже

нет и вернуть что не представляется возможным. Со стороны такое общество выглядит безумным. А, кроме того, устремлённость в прошлое может быть признаком боязни будущего, а то и вовсе нежизнеспособности.

Какова программа развития нашей страны? Куда она идёт и какие строит планы? Никто не знает. Зато самая затрапезная старуха знает, что Ленин продался немцам, а Сталин лично расстрелял миллионы священников. Зачем вообще ворошить прошлое, если изменить уже ничего нельзя? Зачем выдумывать то, чего никогда не было и ненавидеть за это ближнего? Никто уже давно не рушит церкви, нет никакого ГУЛАГа, так оставьте в покое Ленина и Дзержинского, Сталина и прочих. Неужели не понятно: на каждого расстрелянного священника всегда найдётся запоротый мужик или убитая сифилисом крестьянка. И если не прекратить этот обмен любезностями, он может тянуться вечно. Прошлое должно оставаться монолитным и неприкосновенным.

А многим гражданам следует отдавать себе отчёт: лучшее, что они могут сделать сегодня для страны, это перестать подсчитывать расстрелянных и рыскать по интернету в поисках новых фактов об ужасах большевизма. Лучше уроните несколько слезинок об ужасах, породивших революцию, и подумайте о будущем – о том, как жить дальше.

Очень русская история

Нет такого народа на свете, который не имел бы своих сказок. Чтобы понять народ, достаточно понять его сказки. Сказка – это тайник народной души, хранилище памяти, зеркало облика народного.

Там, где есть слово и жизнь, есть и сказка, всем понятная, любимая всеми и бессмертная. Что подкупает в сказке? Искренность, наивность и простота, выдумка и острое слово, торжество добра и справедливости, наказание всякой неправды. Конечно, всё это сообразуется с народными представлениями о добре и зле. Сказка непосредственно выражает сознание и жизненную философию народа, понимание им жизни, представления о Красоте и Правде.

Но сказка при этом – живой организм со своей судьбой и своим характером. Сказка удивительным образом сочетает в себе несочетаемое: она проста, но вместе с тем иносказательна и понятна не каждому. Она добра, но даже лучшие её герои зачастую коварны и жестоки. Она наивна, но в то же время исполнена глубочайшей мудрости.

Долгое время, как это ни покажется на первый взгляд странным и неправдоподобным, русская сказка у себя на Родине была презираема и гонима. Сказание сказок в XII в. приравнивалось к ворожбе. А в XVII в. рассказывать сказки, загадывать загадки и колядовать запрещалось царским указом. Но, несмотря на гонения, сказка жила, словно уподобившись своим героям, переходила из уст в уста, потешая и наставляя.

Но и простой народ, пересказывая сказку длинными зимними вечерами, не слишком-то жаловал бедняжку, почитая сказку безделицей, пустой забавой, утехой баб, да малых ребят. Что ж, у русской сказки сложилась вполне себе русская судьба. Первым человеком в России, кто с полным пониманием красоты и значения русской сказки обратился к первоисточнику, то есть стал записывать сказки со слов народных сказителей, был А.С. Пушкин. Как не вспомнить знаменитые слова поэта, сказанные им в письме к брату: «Вечерами слушаю сказки – и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма».

До Пушкина издавались в России сборники сказок, но это были, скорее, подделки под народную сказку. Со слов своей нянюшки Арины Родионовны Пушкин записал семь сказок. И только три из них – «О Салтане», «О мёртвой царевне» и «О попе и Балде» – подверглись литературной обработке. Поэт записывал сказки не просто ради сюжетов, которые он мог найти где угодно. Так, например, сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке» был позаимствован у братьев Гримм. Нет, жалуясь на петербургское воспитание, Пушкин перевоспитывал себя на сказках. Через сказки познавал он «русский дух», открывал для себя русского человека. И отсюда, наверное, это сродство с народом, которое подметил потом Достоевский, уверявший, что даже у самых даровитых русских писателей «нет-нет, а и промелькнёт вдруг нечто высокомерное, нечто из другого быта и

мира, нечто, желающее поднять народ до себя и осчастливить его этим поднятием. В Пушкине же есть что-то сроднившееся с народом взаправду…»

Пушкиным сделан огромный шаг в изучении и собирании русской сказки. Уже после Пушкина появились сборники сказок И. Ваненко и Б. Бронницына. Но о сборниках этих можно судить по отзыву Белинского, пожелавшего составителям, чтобы те «перестали пересказывать народные сказки, уже без них и давно сочинённые, а стали бы рассказывать свои».

Выходил и знаменитый сборник И. Сахарова, одобренный Белинским, но на поверку оказавшийся мистификацией. Или, лучше сказать, фальсификацией. Даже сказки, опубликованные Далем, будучи переделками, оказались безынтересными и бесполезными для изучения фольклора.

Словом, как это часто случается, потребность в издании подлинных народных сказок давно назрела, а вот ответить этой потребности никак не удавалось. Пока наконец не появилось собрание, из восьми выпусков, Народных русских сказок, собранных Александром Николаевичем Афанасьевым.

В Предисловии к первому выпуску первого издания Афанасьев сетовал: «Важное значение народных сказок как обильного материала для истории словесности, филологии и этнографии давно сознано и утверждено даровитейшими из германских учёных.<…> Нельзя не пожелать, чтобы благородный труд, подъятый ими на пользу народности, послужил и нам благим примером. Пора, наконец, и нам дельней и строже заняться собранием и изданием в свет простонародных сказок…»

Но русский учёный превзошёл своих учителей. Сборник его по научным качествам представляет неизмеримо большую ценность, нежели издание братьев Гримм. И уже потому только, что, в отличие от немецких коллег, Афанасьев не допустил ни малейшей шлифовки или переработки.

Именно Афанасьевым была предпринята первая попытка классифицировать сказки, для чего весь массив сказочного материала был разделён учёным на три группы: сказки новеллистические, волшебные и сказки о животных. И в этом он также превзошёл

братьев Гримм, в собрании которых сказки не ведали ни порядка, ни системы. Хотя, справедливости ради нужно отметить, что сказки Афанасьева разделились на группы лишь во втором издании, осуществлённом спустя десять лет после первого. Первое же представляло хаотическое нагромождение: всё множество сказок, а было отобрано более шестисот текстов, ложилось на бумагу в том порядке, в каком поступало к Афанасьеву.

Конечно, не все отобранные Афанасьевым сказки были записаны им лично. Со слов сказителей он записал не более десяти текстов. Кое-что нашёл в старых лубочных изданиях. Часть сказок были записаны этнографом и фольклористом П.И. Якушкиным и переданы затем Афанасьеву П.В. Киреевским, также известным собирателем и ценителем фольклора. Существенную помощь оказало Афанасьеву Русское Географическое Общество, в котором состоял учёный. Уже тогда Афанасьев был широко известен как автор статей по славянской мифологии, составивших впоследствии знаменитый трёхтомник «Поэтические воззрения славян на природу». И совет Географического Общества, в архиве которого мало-помалу скопился значительный сказочный материал, постановил передать сказки Афанасьеву для дальнейшего их издания.

Любопытно, что молодое тогда Географическое Общество, независимо от деяний и намерений Афанасьева, рьяно приступило к сбору этнографического материала. Во все концы страны были разосланы призывы собирать фольклор. И русский человек откликнулся. «Откликались люди самых разнообразных профессий, – пишет В.Я. Пропп, – и присылали собранные ими материалы». Памятуя об этом народном энтузиазме, в Предисловии к первому изданию сказок Афанасьев снова обратился к соотчичам, «ко всем любителям народного слова» с просьбой записывать и присылать ему сказки. И, возможно, тот, кому вчера ещё, по слову Белинского, «странно и дико было бы узнать, что учёные бары списывают и печатают его россказни и побасенки не для шутки и смеху, а как что-то важное», сегодня примкнул к собирателям древностей и хранителям родного слова.

История русской сказки сама похожа на сказку, потому что это очень русская история. Сначала гонения и запреты, непонимание и

хула, презрение и насмешки. А затем – вдруг пробудившиеся чувства долга, любви и ответственности, всеобщее соработничество и переполняющая гордость за своих, что в очередной раз натянули нос немцам.

Колыбель России

Почти семьсот лет назад в лесной чаще к северу от Москвы сыновья ростовского боярина Стефан и Варфоломей срубили келью и посвящённую Святой Троице «церквицу малу». Так было положено начало Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, которая, как и всё великое, началась с малого и неприметного никому дела.

Мог ли оказавшийся случайно рядом современник угадать за плотницкими стараниями братьев силуэт будущей славной обители, одной из главных святынь Православного мира!

Страшные, непроходимые леса окружали тогда Москву. Только ветер да дикий зверь оглашали воздух воем, петляя меж тесно стоящих стволов. Но неслучайно выбрали ростовские братья место на холме Маковец…

Подобно тому, как Господь и предтеча Его Иоанн в разное время возведены были Духом в пустыню, где постились, претерпевая дьявольские искушения, так, несомненно, и Стефана с Варфоломеем вёл Дух Святой, указав место, где «…древние видяху <…> прежде свет, а инии огнь, а инии благоухание слышаху».

Не каменистая пустыня Иудейская, но так же малопригодная для жилья лесная чаща стала прибежищем двух пустынников, нарочно искавших безблагодатной земли, чтобы в условиях, при которых труднее всего выжить, победить искушения постоянным напряжением всех физических и духовных сил. Но прошло не так уж много времени, и Стефан, не выдержав лишений, оставил брата, удалившись в Москву, в Богоявленский монастырь. Варфоломей же задумался об иноческом постриге, который и принял вскоре с именем Сергий.

«Радонежский чудотворец», «Игумен земли русской» называют основателя Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, связывая с его именем

надежды на заступничество и молитву перед Богом. И не иссякают чудеса, творимые преподобным Сергием. По сей день исцеления и утешение получают припадающие к нему с верой. Но ещё при жизни Сергия его стараниями и молитвой совершилось нечто, что и по сей день касается каждого, живущего в России, независимо от того, к какому племени и какой вере он относит себя. Преподобный Сергий, вдохновитель объединения разрозненных в XIVв. русских земель вокруг Москвы, благословил, поддержал и наставил князя Дмитрия Ивановича перед Куликовским сражением, начавшимся поединком Троицкого монаха Александра Пересвета с татарским богатырём Темир-Мурзой. Облачённый вместо золочёного шлема в куколь схимника, лишь крест, вышитый на куколе имел своей защитой Пересвет. «Брат мой, Андрей Ослябя, моли Бога за меня!», – обратился он к товарищу, пришедшему с ним из Троицкой обители, и выдвинулся навстречу грозному татарину. Они сошлись и, ударив с силой копьями, упали замертво.

Победой русского войска закончилась битва на Куликовом поле. «Народ, привыкший дрожать при одном только имени татарина, – пишет В.О. Ключевский, – встал на поработителей, <…> повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями…»

Минули века… И вновь на переломном этапе истории монастырь оказался в центре событий. Когда в начале XVII в. Лжедмитрий II подошёл к Москве, когда дальнейшее существование русского государства, охваченного смутой, обескровленного врагом и властными притязаниями боярства, вызывало серьёзные сомнения, Троицкие монахи и укрывшиеся за крепостными стенами жители окрестных сёл и деревень шестнадцать месяцев противостояли отрядам Сапеги и Лисовского, разоривших к тому времени Переславль и Суздаль, Ярославль и Ростов Великий.

Непрекращавшиеся обстрелы и штурмы, подкопы, лазутчики, подсылавшиеся сеять измену, лишение осаждённых воды, голод и эпидемии – что бы ни происходило, что бы ни предпринимали поляки, монастырь стойко держался до тех пор, пока из Нижнего Новгорода не подоспела помощь от воеводы Скопина-Шуйского. Хотя, как

отмечал Троицкий келарь Авраамий Палицын, подробно описавший осаду, защитники крепости «не ведущее же, что сотворити: или мертвых погребати, или стен градских соблюдати». Но памятуя о завете преподобного Сергия Пересвету и Ослябе: «Мужайтесь, как храбрые Христовы воины! Приспело время вашей купли!», – чернецы XVII столетия

Среди мечей зазубренных,
В священных стихарях,
И в панцирях изрубленных,
И в шлемах, и в тафьях,

Всю ночь они морозную
До утренней поры
Рукою держат грозною
Кресты иль топоры.

(А.К. Толстой «Ночь перед приступом»).

А спустя почти сто лет именно из обители преподобного Сергия сделала первые свои шаги петровская Россия. Дважды укрывали Троицкие стены юного государя от восставших стрельцов. Здесь, в монастыре, вершил затем Пётр суд над сторонниками царевны Софьи, рвавшейся к единоличному управлению страной и предпринявшей неудачную попытку захвата власти. А перед монастырскими воротами – казнь над осуждёнными.

Можно сказать, что здесь, в обители преподобного Сергия, Пётр заложил один из первых камней в основание нового государства. Отсюда, после подавления второго стрелецкого бунта и заточения Софьи в Новодевичий монастырь, вышел он единоличным правителем, сознавая, что отныне только на нём, на его плечах лежит бремя власти и ответственности за страну.

Когда в XX в. разрушались по всей России храмы и монастыри, Свято-Троицкая Сергиева Лавра не просто устояла, но приросла со временем красотой и благолепием. Отреставрированным храмам возвращался первоначальный облик, расчищались от позднейших

обстроек старинные здания. Не пострадала Троицкая обитель и в годы Великой Отечественной войны.

В Великом Новгороде сохранялось предание: когда исчезнет с креста собора Святой Софии голубь, падёт и Новгород. Так и случилось: упала под фашистским обстрелом птица, и вскоре немцы сравняли город с землёй.

«Белый как голубь», – говорит о Троицком монастыре сирийский путешественник XVII в. Павел Алеппский. Точно голубь на кресте, водружённом над Россией – так тесно связана судьба обители с судьбой русского государства, сложившегося при участии преподобного Сергия. И не раз, когда решалась судьба страны, когда отжившее старое готовилось смениться грядущим новым, его обитель оказывалась в самой гуще происходящего, не просто молчаливо взирая, но принимая деятельное участие, влияя на ход событий. И как знать, быть может, исчезнет Лавра – исчезнет и Россия, охраняемая молитвой и предстательством преподобного Сергия, ревнителя о единстве русских земель, о силе и независимости русского народа. Будем же уповать, чтобы этот белоснежный голубь, водружённый над Святой Русью преподобным Сергием, не покинул своего места.

О присоединении Казани к Московскому царству

«Тело изнемогло, болезнует дух, раны душевные и телесные умножились, и нет врача, который бы исцелил меня, ждал я, кто бы поскорбел со мной, и не нашёл, заплатили мне злом за добро, ненавистью за любовь». О, нет! Не узник и не страдалец, измученный смертельным недугом, писал эти слова. Сетовал на судьбу московский царь Иван Васильевич Грозный. Ключевский назвал эти сетования царя «искусственной задушевностью», «крокодиловым плачем». Но уже в наше время в книге «Русская симфония» митрополит Иоанн (Снычёв) напишет о сетованиях грозного царя: «Воистину так!»

По сей день – а сегодня, может быть, как никогда ранее – личность царя Ивана Васильевича вызывает множество споров и разногласий:

от предложений канонизации до обвинений во всех смертных грехах, не исключая содомский. Внутри Церкви мнения относительно первого русского царя также разделились. Кто-то называет его «убийцей и развратником», а кто-то, как, например, приснопамятный митрополит Иоанн, считает царя Ивана Васильевича устроителем русского государства, собирателем земель вокруг Москвы, защитником Веры и Отечества; оклеветанным, оболганным и демонизированным вслед за иностранными лжесвидетелями, прибывавшими в Москву склонить царя под власть Ватикана, но получавшими бескомпромиссный отпор. Но есть немало свидетельств русских современников Ивана IV, в которых царь предстаёт совершенно в ином обличии, нежели в иностранных. И дело не в том, что были написаны русские свидетельства, как можно предположить, из боязни перед грозным царём. Просто «народ, – по слову митрополита Иоанна, – верно понял своего царя и свято чтил его память».

«В лето 7059 (1551) Великий в благочестии и великий в державных, Богом почтенный царь и государь и великий князь Божиею милостию Иван Васильевич всея Руси самодержец видев убо христианство пленено и многи крови християнские проливаемы, и многим церквам святым запустение. От кого убо сия бысть нестерпимыя беды? Глаголю же, яко сия бысть злая вся от безбожных казанских сарацин». Этим утверждением начинает «Троицкую повесть о взятии Казани» Адриан Ангелов, келарь Троице-Сергиева монастыря, современник царя Ивана IV, лично знакомый с самодержцем, от которого «слышать сподобился» о подробностях взятия Казани. Кроме того, автор «Троицкой повести», посланный игуменом и братией, сам побывал под стенами осаждённого города, привезя царю из обители преподобного Сергия икону, просфору и святую воду. «И от того дни,– по слову Троицкого келаря, – православному царю нашему вся радость и победа над враги от Господа даяшеся».

«Безбожные казанские сарацины», действительно, творили многие обиды своим православным соседям, совершая набеги на Вятские и Нижегородские земли, разоряя города и сёла, уводя в плен русских людей. Жгли монастыри, в церквях устраивались на постой. Рубили иконы, богослужебные сосуды обращали в посуду для пиршеств, кресты и оклады плавили на женские украшения. Надругались над

иноками и духовенством, насиловали девиц и жён на глазах у родителей и мужей. Старых же людей, непригодных для работы, подвергали самым страшным издевательствам и пыткам забавы ради, а натешившись, бросали их, беспомощных, умирать в ужасных мучениях.

Надо сказать, что подобное «приятное» соседство было не единичным у России, окружённой с востока и юга племенами не просто воинственными, но весьма свирепыми и дикими. Завоевание Казани и Крыма, покорение Кавказа и Средней Азии расценивается русофобской историографией как проявление имперских амбиций и непомерных аппетитов жадной до колоний Московии. Как правило, эта точка зрения навязывается миру странами, никогда не бывшими в окружении «безбожных сарацин», но, напротив, прослышавшими однажды об их богатствах и с тех пор искавшими встреч с ними. Вплоть до сегодняшнего дня эти страны, прикрываясь всевозможными благими намерениями, отправляют своих солдат на другой конец света, чтобы подвергнуть оккупации и грабежу государства, которые ни территориально, в силу своей удалённости, ни экономически, в силу своей отсталости, не могут представлять какую бы то ни было угрозу самим оккупантам и грабителям.

Войны, как известно, бывают захватнические и национально-освободительные. Говоря, например, о рыцарских походах в Палестину, можно смело утверждать, что носили они захватнический характер. Что под святыми лозунгами рыцари совершали грабительские набеги на Ближний Восток, вывозя оттуда невиданные у себя на родине сокровища. Что касается похода Ивана IV на Казань, совершенно очевидно, что, исполняя обязанности по отношению к своим подданным, царь выступил лидером национально-освободительной войны.

Походы против Казани предпринимались царём неоднократно. В 1548 и 1550 гг. царь потерпел неудачу и вернулся в Москву ни с чем. Проведя военную реформу, нацеленную на упорядочение иерархии в армии, а также на перевооружение, царь в 1551 г. снова начал готовиться к походу на Казань.

В устье реки Свияги, впадающей в Волгу в 20 км от Казани, царь отправил воевод и хана Шигалея, союзника Москвы, до недавнего

времени занимавшего казанский трон и немилосердно изгнанного казанцами.

Одновременно в Угличе был подготовлен строительный материал для крепости с башнями. Материал сплавили по Волге к Свияге, где в устье за месяц была возведена крепость Свияжск, а внутри крепости – Богородично-Рождественская церковь и церковь во имя преподобного Сергия, которого Государь почитал своим заступником и покровителем. Именно преподобному Сергию молился отец Ивана Васильевича – Василий III – о даровании ему наследника. А после крещения новорожденного сына родители положили его на раку Преподобного со словами: «Се обещание наше отдаем Богу и пречистей его владычице Богородице и тебе, святче Божий и угодниче Христов. И ныне великий угодниче Христов Сергие, буди нашему чаду помощник и молитвенник ко Господу Богу и пречистей Богородице»…

Увидев город, выросший у них на глазах, казанцы испугались и стали просить царя, чтобы прислал им на престол ещё недавно изгнанного хана Шигалея. Царь согласился и даже щедро наградил казанцев. Но неуёмные и коварные казанцы в скором времени снова замыслили худое, вознамерившись убить хана Шигалея. Прослышав об этих замыслах, Шигалей бежал, перебив множество татар, а многих уведя с собой. Снова испугались казанцы и послали «бити государю», чтобы прислал бояр управлять Казанской землёй. И снова царь склонился к милости.

Прибывшим царёвым людям татары предложили сначала отправить в город свои обозы, после чего торжественно въехать самим. Но едва только обозы вкатились в Казань, как городские ворота затворились, и бояре в одиночестве остались в чистом поле. Должно быть, кто-то из них, глядя на запирающиеся перед носом ворота, сказал тогда про татар: «Опять что-то новенькое придумали».

Бояр казанцы не впустили, бывших в обозе людей убили, имущество разграбили. Узнав о таком вероломстве, царь во главе войска выдвинулся к Казани.

23 августа 1552 г. началась осада города, оказавшегося столь хорошо укреплённым, что даже при помощи артиллерийского обстрела не удавалось пробить его стены. Вместе с тем,

предпринявшие вылазку казанцы, а также те татарские силы, что находились не внутри гарнизона, а кочевали в окрестных степях, были разбиты на Арском поле. Царь, по случаю такой радости, отслужил благодарственный молебен и устроил пир. Татарам же предложил сдаться и обратился к ним со словами: «Аще град здадите ми, аз всех вас хощу жаловати и не поминаю ваших многих измен».

Но татары сдаваться не пожелали, и русские предприняли новый штурм.

На сей раз, кроме осады и пушечного обстрела, были устроены подкопы под городские стены. Этими работами ведал некий литовец по имени Размысл. Взрыв подкопов разрушил стены, так что «дым убо от земля яко тма являшеся, и на велику высоту восходящу великия и многия бревна, и онех нечестивых на высоту возметаща и многие побиваше». Русские ворвались в город, и 2 октября Казань пала.

Битва за город была беспощадной. Летописец уверяет, что «нечестивых же толико побиша, яко убо внутрь града стен толико мертвых нечестивых онех казанских татар лежаше, яко и з градными стенами сравнятися трупие мертвых». Но обвинять в данном случае царя или русское воинство в жестокости – всё равно, что негодовать на лошадь, отбивающуюся копытами от стаи волков.

Сохранилось предание, что многие «безбожные казанские сарацины» из числа пленённых рассказывали потом, что не раз накануне взятия города видели некоего старца в монашеских одеждах, ходящего по улицам и улицы очищающего. Когда же пытались его схватить, он всякий раз исчезал. В то же самое время несколько русских видели – как позже выяснилось – один и тот же сон. Видели они, будто ходит по городу Казани старец и метёт в домах и на улицах. И будто окружавшие его люди в белых сияющих одеждах вопрошали: «Како, святый Сергие, сам храмины метеши, повели убо иному измести». На что отвечал старец: «Сам убо аз изъщищу, заутра бо многие гости у меня зде будут».

В самом деле, такого числа гостей, какое собралось в городе 2 октября 1552 года, Казань не видела ни до, ни после. Этот день стал последним в истории Казанского ханства, бывшего наиболее значительным среди государств, сложившихся на обломках Золотой

Орды. Следом за Казанью царь без особых усилий взял Астрахань, а следом власть московского царя признали Ногайская Орда, Кабарда, Сибирское ханство, башкиры и пятигорские князья на Северном Кавказе.

Русские переселенцы стали успешно осваивать новые территории, не притесняя аборигенов, но мирно соседствуя с ними, о чём свидетельствует хотя бы тот факт, что по сей день в Казани ислам – главенствующая религия. Прекратились жестокие набеги на восточные области, а Волжский путь, связывающий Европу и Ближний Восток, оказался под контролем России.

Именно тогда, после взятия Казани, обрёл царь прозвище «Грозный», означавшее не дикость нрава, не маниакальную жестокость, а грозу в лице Государя для врагов Отечества и Веры. Увы! Имя грозного самодержца – по злому ли умыслу, по склонности к сочинительству или приукрашательству – сделалось синонимом «свирепого сладострастия», «невежества» и «варварства». И немало ещё пройдёт времени, прежде чем обелится имя русского Государя, смиренно несшего царскую тяготу, как крест, видя в том Божие служение.

Замлелова Светлана Георгиевна родилась в Алма-Ате.

Окончила Российский Государственный гуманитарный университет (РГГУ — Москва).

Прозаик, публицист, критик, переводчик.

Член Союза писателей России и Союза журналистов России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Кандидат философских наук (МГУ), защитила кандидатскую диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искариота».

Автор семи книг (проза, переводы французской поэзии, литературная критика, монография по философии).

Александр
ТИМАКОВ

Ужин в метель

Рассказы

Члены Семьи Военно-Служащего

Из цикла «Чеченские рассказы»

Их было четверо. Чинуша, Седой, Варфоломей и Слуга. Но Варфоломея звали короче, просто Варя. Сами себя они называли в шутку членами семьи военнослужащего, по начальным буквам их позывных. Так они и воевали и на задание ходили вчетвером.

Чинуша, он же Толик, был толстым и бочкообразным с виду, вообще то, списанным десантником. Однажды, десантируясь с транспортного ИЛ-76, он оступился и серьёзно сломал ногу внутри летящего самолёта. Когда самолёт приземлился, он испытал новое чувство, не ведомое десантному братству и выражаемое в словах: – «Опа – мать, в первый раз выхожу из самолёта на землю!»

За это его оставили служить в армии. Прыгать с парашютом он уже не мог, но жажда приключений на свою пятую точку, привела его в разведывательную роту нашего полка. А прочие десантские умения, как то: стрельба из всего, что стреляет, и изо всех немыслимых положений, помогли ему быстро влиться в небольшой коллектив и завоевать нужный авторитет. Кроме того, несмотря на молодой возраст, он прекрасно водил всю армейскую и гражданскую технику, несколько раз бывал в горячих точках, и опыт его был практически

бесценен. Он носился по полку на своей БМП, как ужаленный. И потому все, от повара до командования, частенько называли его за глаза «майор Вжик». Однако до недавнего времени в его окружении мало кто знал, что Чинуша – это не позывной, а его настоящая фамилия.

Совсем другим был Седой. К тридцати трём годам, дослужившись до старшего лейтенанта, он имел двенадцать лет скитаний по захолустным гарнизонам, пару разводов, пятилетнего внебрачного сына и совершенно седую голову. Но седым его назвали не за это. Когда в юности он рассказывал об очередном своём приключении, то частенько повторял «тудой-сюдой», вместо «туда-сюда». И вот, как то очередной слушатель одёрнул его словами: – ну, хватит, сюдой! А получилось – «седой»! Так и приклеилось к нему это прозвище Седой. И ведь всё сходилось. И седина, и возраст, и странная в своей нелепости жизнь военного. Только никто не знал, как, окончив инженерное училище, он один разминировал в лесу большой склад боеприпасов времён Отечественной войны, когда приехал в отпуск к себе в родную деревню. Помощников нет, а ждать было нельзя. Так что, когда на другой день приехали саперы, он им всё обезвреженное и сдал. Они после неделю разбирали и удивлялись, что он один всё это смог! А ещё через неделю он поседел, как лунь. После того случая Коля Иванов, он же Седой, стал немногословным, как все сапёры.

Варфоломей учился в Питере, в институте физкультуры имени Лесгафта. Он был сложен как Аполлон, и, разумеется, пользовался ошеломляющим успехом у женской половины, и не только института. Ах, сколько заплаканных подушек, заломленных рук, размазанных тушью глаз, охов и вздохов сопровождало его учебный процесс. Но его любимой девушкой стала… снайперская винтовка – СВД. На втором курсе он съездил на какой-то слёт снайперов, вместо попавшего в больницу товарища. Там он вошёл в тройку призёров, и всецело заболел этим делом. Он неделями пропадал в тире, беспрестанно смазывал и протирал свою «СВДевушку», изучал баллистику, тут же подкреплял знания на практике, тем самым обрекая реальных девушек на ещё большие страдания. Однако, это продолжалось недолго. Кто-то из озлобленных на него девиц пустил слух, что Дон Жуан – то не традиционной ориентации. На этом страсти по Варфоломею быстро кончились. Но правду говорят, нет

худа без добра! Одной из немногих, не остывших по нему воздыхательниц, повезло.

Пропустив мимо ушей злобный слух, поздним дождливым вечером она дождалась его у тира. Сильно дрожа, то ли от страха, то ли от холода, она сказала, что хочет быть только с ним и больше ни с кем! И готова стать для него кем угодно, хоть сыном Вильгельма Телля, чем и заслужила его внимание и уважение, а впоследствии и любовь. К тому же звали её Варвара, Варя значит! В общем, мезальянс получился крепким! Чтобы не умереть молодой семье с голоду, он записался на военную службу. Да так и остался снайпером в Армии после двух лет ещё на три, потом на пять. Я встретил его в горах, когда он «дохаживал» капитана.

Теперь Слуга. То есть Слугин, такова была его фамилия. Училище связи он окончил с отличием, на последнем курсе удачно женился на кареглазой Риточке, дочке заместителя командующего военным округом. Отлично распределился на узел связи «Рубин!» Самая что ни на есть Москва! Центрее – не бывает. Звёзды на погоны без тормозов, квартира, машина, папина дача, крепкая любящая семья. Ни дать, ни взять, идиллия. Прямо таки Мастер и Маргарита!

Но тут снова оказались правы французы! Шерше ля фамм! – говорят они и попадают в десятку! Один из подчинённых офицеров оказывает недвусмысленные знаки внимания его супруге. Дело доходит до тайной дуэли, и когда наступает день «М», этот молодой повеса, струсив, устраивает Слугину скандал на службе, принародно угрожая покончить с собой. Шум замяли, но на следующий день офицера, воспылавшего любовью к чужой жене, нашли в своей комнате с простреленным сердцем. Прямых, конечно, доказательств не нашли, но реноме было безнадёжно подпорчено, даже папа Риты был не всесилен. Да и она сама декабристкой не оказалась. И вот, покинув Риту, он принял роту в полку, который направляли в Чечню... Сначала у него был жуткий депрессняк, а потом он понял, что всё произошедшее с ним, есть горе от ума и только! Будучи обладателем, как он говаривал, рабской фамилии, Слугин частенько по поводу цитировал бессмертного Грибоедова: – «А судьи кто», или «Дистанция огромного размера», или «Мы с нею вместе не служили». Но чаще приходило на ум «Служить бы рад, прислуживаться тошно!» Но чего не отнять, наш герой в связистском деле был великий шаман! У него работали даже рации, одну из которых бессовестно утопили в

РДВ-5, пятитонном резервуаре для воды, или в корпусе другой застряла не разорвавшаяся граната от подствольника! Только Чен, наш пёс медпункта, отчего-то не любил связиста…

Вот таких офицеров собрала Судьба в одно время в одном месте, а именно на пастбище в горах над селом Ведено. Был жаркий июльский день. Четвёртый месяц перемирия на бумаге. В палатке в тени плюс 45 градусов Цельсия. У сапёров на краю обрыва была закопана РДВ-5, вчера её наполнили родниковой водой и, хотя прогреться вода ещё не успела, место встречи изменить было уже нельзя. Заботливые сапёры обустроили резервуар мостками из снарядных ящиков от «Града», поставили беседку и накрыли её маск-сетью. Все члены семьи военнослужащего пару дней тому вернулись с задания и тихо «отдыхали на всю катушку». Где в горах они нашли два ящика баночного пива и пяток жестяных банок голландской водки, одному Богу известно. В жлобстве из них никто замечен не был, и они сегодня наливали. Выходившим из холодной купели устраивали праздник, подносили 50 грамм.

Рюмки делали из защитных колпачков боеголовок 80-мм мин. Просто кувалдой плющили донышко и всё. Объём такой рюмки был небольшой, а ещё при касании стаканчики издавали редкой чистоты тонкий звук, за что получили название «Чеченский хрусталь».

Чинуша со Слугой учили Варю игре в преферанс. Седой только что вылез из РДВ, выпил залпом свои пятьдесят, и на виду у всей горы закутался вместо полотенца в белоснежную простыню. Варфоломей со знанием дела заметил, что Седой теперь с головы до ног является идеальной мишенью для его оппонентов с другой стороны пастбища. Иванов не стал спорить и сел в беседку, накрытую маскировкой. У меня ещё остались сигареты «LM», полк давно уже перешёл на «Приму». Он глубоко затянулся, смакуя, и вдруг задумчиво произнёс:

– Ну, всё, хватит! Приеду домой – распишемся!

– То есть? – Не понял я.

– Да, надо с Ленкой оформить отношения, а то сынишке уже шестой годик, а в графе Отец – прочерк. Но живём мы вместе, – пояснил он.

– Что? Переоценка ценностей? – Поинтересовался я.

Да, ты понимаешь, – начал он, – жизнь совсем обесценилась. Муху прибить сложнее! Вот ходили мы в разведку крайний раз. Старались

ни с кем не встречаться, свидетели не нужны, а того, кто нас увидит – по приказу… ну ты понял?

– И что? – Я превратился в слух, ибо моё предназначение врача заключалось в том, чтобы человеки жили, как можно дольше.

Он продолжал:

– Дорогу уже перешли, видим, едет Москвич-фургон, сапожок, тудой-сюдой! Чинуша водителя снял, машина уткнулась в камень. Думали всё, тут задняя дверь открывается, выскакивает ханум, очередью по нам, а сама бежать… В этот раз Варя сработал. Не люблю я этого!..

А в кузове третий сидел, не дышал. Ну, выгребли мы его оттуда, оказывается они с девушкой молодожёны, и водитель его отец, тудой-сюдой, вёз их в дальний аул, чтобы боевики с собой не забрали. У боевиков не получилось, а у нас… А по-другому нельзя! А на душе хреново!

Он многозначительно замолчал и затушил сигарету. Было заметно, что отношение к произошедшему и невысказанные переживания не добавляли спокойствия в его и без того не простую жизнь. Пауза становилась похожа на попытку хоть как-то оправдаться пред самим собой.

– Давно ты здесь? – спросил я, стараясь перевести неприятный разговор на другое.

– Скоро шесть месяцев, – ответил он и задумался. – По ходу, завтра минные поля проверю, а потом сменщику передам и домой! Тудой – сюдой!

Тут под разговор в лесу сработали сигналки, и через пару секунд раздался мощный грохот МОНки, мины направленного действия. В горах канонада быстро запоминается.

– Ну вот, опять косуля попала! Завтра на себе лишнюю МОНку тащить! – Раздосадовано произнёс Седой. – Но штука классная! Зона сплошного поражения сто десять метров, моща! – В нём заговорил специалист.

– И как ты различаешь этот грохот? Что по мне, так всё одно; МОНка ли, граната ли, фугас! – Подыграл я.

– Ты здесь недолго, тудой-сюдой, через пару недель всё будешь слышать не хуже меня, – опрокинул он ещё дозу и закусил бутербродом из хлеба ДХ (длительного хранения) и солёной черемши.

– Слышал, вчера в полдень громыхнуло? Это мои взрывали в ущелье ствол от САУ-шки*. Чтобы чеченцы не унесли. Взрывчатки не пожалели, двойную дозу заложили. Так, не поверишь, один осколок, пуда на два оттуда к нам в роту прилетел!!! И возле меня в метре сверху шмякнулся, прикинь! Если бы ещё чуть-чуть, мы бы сегодня с тобой не говорили! – И откровенно так, по-доброму рассмеялся, словно шутку рассказал…

– Ты хочешь сказать – они возле полка ходят? – Поразился я с опаской.

– Нет, летают, – ответил спокойно он. – Они ж тут дома! Это мы гости, а гостей они не трогают, в доме.

Я об этом хорошо знал…

– Да ну, тебя, Варя! – Чинуша отбросил карты на стол, – пиджаку не научиться преферансу никогда! Кому везёт в любви – не везёт в картах!

И он, зажав нос, голышом плюхнулся в бассейн, устроив великое цунами.

– Это точно, «робкий пингвин», – бодро произнёс Варфоломей, блеснув интеллектом, обращаясь к Чинуше. Он всего лишь раз рассказал друзьям свою «лав стори» и был рад, что они запомнили её. Его Вареньку …, а как не запомнить, ведь это был его позывной! Варфоломею было не до сантиментов, все его мысли занимали две девушки, и любил их он одинаково. Одна осталась там, дома и ждала его, сходя с ума от сводок ТВ из Чечни, а вторая стояла в палатке в ружейном ящике, та самая СВДевушка, что не раз спасала их в рейдах по горам.

Он отрастил бороду и стал похож на былинного богатыря. Не хватало щита и меча! Русый, в горном камуфляже и кроссовках, он и на войне был заметен своей мощью и мужской красотой.

Чинуша плескался в холодной родниковой воде так долго, что у всех наблюдавших за ним, стали появляться мурашки. Теперь всем стало понятно, почему Варя его обозвал «робким пингвином».

Но тут из штаба за Чинушей пришёл посыльный. Не успев обсохнуть, он отставил в сторону чеченский хрусталь, прыгнул в свою БМП и вместе с посыльным помчался в штаб.

** САУ - самоходная артиллерийская установка (Примечание автора).*

– Чё-нь-ть, придумали! – многозначительно произнёс Слугин. Интуиция его не подводила! Однако, помимо интуиции, он от своих подчиненных знал, что получена телефонограмма о прибытии к нам очередной комиссии по проверке перемирия.

На следующий день все подразделения посетили инспекторы. Наш медпункт, сапёрная и разведрота достались маленькому, кругленькому военному в возрасте, без знаков различия. Он первым протянул руку и представился: – «Полковник Валерка!» Кто-то спросил: – «Товарищ полковник, может, по отчеству?» На что он ответил:– Я сказал, полковник Валерка, и всё! Ты в Афгане был? – Обратился он ко мне.

– Никак нет! Рапорт писал – отказали! – Ответил я по-военному.

– Был – гордись! Не был – радуйся! – Заключил он и рассмеялся.

На этом проверка для нас закончилась. Вечером того же дня комиссия изъявила желание пойти в разведку и проверить минные поля. Командир полка вызвал Чинушу, Седого, Варю, Слугу и возглавил поход.

Так они и ушли, Седой, за ним пара его сапёров с МОНками, его сменщик, командир, трое из комиссии. Слуга и Варфоломей со своими двумя помощниками замыкали цепь. Чинуша подвёз их до места и остался ждать возвращения.

Это была единственная комиссия, которой не повезло. Они ушли на кряж, что возвышался над пастбищем. Под вечер солнце садилось за него, и стемнело рано. Что ж поделать – горы. Шли след в след, закон разведки. Уже расставили принесённые мины, всё проверили, возвращались почти затемно… Тут один из комиссии на ходу окликнул Седого, тот обернулся, его поправил солдатик, шедший следом: – «Товарищ старший лейтенант!» Но было поздно. Обернувшись, Седой пяткой задел растяжку, и под свистящий звук сигналки, необычайно громко сработала МОНка, та самая, которую он так хвалил сутки назад.

Ох, какой поднялся переполох! В медпункт привезли пятерых раненых. Самый лёгкий был Варя. Он один не полетел в Ханкалу, остался в полку. Четверых отправили в госпиталь, их спасли от неминуемой смерти вековые буковые стволы. А троих двухсотых, Седого и двух его мальчишек оставили до утра в импровизированном морге-блиндаже. Когда я пришёл к сапёрам, техник роты Витя Тарабата плакал. Он показал мне автомат Седого. Осколок вошёл в

левую лопатку, прошил сердце, пробил ствольную коробку висевшего на груди АК-47 и застрял в возвратной пружине. Второй осколок, тоже пройдя через тело, наполовину распилил поперёк ствол автомата, словно болгаркой. В общем, у Седого шансов не было. Мы разобрали автомат, и в руке у меня оказался тот самый осколок, что пробил Колино сердце. Маленький, алюминиевый, холодный. Всё было словно во сне…

До сих пор не верилось во всё произошедшее. Витя держал в руках двухлитровый кувшин браги, которой поминал командира и плакал.

- Что же достанется Ленке-то с мальчишкой? Какая страховка, они ж не расписаны!

Сорокалетний прапорщик сидел и конкретно плакал навзрыд.

– Ну, может, женсовет пойдёт в Политотдел, они ж там всё видели, может, докажут, что они вместе жили. Ну, как же так! – Он налил мне в кружку браги и сказал: – «Давай помянем…» А я, вспоминая вчерашнюю нашу с Седым беседу у бассейна, не мог поднять кружку. Ком застрял в горле, и мысли все разом быстро покинули бритую голову. Всплыли вдруг слова Коли:– «Да, ты понимаешь, жизнь совсем обесценилась…»

Тарабата взял у меня из рук осколок и бросил его с обрыва: – «Будь проклята эта война», – сказал он и вновь заплакал.

А я, вернувшись в медпункт, ещё долго отогревал ладони в палатке возле буржуйки, от холода того маленького алюминиевого осколка, что своим явлением прервал и изменил так много жизней и судеб…в одной отдельно взятой семье военнослужащего…

Сокровенное

Всё ж больше поэтическая проза

Это было на заре туманной юности, в 1978 году, когда я был безрассудно и безоговорочно влюблён в милейшую девочку Наташу из нашей группы медицинского факультета. К тому времени мы были знакомы уже два года (если бы это что-нибудь значило!), и моя матушка достала нам две туристические путёвки, кои назывались автопутешествие по Крыму. Эти путёвки предполагали размещение в различных крымских турбазах и передвижение от каждой к

последующей на автобусах с экскурсоводом и всевозможными комментариями о заоконных пейзажах. Очередной остановкой нашего турне на несколько дней стала благословенная Ялта.

Турбаза стояла в центре города, в паре кварталов от набережной и называлась коротко и не двузначно – «Ялта». Сейчас это здание носит гордое название отель «Паласъ», однако находится по тому же адресу; улица Чехова – 8, на перекрестке с Черноморским проездом…

Здание было построено по типу каре, с подворотней для проезда карет, с внутренним двориком, куда можно было спускаться по чугунным лестницам со всех трёх этажей. И с очень пологой главной лестницей из мрамора внутри дома, по которой можно было даже въехать на велосипеде, и подняться совершенно без труда на любой этаж…

Этажные помещения были разделены перегородками для постояльцев-туристов на десять-двенадцать кроватей: мальчики – отдельно, девочки – отдельно. Сами же кровати стояли прямо на дореволюционном паркете, с которым за столько лет безжалостной эксплуатации рабочим классом, так ничего и не случилось!

Верхом же экзотики всей турбазы являлось зеркало! Оно занимало всю стену и представляло собой цельный зеркальный лист невиданных размеров: шесть метров длины и три – высоты. Согласитесь, любезный читатель, что и сегодня, на втором десятке 21-го века, нелегко найти такого размера зеркало.

Так вот, однажды, когда чудный летний вечер тихо опустился на город, наполняя набережную ароматами хвои и лавра, мяты и моря, запахом многочисленных цветов, звуками цикад и негромким шумом прибоя, вперемешку со звуками танцплощадок и ресторанов, мы с подругой пробрались в концертный зал турбазы, где стоял тигровой раскраски коричневого цвета старинный рояль.

Наташа расположилась в зале на последнем ряду, а я прошёл на тёмную сцену, где стоял этот на редкость настроенный инструмент. С благоговением, приоткрыв крышку, я нажал на клавиши…

О, что это был за звук! Нирвана, не меньше! Сначала один клавиш – чистый, без обертонов, всюду проникающий звук, повергающий в транс!!! Умели же делать черти! Затем робкий аккорд – трезвучие, мажор-минор, всё равно!..

А потом меня словно прорвало... Я играл всё, что мог, знал и помнил!

Импровиз от «Нежности» Пахмутовой, до Иисуса Христа – Эндрю Ллойда Вебера. От арий Иуды и Марии Магдалены… до «Московских окон» Тихона Хренникова.

Представьте, читатель – Вы играете для любимой девушки, которой собираетесь сказать, что Вы любите её больше жизни, и волею провидения, судьба именно сегодня даёт Вам шанс и возможность сказать об этом посредством подвластного Вам инструмента.

На звуки рояля, в полутёмный зал стал собираться народ и тихонько рассаживаться, заполняя с задних рядов места. Я играл, не переставая, забыв обо всём.

И тут я вспомнил «Токатту» оркестра Поля Мориа! Начиная с весны этого 1978 года, я заучил её наизусть, повторяя нота-в-ноту за магнитофонной записью …

Музыка заполняла зал, обволакивала за рядом ряд сидевших в непередаваемом напряжении и экстазе, забредших на звук слушателей, и всё больше и больше вдохновляя меня на такое необычное признание в любви…

Это был мой звёздный час!!! Такое бывает лишь раз в жизни…

Тема. Экспозиция. Разработка. Реприза и кода…

Удивлению моему не было предела, когда с последним аккордом раздались неподдельные искренние аплодисменты многочисленных благодарных слушателей. Можно сказать, что я стоял на лестнице в небо, когда услышал шквал рукоплесканий в свой адрес.

С тех пор прошло много лет! Но ощущение оваций, благодарности, фурора, неистребимо сохранила впечатлительная память моя.…

С моею женою Натальей мы вместе уже тридцать семь лет. Выросли дети, подарили нам внуков.

Но до сих пор не могу вам сказать, была ли эта милейшая девочка причастна к тем искренним, неподдельным аплодисментам, звучавшим молодому влюблённому юноше в том зале полузабытой турбазы, в один из летних незабвенных ялтинских вечеров…

Или это мне показалось…

Ужин в метель

Сегодня ужин был вкусным, как никогда! Уж не знаю, с чем это связать… Вроде бы всё как всегда. Приход с работы, – Привет, – привет, – как ты? – Да нормально, только устала очень… – Вьюжит весьма, наверное, погода действует.

Почему-то хочется молчать. То ли тоже устал, то ли подпал под власть неких ассоциаций. За окном – светопреставление, а именно – вечер вьюжный, многоснежный. С утра дважды сметал с крыши авто шапки снега, сантиметров по десять – двенадцать! Похоже, природа располагает к представлениям. Вернувшись в тёплый дом со снегопада, и придя на кухню, где тебя ждут к ужину, где тепло и уютно, хотя нет ни русской печи, ни голландки, вдруг нахлынуло…

Холодный поздний ноябрь, небогатое поместье, тёплый дом, ужин в гостиной. Гусиный суп без мяса с бородинским хлебом и чесноком, вкусный шницель из птицы с гарниром из гречи с перьями зелёного лука вприкуску. Сладкий чай с лимоном…

Согласитесь, господа, к чему здесь многословие! Что-то бубнит телевизор, но его как бы нет. Нет уже и авто, то есть, их ещё нет, не изобрели. Вот уже и в люстре вместо ламп горят свечи. И квартира наша не в бетонной многоэтажке, а в заволжском селе, где метёт с полей и заметает старый фруктовый сад и небольшой барский дом. Уютный тихий и тёплый. Идиллического колорита добавляет фраза: – «…с жалобным стоном и воем в окно ветер осенний стучится…».

Но помимо плача, у ветра есть ещё много снега, которым он засыплет к утру и сад, и двор, и дорогу… Хорошо бы к завтрему морозный солнечный рассвет! Было бы полное совпадение с представлениями о жизни зимой в деревне. Завтра из-за берёз встанет огромное багряное светило, и мальчик – сын конюха Тихона и прачки Феклы прибежит по первоснежью в наш дом с известием о том, что сани запряжены, пора бы уж и ехать! И что на лесной заимке затоплена банька, а на озере устроена прорубь…

А пока мы с вами все под властью строк великого русского поэта «Вьюга мглою небо кроет…» Так давай помолчим с тобой, послушаем ветер, метель…чуть не сказал треск лучины и жужжанье веретена!

Видимо, так иногда надо возвращаться к истокам, картинам, книгам, прочитанным в далёком детстве…

Жаль, что ретроспекции эти очень редки и непрочны…

Тимаков Александр Александрович родился 2 августа 1959 года в г. Саранске. Мать – Галина Евгеньевна, инженер. Отец Александр Павлович – инженер-конструктор.

В 1976 году поступил на медицинский факультет Мордовского Госуниверситета им Н.П. Огарева. В 1980 году перевёлся на военно-медицинский факультет Куйбышевского медицинского института, который окончил в 1982 году.

С 1982 по 2009 год служил на различных военно-медицинских должностях в Вооружённых Силах Российской Федерации. Является ликвидатором последствий аварии на Чернобыльской АЭС и участником боевых действий.

В 2001 году был принят в Российский Союз профессиональных литераторов.

Автор пяти поэтических книг: «Чеченский альбом» (Ульяновск, 1987), «Открытие эпохи» (Ульяновск, 2001), «Апельсин в ладонях» (Ульяновск, 2003, 2009), «Чувства и честь» (Ульяновск, 2006), «Загадываю встречи» (Саранск, 2014) и песенного компакт-диска «Дорогу осилит идущий…», 2007г.

Член Союза писателей России.

ВЯЧЕСЛАВ ТАШЛИНСКИЙ

Стихи, идущие от сердца

Новые стихи

* * *

Я сын Петра и Ольги,
Потомков старины.
Я родился на Волге
В четвёртый год войны.

Как дань цветной природе,
Колючий снег частил.
Я о своём приходе
Всех криком известил.

В бараке – холод лютый,
Промёрзли потолки.
Со стужею под руку
Гуляли сквозняки.

Ещё бои гремели,
А мама пела мне,
Склонясь над колыбелью,
О солнце, о весне.

* * *

Сарай – моя обитель.
Что лучшего желать.
Здесь никаких событий,
И не с кем воевать.

Здесь по ночам сквозь щели
Я вижу остров звёзд.
Они лучами целят
В тетрадь, что я принёс.

Они, такие крохи,
Стараются узнать,
Мол, что он там за строки
Занёс в свою тетрадь.

* * *

Я строю храм надежды,
Кирпичики кладу.
Пусть ясный свет забрезжит
В каком-нибудь году.

Я строю храм надежды.
Вокруг так много тьмы.
Народ усталый, бедный,
Народ наш – это мы.

Построю храм надежды
И все в него войдут.
И свет небесный нежный
Желанным назовут.

Живи, моя надежда
И дни, и годы все.
Я храм небесполезный
Построю на земле.

* * *

Забросил сад сосед-пенсионер.
Нет сил уже ухаживать за садом.
Заброшенный участок захирел,
Досужие уволокли ограду.
Теперь в саду сплошной чертополох,
Деревья как-то сразу помрачнели.
Они, давно почувствовав подвох,
В себя прийти за лето не успели.
И потому цвели лишь кое-как,
Сиротские и яблони, и вишни.
А раньше утопало всё в цветах,
Как майский полдень, радостных и пышных.
На лавке во дворе старик-сосед
Сидит подолгу и о чём-то тужит.
Быть может, вспоминает яблонь цвет
В саду, который стал ему не нужен.

* * *

Внучка бьётся над теоремой, –
Углы, гипотенузы, катеты.
Геометрия стала проблемой
Для внучки моей старательной.

Наука эта с древних пор
Требует много знаний.
Недаром же мудрый Пифагор
Поведал миру все её тайны.

Завтра внучка выйдет к доске
И будет доказывать теорему.
С белым мелком в руке
Начнёт решать проблему.

Квадрат гипотенузы равен
Сумме квадратов катетов.
Учитель строгий поставит
Пятёрку ей за старательность.

Ты только, внучка, не обольщайся:
В жизни углов и задач немерено.
Выдуманное кем-то счастье
Окажется шалашом, а не теремом.

Придётся жить в шалаше,
Не зная утех и праздности.
Жизнь сложна вообще
И, конечно, в частности.

* * *

С горы на санках – в детство,
Упасть в пушистый снег.
Отчаянное бегство –
Услышать детский смех.

Зову мальчишек звонко
Сквозь толщу лет и зим,
Где я на снежной горке
Остался молодым.

Истаяли давно цветные грёзы

Досуг уныл – вечерний телевизор,
Салат вчерашний к ужину с вином.
Заявится сосед угрюмый снизу,
И будут разговоры ни о чём.

Назавтра снова в цех холодный, гулкий
Придёшь и встанешь за своим станком.
И, долго обрабатывая втулки,
Подумаешь, что жизнь-то кувырком.

Конечно, друже, норму ты осилишь,
Сверх плана даже выдашь свой процент.
Но в голове, где множество извилин,
Родится твой безрадостный протест.

Когда-то, друг, мечтал ты о высоком,
Но вышло по-иному между тем.
Судьба сначала повернулась боком,
А после отвернулась насовсем.

И вот теперь, прижатый жизнью к стенке,
Ты споришь с мастером до хрипоты,
Чтоб на деталь не снизил он расценки,
Чтоб вместо втулки дал точить штифты.

Истаяли давно цветные грёзы,
И канул в лету юношеский пыл.
И жизнь твоя, конечно же, не розы,
А беспощадно острые шипы.

* * *

Глебу Горбовскому

Он мог бы ружьё расчехлить,
Пальнуть в одинокую птицу.
А он всё стоял недвижим,
Не в силах пошевелиться.

Какой уж там к чёрту прицел.
Ружьё ему только мешало.
На птицу охотник смотрел,
Шептал: «Красота-то какая…»

* * *

Беру винтовку в тесном тире,
Стреляю в зайца-бегуна.
Его раз сто уже убили,
Но это было до меня.

Тот заяц мал и беззащитен,
Для всех он верная мишень.
Он вам не скажет: пощадите,
Привык к расстрелам каждый день.

Вот и сейчас мой выстрел верен.
И заяц станет жертвой вновь.
Большие у зверей потери,
Когда их без пощады бьёшь.

Чем чаще я стреляю в тире
В зверька, который глух и нем,
Тем больше думаю о мире,
Где нету выстрелов совсем.

* * *

Вот этот дом. Тяжёлые засовы.
Хозяин неулыбчив и угрюм.
И на виду две крепкие подковы
Хмельную сытость в доме стерегут.

От толстых стен так далеко до взлёта
Романтики, что не приемлет стен.
Тупые брёвна с именем – ворота
Не терпят вольнодумия совсем.

И если песня звонко и задорно
С небесных грянет солнечных высот,
То и она, наверное, невольно
У толстых стен, весёлая, замрёт.

* * *

Игральных карт придуманные лица,
Власть королей и признанных тузов.
Шестёрки, вот кто может поучиться
У них, пусть даже и без всяких лишних слов.

Молоденький валет пасует перед дамой.
Он преклонил колено перед ней.
Роман их вскоре обернётся драмой,
Поскольку нет в их картах козырей.

Тузы молчат. Они неторопливы.
И бьют они наверняка всегда.
Уж короли, на что они строптивы,
Но на рожон не лезут никогда.

И ты не лезь, хоть ты игрок азартный.
Не делай ход неверный впопыхах.
Ведь может статься, что с хорошей картой
Останешься не раз ты в дураках.

И в жизни так же, как в игре картёжной
Не так-то просто покорить успех.
С тузами состязаться невозможно,
Они всегда берут над нами верх.

* * *

Закусывая пиво тощей воблой,
Он шепелявил о своём житье:
«На волю вышел по статье особой,
Ну, а народ и там, и тут зверьё.

Зачем свобода, если нет приюта,
И если я не нужен никому?
Куда идти раздетым и разутым?
Одна дорога мне – опять в тюрьму…».

В окно пивнушки солнышко лучится,
А он гнусит дружкам про новый срок.
И, кажется, что страшное случится,
Едва он только выйдет за порог.

«Мама мыла раму»
(Из букваря)

Оконные рамы, оконные рамы,
Скрывают надёжно житейские драмы.
Я вижу опять загрустившую маму.
Задумалась, взгляд за оконную раму.

Никто не заметит, никто не увидит
Печали её, а, быть может, обиды.
Печали, печали, вы в каждой судьбе.
Святое храним неусыпно в себе.

И в душах у нас есть оконные рамы.
Останутся в сердце суровые драмы.
Оконные рамы, оконные рамы.
Я вижу опять загрустившую маму.

Оконные рамы и ночью, и днём.
Святое в себе мы всегда бережём.

* * *

Приснились бараки и поле
В осенней унылой поре.
И детство узнал я до боли,
Прошедшее в стылом дворе.

Берёзка стоит сиротливо,
Роняя листочки в траву.
Сестрёнку по имени Нина
Из далей зову и зову.

А ветер мой голос уносит,
Его не вернуть, не позвать.
Судьбы моей грустная осень,
С тобою мне дни коротать.

И эти бараки и поле
Уже никогда не забыть.
А ветер всё воет и воет,
Тоску свою хочет излить.

* * *

Костюм шута примеривал и думал,
Что завоюет шуткой белый свет.
Над ним втайне смеялся юмор,
Который вовсе не считал побед.

Вот вышел шут, оглядывая сцену.
Звучит давно избитый монолог.
В устах шута скучала очень тема.
Увы, он донести её не смог.

Аплодисментов не было в помине,
Зато костюм был выше всех похвал.
Шут так и не сделал себе имя.
Ушёл со сцены, забулдыгой стал.

А ведь когда-то он серьёзно думал,
Что завоюет шуткой целый свет.
Теперь над ним вовсю хохочет юмор,
Который знает в чём секрет побед.

Поль Верлен

Какой он скандалист,
Какой бродяга.
Он был поэт, и в этом его
Суть.
Слезами наполняется бумага,
Но мудрым строчкам в них
Не утонуть.
Не признавали в голосе
Негромком
Любовь, тоску и вечную печаль,
Летели обвинения вдогонку.
Он уходил, не отвечал, мечтал.
Он, молча, шёл, угрюмый
И усталый,
И путь ночной казался
В никуда.
А в небе строгом ярко
Зажигалась
Его, уже великая,
Звезда.

* * *

Этот жизненный шквал
И печальные трубы...
Всех друзей потерял.
Стал я сам себе другом.

Сам с собой говорю,
Выхожу на прогулку.
Сигарет не курю,
Ем вчерашнюю булку.

Вспоминаю друзей:
Толю, Диму и Сашу.
И душе веселей,
Все мы в юности нашей.

Золотая пора.
Остаётся лишь память.
Были словно вчера –
Толич, Димыч и Саня.

Грусть по ним глубока,
По друзьям и по детству.
И тревоги строка
Обжигает мне сердце.

Этот жизненный шквал
И печальные трубы.
Всех друзей потерял.
Стал я сам себе другом.

* * *

Включишь свет – увидишь мои слёзы.
Слёзы легче прятать в темноте.
Жизнь сложнее самой сложной прозы,
Долгая дорога к доброте.

И стихи о доброте слагая,
Средь сомнений всяких и кручин,
Истину простую постигаешь
Горькою отметиной седин.

* * *

Пленные немцы построили дом,
Стал он для нас спасением.
Обогревал он своим теплом,
Ставшее утешением.

В холод январский,
Назло всем ветрам,
Говор баварский
Слышался нам.

Мы не вникали в готический стиль.
Главное – крыша надёжная.
Видели, как конвоир оттащил
Немца, упавшего в обморок.

Пленные шли боязливым гуськом,
Шли, натыкаясь на доски.
Матери наши давали тайком
Немцам голодным картошки.

Сколько уж лет незабвенных прошло
Под черепичною кровлею.
В доме изношенном то же тепло,
Как и в годину суровую.

* * *

Анатолию Казанцеву

Когда тебя освободят – не знаю,
Когда вернёшься – осенью, весной.
На воле дни, как пули пролетают,
А в зоне каждый день глядит тоской.

Тайга сурова и суровы зэки.
Опилками богат лесоповал.
От пота задымились телогрейки,
Деревьев на снегу девятый вал.

Трескучие объятья января.
В бараке стынет горькая вода.
Ты смотришь в блёклый лист календаря.
Когда ж всё это кончится, когда?

Поэту

От осени ты слякотной хандришь,
Бессонница тебя одолевает.
Тебе б махнуть развеяться в Париж,
Да денег на еду едва хватает.

Ты написал, что сборник свой издал,
И что стихи тебе всего дороже.
Но лишь во сне ты видел гонорар
И заработать на стихах не можешь.

Безденежье – поэтов вечный враг,
И я надеюсь, в этом ты уверен.
И будь в твоих строках волшебник, маг,
Тебе, мой друг, не стать миллионером.

А впрочем, деньги – вовсе не стихи.
В стихах есть чувства, боль и состраданье.
А деньги, как вселенские грехи, –
В них страхи, злоба, подлость и отчаянье.

Как хорошо, что ты от них далёк,
От этих замусоленных бумажек.
Желаю тебе самых добрых строк,
Которые ценю я без поблажек.

Я думаю, напрасно ты хандришь,
Погода не всегда плохою будет.
И, может, ты стихами покоришь
Симбирск, Москву и вычурный Париж,
Всё может быть, чем чёрт не шутит.

* * *

Ну вот, дожили до седин.
Сидим с приятелем, молчим.
Мы будем мало говорить.
Зачем словами нам сорить.

Мы знаем жизнь и цену ей.
Мы стали тише и скромней.
Идёт беседа двух мужчин,
Давно доживших до седин.

* * *

Отцу

Крым, конечно, тебя не запомнил,
А ты вспоминал его часто.
В сорок четвёртом враг был сломлен,
А у тебя пробитая каска.

Метой стала особой Керчь,
Пыль, жара, яростные бомбёжки.
И за каждым выступом каменным – смерть,
А во рту ни воды, ни еды, ни крошки.

Когда стихал гул атак,
Наступало время для передышки,
Ты нервно курил табак,
Невысокий худой парнишка.

Завтра снова тяжёлый бой.
Надо крепким быть и надёжным.
Засыпало тебя землёй,
Рядом взрывы гремели грозно.

Дважды ранен – и снова в строй.
Ты оглох от бомбёжного визга.
Марш смертельный – из боя в бой,
До Берлина ещё не близко.

* * *

Анатолию Чеснокову

Снова дождливый октябрь,
Длинный осенний месяц.
Встретил во сне тебя,
Был ты улыбчив и весел.

Ты говорил: «Непогода пройдёт…»
Ветер пузырил твою ветровку.
Ты повторял, что тебе не везёт
И вспоминал Теньковку.

Вот уж годы, как нет тебя,
Добрый слагатель стихов и песен.
Снова и снова дожди октября.
Был, как весна ты, улыбчив и весел.

Ода начальнику

Давно уже в нашем альбоме семейном
На фото начальник с улыбкой елейной.
Наверно, лет тридцать прошло с той улыбки.
И где он теперь, тот начальничек прыткий?
Быть может, с дороги он праведной сбился,
Быть может, развёлся с женою и спился.
Он раньше раз в год улыбался, угрюмый,
Лишь в свой день рожденья, в кампании шумной.
Суровость свою проявлял он нередко,
Порой, обрывая работников дерзко.
Его, откровенно скажу, не любили,
И только льстецы перед ним лебезили.
В ответственном деле он мастером не был,
Но рюмке спиртного был искренне предан.
Назвать алкашом его было б неправдой.
Он пьяницей не был, а страсть его – бабы.
Привык волочиться за юбкою каждой.
Его партбюро отчитало уж дважды.
С начальника всё, словно с гуся вода.
По-прежнему дерзок, хамит, как всегда.

Кричит: «За провинность спущу я семь шкур…»
Подходит здесь слово одно – самодур.
Начальника образ довольно типичен:
Невежлив и груб. И к тому же двуличен.
Ах, где ты, начальник, с улыбкой елейной?
Быть может, ты редкостью станешь музейной.
А, может, бомжом будешь в грязном подвале,
Откуда давно даже крысы сбежали.
Но кем бы ты ни был и кем бы ни стал,
Я руку тебе ни за что не подам.

* * *

Осень катит по небу
Грузных туч черноту.
Катит словно телегу,
Чёрный след на версту.

Если набок телега,
Если выпадет гром,
То окатит нас небо
Неприятным дождём.

* * *

В открытой форточке мириады звёзд.
Ночь уверенно заняла свой пост.
В ночи всё реже голоса прохожих,
И все голоса похожи.
Похожи, как звёзды в ночном небе,
Как в квартирах горожан мебель.
Люди говорят об одном и том же:
Было дешевле – стало дороже.
Послушаешь реплики в магазине
О продуктовой пресловутой корзине,
И сразу становится ясно,
Что жизнь, увы, не прекрасна.
В общем, в экономике нашей ночь,
И звёзды вряд ли ей могут помочь.
Ночь неприглядного цвета.
И далеко до рассвета.

* * *

Светлой памяти мамы моей Ольги Васильевны

Получка моя первая.
Маме купил платок.
И к подарку наивных, наверное,
Сочинил несколько строк.
Пожелал ей здоровья крепкого,
Ведь важнее нет ничего.
Мама боли лечила таблетками.
Было ей тяжело…
Пролетели и вёсны, и осени,
Всё я слышу: «Спасибо, сынок!»
А в окно наше солнышко просится.
Мамы нет. Вижу мамин платок.

Жить

Евгению Жмырёву

Ты говоришь: «Нас мало остаётся…»
Ты говоришь тревожно, без прикрас.
Я вижу: двадцать первый век смеётся,
А мы с тобой печалимся подчас.

Суровый счёт нам предъявило время,
И объявило вызов и борьбу.
Мы в классах жизни шли от теоремы,
Чтоб доказать и оправдать судьбу.

Век новый, видишь, в человека целит,
Нет благородства, но посеян страх.
Идёт грызня за то, чтоб много денег
Украл надменно подлый олигарх.

Такая жизнь. Она, увы, без правил,
А также без руля и без ветрил.
Порой не тех мы в жизни этой славим,
Порой не тех мы в бедствиях виним.

Но надо жить и верить в идеалы,
Которые успели растоптать.
Ты говоришь, что мало нас осталось,
Но надо жить, во что бы то ни стало
И в жизни этой грозной устоять.

* * *

Ветки дерева, листьям тоскливо.
В непогоду им вместе дрожать.
Над широкою поймой залива
Дни и ночи ветвям коротать.

Лист один был отваги исполнен,
И сомненья, и страх поборол.
Не пугали тяжёлые волны,
Оторвался – свободу обрёл.

* * *

Я гражданин Советского Союза,
Хотя Союза уже больше нет.
И я не член большого профсоюза
Уже, наверно, целых десять лет.

Меня порой терзает ностальгия,
Мне никуда не деться от неё.
Зато в душе великая Россия,
От всех невзгод спасение моё.

Я вместе с ней на главной карте мира,
Её надёжный стержень и оплот.
И пусть моя недремлющая лира
Её, такую светлую, поёт.

Да, я не член большого профсоюза,
И в этом сожалений, в общем, нет.
Зато я член Советского Союза,
Дитя России, вот мой партбилет.

Ташлинский Вячеслав Петрович, поэт, журналист. Родился в 1944 году. Автор восьми сборников стихотворений. Победитель литературного конкурса «Король сатиры», посвящённого 180-летию Дмитрия Минаева (2015).

Награждён Благодарственным Письмом Губернатора Ульяновской области.

Член Союза русских писателей (Ульяновск).

Евгений
ЩЕРБАКОВ

Жених

Рассказ

Лето 1941 года выдалось жаркое. Вчерашние шестиклассники, перешедшие в седьмой класс, помогают взрослым в лугах. Ребята на лошадях, впряжённых в повозки, подвозят к омётам сено. Девочки переворачивают недавно скошенную траву, чтобы она лучше просохла. Кто-то из них подгребает сено, оставшееся после того, как из валков его убрали на повозки, и остатки подаёт на повозку. Сейчас ребята работают в разных бригадах. Их в колхозе целых четыре. Есть и пятая, огородная. В основном в этой бригаде работают пожилые женщины из всех основных бригад. Они засевают предназначенные участки огурцами, редисом, тыквой, морковью, турнепсом, высаживают рассаду капусты, помидоров. Потом все овощные культуры поливают водой, для чего выкапываются неглубокие колодцы. Неглубокие, потому что огородные участки близко от реки. Часто женщинам на поливе помогают внучата. Приходит время, и огородники собирают выращенный урожай. Часть урожая распределяется колхозникам на трудодни, часть продаётся на колхозном рынке в райцентре или в соседнем районе.

Есть и шестая бригада. Это работники животноводческих ферм – молочнотоварной фермы (МТФ), овцефермы и свинофермы. Работники МТФ ухаживают за крупным рогатым скотом, доят коров, отбраковывают нетелей на мясо; овцеферма даёт колхозу мясо и

шерсть, свиноферма – мясо и шкуры, которые сдаются государству. Особняком находится конный двор, на котором помещаются лошади всех бригад. Содержатся лошади в стойлах. Ухаживают за ними четверо конюхов. Конюхи 1-й и 2-ой бригад, а также 3-ей и 4-ой работали парами. В летнее время один из конюхов допоздна встречал лошадей с работы, другой выгонял лошадей в ночное. Они же ремонтировали при необходимости упряжь.

Все фермы за десять лет после образования колхоза расстроились. Вначале был только конный двор, куда приводили вновь вступившие в колхоз своих лошадей. Для коров помещения не было. Собрали коров на огороженной площадке. С наступлением холодов колхозники стали жалеть свою скотину и стали добиваться от правления передачи коров бывшим хозяевам. Построили новый коровник. Колхозники сдавали в утеплённый коровник тёлок или вносили деньги на покупку элитных коров. Создавали элитное стадо, для показа, что молочно-товарная ферма в колхозе дело прибыльное.

Односельчане, которые были против колхоза, боролись с ним, как могли. Однажды запалили конный двор, предварительно приперев двери, чтобы лошади не могли выбежать на волю. Лошадей спасли колхозники, которые жили поблизости. Поджигали скирды необмолоченного хлеба. Колхозники отбили хлеб от огня. Подожгли мост через реку Мокшу, по которому ездили на покосы и в лес по дрова. Полностью мост не сгорел, но разобранный на доски, чтобы спасти от пожара, за десять лет восстановить не смогли, а уцелевшие доски втихую растащили. Поджигателей выявляли, наказывали, но колхозу от этого проку не было.

В основных бригадах выращиваются хлебные культуры – рожь, пшеница, ячмень, горох и просо. За всеми бригадами закреплены луговые участки. На участки за Мокшей людей перевозят на лодках. Где бы ни была артельная работа, школьники везде помогали взрослым – и на сенокосе и на уборке хлебов.

В третьей бригаде работают ученики теперь уже седьмого класса: Анька Логунова, Нинка Малькова, Райка Гринькова и ребята, их одноклассники, Ванюшка Мишин, Ванёк Дьячков и Ванька Крюков. Как ни старались классный руководитель и другие учителя приучить ребят называть друг друга по имени Иван, как записано в классном журнале, или ласкательным именем, Ваня, не смогли. Деревенская привычка оказалась сильнее разъяснения педагогов. А зовут ребят так,

как называют их дома родители. Имя, к которому привыкли с детства, сопровождает человека до старости. Иного и в шестьдесят лет называют Митькой, и ничего, откликается. Потому что и дружок его зовётся просто Пронька. А другой и в шестнадцать лет становится Иваном Ивановичем.

Все ребята живут на одной улице, поэтому всегда вместе – и в школе, и после школы, когда выходят играть на улицу. Почему-то всех мальчишек тянуло к Аньке Логуновой. Девчонка бойкая, часто участвовала в мальчишеских играх, в которых другие девочки играть отказывались. Недавно ребята сдавали школьные экзамены, готовились к ним. После ужина собирались на поляне, устраивали игры, делились тем, что узнали за день. Когда приходили три друга, три Ивана, на пятачке становилось веселее. Ванька приходил с гармошкой. Играл, веселил подружек. Они и плясали с частушками и танцевали. Ребята стояли стайкой, ни плясать, ни танцевать не умели и научиться не хотели, стеснялись, считая, что пляски – дело девичье. Танцевали с девушками ребята, отслужившие в армии, там и танцевать научились.

В воскресный день 22 июня бригадир третьей бригады Степан Михеевич решил после обеда отпустить народ с лугов. В прошлое воскресенье вторая бригада также работала до обеда. Упускать погожие дни на сенокосе не хотелось, но и народу надо давать отдых для души, поэтому во всех бригадах по очереди в воскресенье работали до обеда. Полный день потерять не хотели. В сенокосную пору может пройти дождь, прольёт и только скошенную траву, и уже просохшее в валках сено. Бывают значительные потери сена.

После воскресного обеда парни и молодые мужчины собираются кучками, играют в карты, в орлянку. Девушки и женщины также собираются вместе, играют в карты. Так продолжается до проводов весны, от Пасхи до Троицы. Вот и 22 июня ничто не предвещало плохого. После обеда люди уже выходили отдыхать и веселиться. Уже игровой азарт заводил и картёжников, и играющих в орлянку. Но тут вдоль улицы проскакал на лошади посыльный с криком: «Война! Война с Германией!», «Война! На нас напала Германия!».

Люди стали расходиться по домам, и тут же мужчины соседних и ближних домов собрались опять вместе. Обсуждали: «Как же так получилось? Ведь только недавно подписан пакт о ненападении между СССР и Германией. О дружбе помышляли. Значит, Германия

нас обманывала. Кто же просмотрел коварство врага? Как теперь быть? Ясно, всем мужчинам придётся идти на защиту Родины. Только надо будет ждать повестку или, не дожидаясь её, идти в военкомат?».

От правления колхоза послали верхового парнишку на лошади в луга, чтобы предупредить работающих там колхозников о начале войны. Посыльный объехал все бригады, предупредил всех: «Война с Германией, Германия напала на нас. Объявили по радио, а в село прискакал посыльный из района». Косцы прекратили косьбу, женщины – ворошение валков. Кто метал омёты, воткнули в землю вилы. Все заспешили домой. Пожилые мужчины, что вершили омёты, резонно заметили:

– Мужики, и вы, бабы, беда на страну, на нас большая беда надвинулась. Только омёты надо завершить. Война одним днём не закончится. Думать надо, что будет впереди. Не завершим омёты, вдруг в ночь дождь будет, сгорит сено. Подавайте сено, давайте завершим омёты. Василий Иванович, предупреди всех, кто омёты метают, незавершённые оставлять нельзя. Подавайте, мужики, подавайте.

Василий Иванович, бригадир второй бригады, остановил метальщиков омётов, чтобы завершить их. Остальные люди потянулись в село. Кто пошёл к лодочной переправе, кто – в обход через временный переход.

Уже 22 июня 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР с 23 июня была объявлена мобилизация военнообязанных четырнадцати возрастов (1905 – 1918 года рождения).

24 июня село провожало первых восемь человек на защиту Родины. Провожали с песнями. Защитники Отчизны уходили с бодрым настроением: «Ух, мы им дадим!». Правда, в первые дни, недели и месяцы на фронте перевес был на стороне немцев. Немецкие войска наступали, советские отступали. Одни объясняли такое положение вероломством противника. Дескать, немцы готовились к войне, а нас война застала врасплох. Другие считали, что немецкая армия сильнее советской и вскоре нас разобьёт. Паникёров одёргивали и возлагали надежды на нашу Красную армию, на своих сыновей, мужей, отцов. Третьи говорили, что дело не в немецкой армии, а в том, что на её стороне воюет вся Европа, которая практически за предыдущие три года попала под власть Германии. Теперь все армии европейских государств и их промышленность на стороне Германии.

Вторая мобилизация в 1941 году была объявлена 10 августа – вскоре после падения Смоленска. Призывались военнообязанные 1890 – 1904 годов рождения и призывники 1922 – 1923 годов рождения. К этому времени были призваны уже многие военнообязанные, находящиеся в запасе. Теперь уже на фронт уходили из семьи и отец, и сыновья. Кроме того, из колхоза были взяты для нужд фронта большинство лошадей вместе со сбруей. Оставались отбракованные лошади, а также быки или волы, которых приучали ходить в ярме. Быки оказались очень непослушными, а управляться с ними приходилось ребятишкам и молодым женщинам. Часто быки доводили девушек и женщин до слёз. Мальчишки научились вести себя с непослушной скотиной по-взрослому, с применением мата и кнута.

К началу учебного года в селе получили две похоронки и три письма из госпиталей с известием о тяжёлых ранениях. Потом число похоронок и известий о тяжёлых ранениях стало увеличиваться. Погибших на фронте оплакивала семья, родственники, соседи. Раненых жалели и ждали выздоровления. У Нинки Мальковой и у всех трёх Иванов на фронт ушли отцы, у Аньки Логуновой и Райки Гриньковой – по два брата. В седьмой класс из друзей пошла только Райка Гринькова. Отец настоял, чтобы она училась, война будет не всё время, наши войска всё равно разобьют немцев. Из 26 семиклассников в школу пошли только 17. Кто бросил школу, ходили на колхозную работу по наряду бригадира. Школьники до октябрьских праздников тоже работали в колхозе. Убирали картофель, свёклу, тыкву, капусту. Картофель, свёклу, морковь, тыкву очищали от ботвы, клубни складывали в кучи. Когда подъезжала подвода, клубни собирали в повозку. Складировали их в бурты недалеко от МТФ и укрывали соломой и землёй, чтобы зимой не промёрзли.

Как ни уставала молодёжь на колхозной работе, вечерами всё равно собиралась на пятачке, а с Покрова (религиозный праздник, отмечаемый 14 октября. ***Автор.***) девушки снимали для посиделок чью-либо избу с оплатой. Ребята приходили к ним скоротать время, попеть песни, поплясать. Такие посиделки были на каждой улице. На некоторых улицах было по двое посиделок, собирались девушки постарше, чьи ровесники находятся в армии и молоденькие, чьи ровесники ещё до армейского призыва не доросли. Ребята ещё малолетки, были уже за взрослых, если они работали за взрослых.

Приходили на посиделки, участвовали в играх, шутили, а вскоре уходили домой. Семнадцатилетние были уже за женихов. Девушек с посиделок до дома провожали, прощаясь, целовали их. Правда жениться из них никто не собирался, понимали, если война затянется, то не миновать им идти на защиту Родины, на помощь отцам и старшим братьям. Куда тогда жену девать? А вдруг останется не только жена молодая, но, может случиться, что и ребёнок будет…

Обычно зима ложилась с Михайлова дня. Скотину в стаде уже не пасли с Покрова, но коровы и овцы находили себе корм на огородах. Где-то оставалась ботва, где-то морковь, свёкла. Зима 1942 года легла рано, после Октябрьских праздников. Колхозники свою скотину уже со двора не выпускали, колхозную подкармливали сеном с ближних лугов. Сено свезли к фермам заранее. Чтобы свезти сено с дальних лугов, из-за Мокши, ждали, когда Мокша станет, снег выпадет, тогда сено можно будет свозить на фермы по льду.

Первыми за сеном отправились семнадцатилетний Санёк Кудряш, Машка Ефимова и Ванёк Дьячков. Повозку Ванька пустили первой. Кудряш пересел в сани Машки, его лошадь шла в середине, впряжённая в пустые сани. Темп движения задавал Ванёк. Часто пускал свою лошадку рысью, за ней и другие лошади трусили. Надо будет сделать две ездки, поэтому надо спешить, но если гнать постоянно рысью, можно отощавших лошадей загнать.

Привезённое сено складывали в омёт между МТФ и овцефермой. Работники МТФ считали, что лучше сено сложить рядом с коровником, меньше будет потерь при перетаскивании сена в коровник. В овчарню сено можно будет возить на лёгких санях, салазках. Кто-то считал, что сено должно быть вблизи и от коровника, и от овчарни. Труд колхозников надо беречь, особенно в военное время. Споры разрешила председатель колхоза Маргарита Сидоровна Бычкова, недавний зоотехник колхоза, которую все называли просто Ритой. Председателем стала в связи с мобилизацией опытного председателя, с которым вместе проработали три года, после окончания ею Саратовского сельхозтехникума. Был мобилизован и агроном колхоза, муж Маргариты Сидоровны Сергей Антонович Бычков. Молодую семью – выпускников сельхозтехникума в порядке исключения направили в один район, а в районе в один колхоз. Молодые специалисты быстро вошли в курс колхозных дел и стали заметными в районе.

– Ну, что, мужчины и женщины? Не вы ли рассказывали, что при создании колхозов кулаки поджигали и фермы, и сено. Если мы сметаем омёт рядом с коровником или с овчарней, то либо затаившийся враг подожжёт сено, либо плохо затушенный окурок кто-то обронит, то пожар уничтожит и сено, и животноводческое помещение. Заводите омёт между коровником и овчарней. Завтра опять три подводы поедут за сеном. Будем сено перевозить к фермам, но не всё сразу, по шесть возов в день.

– Ну, это ты, Сидоровна, брось про затаившихся врагов вспоминать. Да, было дело, и конный двор поджигали, и необмолоченный скирд пшеницы поджигали. Виновные были наказаны, из села семьи выселены. Но колхозники-то всегда работали с полной отдачей сил и души своей. И сейчас в войну нет таких, чтобы войне радовались и от работы отлынивали.

– Ладно, ладно. Замнём для ясности.

Маргарита Сидоровна подумала, что, если всё сено свезти к фермам сейчас, то к нему не будет бережного отношения и ближе к весне может начаться бескормица. Именно поэтому надо завозить сена столько, чтобы и животным хватало и под ноги его животные не втаптывали. А что касается поджога сена, то его можно поджечь и в лугах. Там даже проще, посторонних глаз нет. Чиркнул спичкой и ушёл восвояси.

Вечером молодёжь, хоть за день и наработались, собрались на посиделках. Поиграли, как обычно, в игры, песни попели. Когда Анька вышла с посиделок, вслед за ней вышел и Ванёк.

– Ань, ты куда?

– Домой. Куда же ещё?

– Пойдём вместе, провожу тебя.

– Не надо провожать, одна дойду.

Ванёк шёл рядом и рассказывал, как они втроём ездили за сеном.

– Я ехал впереди. Санёк пересел к Машке. Вскоре стало слышно, как она смеялась. Странно, она ведь старше Санька на восемь лет.

– А тебе-то что? Завидно, что ли?

– Нет, конечно. Только когда разговаривают ровесники или близкие по возрасту, у них одинаковые интересы, и они смеются над рассказом. А если интересы разные, над чем же смеяться?

– Может быть, нашли общий интерес?

– Может быть. А ты что на работе делала?

– Мы с тётей Катей свёклу чистили и резали для коров.

– Трудная работа?

– Вроде, нет. По осени при уборке основную грязь очистили. Резать, конечно, тяжеловато, мозоли появляются. Резала в варежках, хоть без них удобнее.

Утром, перед тем как ехать за сеном, Ванёк завёз к МТФ ящик и две лопаты. Попросил у конюха.

– Ань, попробуйте не резать свёклу, а рубить лопатами, как капусту дома рубим для засолки, – сказал Ванёк подошедшей Ане.

– Спасибо, Ваня!

Дома Аня похвасталась маме, что сегодня они с тётей Катей свёклу для коров рубили лопатами в ящике, вроде корыта. Так быстрее получается и мозолей меньше. Ванёк Дьячков специально привёз и ящик и лопаты. Сам поехал за Мокшу за сеном.

– Ой, Нюрка, что-то ты часто этого Ванька вспоминаешь. Слыхала я, что провожает тебя до дома. Не рано ли вам женихаться?

– Анютка, мать правду говорит, – встрял в разговор отец Ани.

Подруги и ребята называют Аню либо Аней, либо Анькой. Мама называет Нюрой, как и свою сестру, в честь которой ей и имя дали. Отец чаще зовёт Анюткой, тоже, как называют в семье его сестру.

В декабре в газетах появились радостные сообщения: Красная армия остановила немцев под Москвой и даже отбросила их на расстояние до 40 километров. Жалеют сельчане, что нет в селе радио. Когда бывают в райцентре, с удовольствием слушают и сообщения с фронтов, и об успехах в промышленности и сельском хозяйстве, которые слышатся из репродуктора на Большой площади. Люди радуются успехам в стране, горюют о временных поражениях на фронте, но верят, что победит русский народ, советский народ. Народ помнит, что поляки и Наполеон были в Москве, но наши предки прогнали их и сами побывали в Парижах и Варшавах. И наши солдаты не хуже воюют. Всё равно Победа будет за нами. Так и Сталин говорил, благословляя солдат, уходящих на фронт прямо с парада в честь Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября.

Война шла своим чередом. Зимой и весной 1942 года были даже победные успехи на отдельных участках фронта. Но в мае советские войска под Харьковом попали в окружение и практически были уничтожены. Из-за катастрофы под Харьковом стало возможным

стремительное продвижение немцев на южном участке фронта на Воронеж и Ростов-на-Дону с последующим выходом к Волге и продвижением на Кавказ. Отступающие части Красной армии в июле – августе дошли до Сталинграда. Вскоре бои шли уже на улицах города. Красноармейцы заявляли:

– За Волгой для нас земли нет.

Защитниками Сталинграда стали не только красноармейцы, но и рабочие заводов, фабрик, все сталинградцы.

Генеральный штаб РККА скрытно перебросил часть войск из-под Москвы под Сталинград. Один из братьев Анны Логуновой Пётр в составе этих войск попал под Сталинград в район Калача в зону Донского фронта. Второй брат, Сергей, попал на этот же фронт по призыву из г. Электростали. А на самом деле Сергей был уже третьим братом на войне. Пётр и Алексей были призваны в начале войны. Один из отчего дома, другой из Электростали, куда уехал по вербовке на строительство города и крупнейшего завода в этом городе. Пётр и Сергей участвовали в разгроме и пленении армии Паулюса, а затем и в изгнании немцев из зоны Сталинградской битвы. Алексей вместе с другими солдатами наступал на Курск, Сергей – на Харьков. Пётр воевал на Западном фронте.

Братья писали домой письма, радовали мать и отца тем, что они живы. Радовалась и Аня, читая родителям их письма. Письма всегда заканчивались словами: «Остаюсь жив и здоров, того и вам желаю».

Аня всегда делилась радостными известиями с фронта, полученными от братьев, с подругами и друзьями-ребятами. Ребята делили горечь потерь родных своих товарищей. У Нины Мальковой отец погиб в мае 43-го. Получили извещение о гибели на фронте из военкомата, которое все называют «похоронкой». Извещение подписано райвоенкомом, капитаном Смирновым. Он, будучи командиром батальона, был ранен в руку, которую пришлось ампутировать. После заживления культи ему предложили службу в райвоенкомате. Он только попросил: «Если можно, пошлите меня в родной район». Просьбу удовлетворили.

Семья Ваньки Крюкова получила похоронку на отца за подписью командира части, в которой он воевал. Погиб один из братьев Раи Гриньковой. Вскоре умерла его жена, оставив двух девочек. Война косила людей на фронте и в тылу. В тылу умирали женщины, девушки, парни. Одни от надрыва на работе, другие от заболеваний,

например, простудившись, попив холодной воды из родника, или работая, расстегнув пальтишко, чувствуя, что пот мешает в работе.

Прошло три года войны. В селе о многих получили похоронки, многих оплакали родственники, соседи, друзья. Из газет стало известно, что Красная армия уже перешла границу и выбивала немецкие части и их пособников с территорий приграничных государств. Весной 1944 года была освобождена Румыния. Потом были бои за освобождение Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польши. За это время ребята, встретившие войну подростками, успели вырасти и стать полноправными и полноценными защитниками Отчизны. Многие уже успели головы сложить за Родину и за отчий дом, в котором остались мать, у многих отец, братья и сёстры.

Повзрослели три дружка, три Ивана. Если они в тринадцать лет помогали за спасибо всем женщинам, которые просили их о помощи, то теперь уже и от рюмашки самогона не отказывались. Ваньку с гармонью приглашали за праздничные столы. Кто-то решал сыграть свадьбу, пусть даже муж вскоре и уходил на фронт. Молодожёны понимали, что у человечка, который должен появиться на свет, должен быть отец. Если даже он и погибнет, всё равно для ребёнка это будет отец-герой. Кого-то провожали на фронт, кого-то встречали с войны, пусть покалеченного, но живого. И это был праздник для семьи, родных, близких. Ванька ставил условие, что он один не пойдёт. Подсказывал позвать Ванюшку Мишина или Ванька Дьячкова, своих дружков. Гулянья начинались после окончания колхозной работы, иначе всем грозила неприятность.

Женщины расхваливали помощников, – какие они безотказные, какие мастера на все руки. Да, за ними любая девка будет жить, как за каменной стеной. Только не одобряли их поведения родные матери. Опасались, что привыкнут их дети к самогону, станут пьяницами на всю жизнь.

– Ванюша, прошу тебя, не пей самогон. От него люди дураками становятся. Сам видишь, когда человек пьяный, допускает много непотребного, над ним смеются. Что скажет отец, когда с войны вернётся?

– Мам, не переживай. Я не пью, много не пью. Женщины попросят у председателя или бригадира повозку за лесом или за сеном съездить, меня наряжают. С быками не все женщины справляются. Приходится помогать и сено или дрова накладывать в дровни, сгружать дома. Вот

женщины и приглашают на обед. За обедом рюмочку поднесут. Отказываться неудобно.

– Всё равно, сынок, не пей. Никого вино не красит. Ты лучше помогай за спасибо. Конечно, пообедать можно, всё-таки был в работе, устал, с быками управлялся. Только без вина. Пожалей и себя и меня. Чувствую я, болезнь подступает. Если умру, как младшие жить будут? Тебя в армию заберут. Настеньке только двенадцать годиков, Шурёнке – десять, а Толюшке только восемь. О них думай, сынок.

Наверное, просьба матери дошла до Ванюши. Бывая вместе с Ванькой в застольях, чтобы поддержать друга, Ванюша отказывался от самогона, а вскоре совсем перестал ходить с Ванькой на «мероприятия». Вскоре отказался и Ванёк.

– Эх, вы! А ещё друзья! – попенял Ванька своим товарищам.

Вскоре Ванька признался товарищам о своём нелёгком положении.

– Эх, ребята, наверное, придётся мне жениться. Танюшка призналась, что будет у неё от меня ребёнок. Я сначала не поверил. Теперь знаю, ребёнок будет. Уже шевелится. Кроме меня она ни с кем не встречалась. Оставить Танюшку в таком положении я не смогу. Не по-мужски это будет. Нельзя её оставлять на посмешище всему селу.

– Вань, а если в армию вскоре заберут, где ей жить придётся? С твоей матерью и сёстрами? Или оставаться в своей семье и ждать твоего возвращения?

– Наверное, жить будет в моей семье. Мама не против, а сестрёнки ещё не решают ничего.

– Да, вот дела!

С фронтов приходили радостные вести. Красная армия громит фашистов за пределами нашей Родины, так сказать, на просторах Европы. Скоро будет взят Берлин и конец войне! Ванюшка и Ванёк ждут отцов с Победой. Ждут облегчения в семье, в первую очередь, для матерей. Но вместо победных писем обе семьи одновременно получили похоронки. Это случилось в середине февраля 1945 года.

Семья Мишиных получила извещение о гибели военнослужащего Мишина Михаила Тимофеевича, которое пришло из войсковой армейской части. В извещении указывалось, что сержант Мишин Михаил Тимофеевич погиб 18 января 1945 года смертью храбрых при освобождении Польши от немецко-фашистских захватчиков. Дьячков Степан Ефимович погиб 22 января при освобождении венгерской

столицы Будапешта. Вот ведь как получается: два хлебороба, два защитника Отчизны, жившие до войны на одной сельской улице далеко-далеко от границы, ушли на защиту Родины в трудную для неё годину и погибли «смертью храбрых» с разницей в несколько дней. Уже была освобождена территория родной страны от фашистской нечисти. Теперь помогали в разгроме фашистских соединений на территории других европейских государств.

Повопили, наплакались женщины по погибшим мужьям, дети по отцам, которых ждали с Победой, и продолжали жить с пониманием, что теперь их уже не дождутся. Понимали, что во многих семьях живут с подобной бедой почти все военные годы. В этих семьях, как говорили матери и жёны погибших, за время войны «все глазоньки проплакали», «сердечко надорвали», но продолжали жить, стремясь поставить на ноги малых детей.

Все три друга, все три Ивана ждали скорого призыва в Красную армию после того, как ушли на защиту Родины близкие товарищи, 1927 года рождения, с которыми не давали упасть колхозу, работали от темна до темна, помогая армии, стране. Ребята понимали, что война близится к концу, Германия будет разбита, Победа близка. Тогда зачем же призывать молодёжь? И сами находили ответ – война окончится, и воевавшие солдаты и офицеры будут демобилизованы. Кто же тогда будет стоять на страже Родины от новых агрессоров? И пока не все участники боевых действий во время войны будут демобилизованы, они и подготовят после себя замену из новичков, призванных после Победы.

В конце апреля – начале мая по радио и в газетах сообщалось о тяжёлых боях за Берлин. В тылу женщины молили Бога, чтобы он послал победу нашим войскам и сохранил жизнь Васе (Пете, Феде, Мише…). Каждая женщина называла в молитве имя своего самого дорогого и любимого человека – мужа, сына, брата. Многие просили и за мужа, за сыновей и братьев, потому что воевали все самые родные люди. Все считали, что будет большой несправедливостью, если погибнет в самом конце войны самый дорогой и любимый человек.

9 мая, на третий день Пасхи, с утра прошёл небольшой дождь. Колхозники, собравшись на наряд в нарядной комнате, решили переждать дождь. Промокать на дожде не хотелось, было прохладно. От правления колхоза прибежал Ванёк Дьячков с долгожданной вестью: Победа!

– Мужики и вы, женщины, слушайте, что скажу. Я в правленье заходил. По радио сообщили, что война закончилась, а из района позвонили по телефону. Немцы подписали акт о капитуляции. Я, как только прослушал об этом, сразу сюда. Думаю, что сегодня можно и выходной устроить.

– Колян Курышов побежал в огородную бригаду. Там грядки под лук копают, надо народ обрадовать. Я сейчас посмотрю, есть ли на конюшне, какая лошадёнка, смотаюсь к севцам, их обрадую.

Одна лошадь на конном дворе была свободной, Ванёк обротал её и доехал до севцов. Обрадовал победным окончанием войны. Сказал, что народ собирается у сельсовета. Надо Победу отметить. Поставил лошадь в стойло и сам быстрым шагом пошёл к сельсовету.

Дождь прекратился. К сельсовету уже собирался народ. Мужчины, оказавшиеся в родном селе по ранению или заболеванию после лечения в госпиталях, среди них две девушки в военной форме, пожилые мужчины и молодые парни, женщины и девушки, работавшие всю войну в колхозе, с каждой улицы шли к сельсовету. Каждый стремился принести с собой что-то вкусненькое на общий стол, к общему празднику. Благо, что у всех были заготовлены пасхальные вкусности – блинчики, пышки и другая стряпня. У кого был самогон, припасённый к случаю, принесли и его, а к самогону последние припасы квашеной капусты, солёных огурцов и помидоров. Вынесли столы из сельсовета, из домов колхозников, которые живут вблизи сельсовета. На поляне оказалось с дюжину столов. Кто-то принёс патефон, Ванька Крюков пришёл с гармошкой. Он веселил молодёжь во время войны, и сейчас без его гармошки было не обойтись. Вторым гармонистом был Шуран, веселивший до войны молодёжь, фронтовик, пришедший с войны к Новому 1945 году через два госпиталя без левой ноги по колено.

Пришли и местные руководители – председатель колхоза Маргарита Сидоровна Бычкова, председатель сельсовета Милованов Андрей Фёдорович, возвратившийся на свою довоенную должность без кисти правой руки. Теперь учится писать левой рукой. Здесь же были бригадиры полеводческих бригад, женщины, уставшие за войну и ждущие мужчин-фронтовиков, которые смогут их заменить.

Андрей Фёдорович обратился к собравшимся с кратким поздравлением по поводу долгожданной Победы.

– Дорогие товарищи, односельчане! Сегодня Совинформбюро от имени советского правительства объявило по радио о Победе советского народа над фашистской Германией. Вклад в Победу внесли и наши земляки. Многие из них погибли при защите Отечества, многие возвратились с полей сражения, покалеченные войной, инвалидами, – Андрей Фёдорович поднял раненую руку, но не для того, чтобы народ увидел его ранение, а по привычке жестикулировать руками при выступлении.

Андрей Фёдорович назвал многих погибших на войне односельчан и возвратившихся после ранения и выздоровления в госпиталях. Называл их военные заслуги геройскими на основании полученных наград Родины. Когда были названы имена погибших, женщины запричитали о своих мужьях, детях, братьях.

– А сейчас, товарищи, я предоставляю слово председателю колхоза, под чьим руководством вы не дали погибнуть колхозу, а поддерживали его всеми силами.

– Дорогие колхозники, уставшие за четыре года от войны, ждавшие победу, своим трудом приближавшие её. Победу мы дождались. Честь вам и хвала, мои дорогие. Все мужчины сражались за Родину, многие уходили на войну почти детьми. Многие для Победы отдали свои жизни. В колхозе работали старики, женщины, дети. Силёнок у нас было маловато. Одни растеряли силушку за долгие годы физической работы, другие не успели её накопить. Но у всех была сила воли, работали сверх физических сил, чтобы своим трудом помочь Красной армии, Родине, своим мужьям и детям на войне.

Маргарита Сидоровна называла имена передовиков, на кого равнялись другие колхозники. Среди других были названы и три Ивана, с которыми мы уже знакомы.

– Тринадцатилетние ребятишки выполняли любую колхозную работу вместе со взрослыми и наравне с ними. Теперь все повзрослели, становятся мужчинами. Если бы война не закончилась, готовились к призыву на защиту Родины. Спасибо вам, ребята, за ваш труд.

Ну-ка, мужики, вижу, что винцо с собой принесли. Наливайте всем.

– Выпьем, товарищи, за Победу, за организатора нашей Победы, за товарища Сталина.

За столом поднялся безногий гармонист, осваивающий вместо ноги деревянную подставку под колено, которая помогала ему ходить, не скрывая хромоты.

– Дорогие товарищи! Фронтовики, раньше времени возвратившиеся домой по ранению или болезни! Я предлагаю выпить за наших однополчан, победивших фашистского зверя в его же логове, за наших односельчан, которые сложили свои головы за Родину, за нас возвратившихся домой израненными, но живыми, внёсшими в дело Победы свой ратный труд. За наших родителей и жён, молодёжь, которая работала в колхозе, за всех, кто обеспечивал фронт всем необходимым.

Закончив речь, гармонист заиграл всеми любимую песню «Катюшу», народ поддержал его пением. Пели и другие песни, рождённые в годы войны, ставшие любимыми народом. Молодёжь под музыку и песни поющих за столами стала танцевать.

Ближе к полудню Маргарита Сидоровна объявила:

– Ну, вот что, дорогие товарищи, ещё раз поздравляю вас всех со славной Победой. Но, как говорят, весенний день год кормит. У кого наряды на севе, на луке надо идти на работу. Само собой это касается и тех, кто работает на пахоте, на обеденной дойке коров.

Народ стал расходиться от сельсовета. Кто пошёл на рабочее место, кто домой. У всех было радостное настроение – конец войне, Победа! Многие понимали, что теперь, оставшиеся живыми, односельчане будут возвращаться домой. Скорее всего, не все сразу, но придут домой. Кто получили похоронки, понимали, что они своих сыновей, мужей, отцов не дождутся. И от этого горечь потери родных вспыхивала с новой силой. Женщины, придя домой, дали волю слезам, оплакивая самых близких им людей, отдавших жизни за Родину, за её независимость, за счастье советского народа. Но почему погиб именно её сын, муж, если другие остались живы? Чем он и она, его мать, жена не угодили Богу?

На Троицын день, 24 июня 1945 года, Ванька Крюков сыграл свадьбу, женился на Танюшке, которая носила под сердцем его ребёнка. Сына или дочь, ни она, ни он не знают. В Москве в этот день состоялся Парад Победы в честь советских воинов-победителей. Конечно, это было случайным совпадением. Когда молодожёны планировали свадьбу на Троицу, они о параде ничего не знали. Гости на свадьбе уже слышали, что в Москве состоится Парад Победы,

поэтому желали молодожёнам первого сына и чтобы ему всегда в жизни сопутствовали победы.

Гости на свадьбе веселились, как никогда раньше. Неудивительно, это была первая свадьба в селе после Победы над злейшим врагом, в войне с которым погибли многие односельчане, которые не будут гулять ни на своей свадьбе, ни на свадьбе своих друзей, не будут веселиться за праздничными застольями с родными и друзьями, не будут растить детей, покоить старость родителей. Веселились друзья жениха Ванюшка Мишин и Ванёк Дьячков. Они уже прослышали, что их до конца года в армию призывать не будут. За время войны наработались досыта. Теперь, возможно, будет полегче – будут возвращаться в село уцелевшие в жестоких боях колхозники.

Ванёк Дьячков, стараясь не подавать виду, следил за Аней Логуновой, как она себя ведёт. Аня была на свадьбе и как подруга невесты и как её родственница. Поэтому и сидела она за праздничным столом рядом с Танюшкой. Рядом с женихом сидел Ванюшка Мишин в качестве свидетеля и дружки с вышитым полотенцем через плечо.

После застолья свадьба по заведённой давней традиции вышла на улицу и с пляской под гармошку прошла по двум улицам. На гармошке играл Шуран, пришедший на свадьбу, с удовольствием поиграть на празднике у коллеги по искусству Ивана Крюкова, который сегодня становится мужчиной. Ванёк Дьячков шёл под ручку с Аней Логуновой. Рядом шёл Ванюшка Мишин с Раей Гриньковой, закончившей в райцентре среднюю школу. Молодые люди не принимали участия в пляске, показывая свою трезвость и сдержанность.

Поздно вечером, провожая Аню до дома, Ванёк заговорил о женитьбе.

– Ань, может быть, и нам надо сыграть свадьбу?

–Чего!?

– Мы дружим давно, я тебя люблю.

– Ну и люби. Кто тебе запрещает? Мы, Ваня, давно с тобой дружим, целых четыре года, это правда. Но выходить замуж я не собираюсь, потому, что тебе надо отслужить в армии и потом жениться. Когда тебя призовут в армию, и сколько времени ты будешь служить, никто не знает. Кем я буду в твоей семье? Работницей? Делать всё, что заставит твоя мама, но не смогу помогать своей маме,

хотя она живёт через несколько дворов. Нет, уж. Отслужишь и будешь продолжать любить меня, тогда и свадьбу сыграем.

После такого объяснения в любви, Иван стал делать для Ани знаки внимания, в виде подарков, не скрываясь от односельчан. Однажды нашёл в лесу лисью нору и принёс для Ани лисёнка. Лисёнок, оказавшись на полу, юркнул под койку и забился там в угол, мордочкой к стене. Аня хотела покормить лисёнка, но он не изъявлял желания выходить из-под койки.

Увидев в окно соседского мальчишку, Аня позвала его.

– Стёпка, иди к нам, что покажу тебе. Интересно, ты такого не видел.

– Нюрк, ты чего хотела показать? – поинтересовался Стёпка, войдя к Логуновым.

– Загляни под кровать, там лисёнок.

– Обманывашь. Ты где его взяла?

– Где, где! В лесу в лисьей норе. Ещё вчера принесла. Сейчас хотела покормить его, а не вылазит. Лезь, доставай, ты пролезешь под койку.

Стёпка пролез под койку. Погладил лисёнка, который только ушками пошевелил. Когда стал вытаскивать лисёнка из-под койки, лисёнок укусил его за большой палец правой руки. Почувствовав боль, Стёпка отступился от лисёнка и вылез из-под койки. Теперь, заметив кровь, Стёпка заплакал и побежал домой к бабушке, показывая ей укушенный палец. Он рассказал, что хотел достать у Логуновых лисёнка из-под койки, но лисёнок не хотел вылезать и укусил его. Бабушка промыла ранку и перевязала палец. Позже, встретив соседку, поинтересовалась у неё:

– Кума, это откуда у вас лисёнок-то? Вон Стёпку за палец укусил.

– Не знаю, кума, никакого лисёнка я не видела.

– Ой, кума, смотри, как бы из-за лисёнка беды не случилось. Лиса обнаружит пропажу лисёнка, придёт по следу. У них нюх чуткий. Всех кур перережет.

Аксинья Ивановна догадалась, откуда мог взяться лисёнок. Скорее всего, Нюркин жених принёс. После женитьбы Ваньки Крюкова Аксинья Ивановна Ванька Дьячкова иначе, как «женихом» не называла. Это говорилось вроде бы в шутку, подразнить дочь. Правда, Аня на это не обижалась.

– Нюрка, говори, где прячешь лисёнка, который Стёпку укусил.

Выпусти его, пусть в лес бежит. А то лиса по следу придёт, лисий нюх чуткий. Всех кур перережет.

– Это ребята подарили, из лесу принесли. Он под койку забился, и вылезать не хочет. Даже есть ничего не стал. Ладно, я скажу им, пусть назад забирают.

Когда укушенный Стёпка ушёл, Аня поставила под койку миску с молоком и долго наблюдала, подойдёт ли лисёнок к миске. Нет, не подходил. Заглянула под койку сейчас, миска была пустая, лисёнок сидел в углу, но мордочкой отвернувшись от стены, и наблюдал за Аней.

Вечером Аня сказала Ваньку:

– Забирай, Ваня, своего лисёнка. Он забился под койку и никак его оттуда не достать. Стёпку соседского за палец укусил. Мама боится, что по следу, твоему следу, придёт лиса и перережет кур.

– Ладно, сейчас твои и мать и отец дома, а при них лисёнка незаметно из-под койки не достать. Завтра с утра я буду осматривать перемёт, со мной напросились Колян и Стёпка. Колян достанет лисёнка. Пусть растёт вместе со щенком. А у Стёпки ранка пустяковая.

Утром Колян Дьячков постучал в окно, где спал Стёпка. Стёпка взял с подоконника приготовленные с вечера кусок хлеба и огурец и вышел из избы. Ребятишки побежали догонять Ванька.

Ванёк отвязал от кола, вбитого в землю на краю берега, плоскодонку.

– Ну, пацаны, залезай в лодку и не баловать.

Ванёк направил лодку поперёк реки, от противоположного берега к сельскому, придерживаясь верхнего шнура перемёта из конопляного волокна. К этому шнуру крепятся поводки из капроновой лески с рыболовными крючками на конце. На крючках насажена мелкая рыбёшка в качестве наживки для рыбы крупнее. Наживкой были пескари, плотва, карась. Начало и конец перемёта были в камышах. В этих местах на крючки были насажены червяки и даже стрекоза. Первый поводок был пустой. На втором попался окунь. Всего с сорока крючков сняли шестнадцать штук разной рыбы. Были окуни, щурята, караси, краснопёрки, плотвички. Особенно Иван был рад двум щукам. Каждая из них в длину была больше метра. Крупную рыбу Иван вытаскивал из воды с помощью сачка и оглушал её в лодке небольшим веслом.

Закончив осмотр перемёта и снятия улова, Иван заплыл в камыши, где у него были установлены две нырётки, одна побольше, другая поменьше. В меньшей нырётке была мелкая рыбёшка, которая идёт на перемёт в качестве живцов. В большой нырётке были пара линей, плотва, щурёнок, пара окуней. Собрав улов в сумку, кроме одной большой щуки и двух окуньков, Иван подгрёб лодку к берегу и привязал её к колу.

– Вот, пацаны, вам задание. Эту щуку передадите Аньке Логуновой. Я давно обещал угостить её рыбой. Окуньков, Стёпка, тебе, бабушка пожарит.

– Это Нюрке, што ли? – уточнил Стёпка.

– Да, ей. Только отдавайте, когда она будет одна. А ты, Колян, возьмёшь у неё лисёнка и принесёшь домой. Он у них под койкой лежит, и у нас запустишь его под койку. Я сразу уйду на работу, а вечером мы с тобой поместим его в будку, вроде собачьей сделаем. Попроси у неё какую-нибудь тряпку, завернёшь, чтобы он не поранил тебя. Понял?

– Понял.

Иван протянул кусок верёвки под жабры щуке, чтобы легче было нести. Ребята пошли короткой дорогой. Щуку несли поочередно, держа верёвку через плечо. Майки ребятишки сняли, а вот штанишки были в щучьей слизи. Сначала зашли к Стёпке, а потом он пошёл на разведку. Вернувшись, Стёпка доложил:

– Дядя Семён и тётка Аксюта уже ушли на работу, Нюрка собирается на ферму. Я ей сказал, чтобы подождала тебя, Колян. Иди, пока не ушла.

Колян взял щуку и пошёл к Логуновым.

– Аньк, вот Ванёк заставил тебе щуку отнести и забрать лисёнка. Где он?

Аня показала глазами под койку, прикрытую подзором. Лисёнок сидел у стены, с интересом посмотрел на нового человека, миска была пустая. Колян попросил тряпку, накинул её на лисёнка и быстро сгрёб его. Когда вылез из-под койки, приоткрыл мордочку лисёнка, чтобы он не задохнулся. Понесли его вместе со Стёпкой.

Ближе к вечеру Ванёк пришёл с работы и стал строить конуру по типу щенячьей для лисёнка. Колян старался помогать брату: то досочку подаст, то досочку прибьёт. Когда конура была готова, Ванёк вынес из комнаты лисёнка, надел на него ремённый ошейник и

привязал на верёвке к колу. Конуру поставил недалеко от щенячьей, так, чтобы детёныши собаки и лисы видели, но не могли достать друг друга. Трезор сразу стал лаять на Лиску, которая сразу шмыгнула в конуру и оттуда тоже стала тявкать. К ночи щенята успокоились, а наутро были уже более спокойными.

Аня, придя с работы, достала из погреба щуку и отдала её матери, пояснила:

– Иван утром поймал рыбы для себя и одну щуку подарил нам. Колян принёс, а лисёнка забрал. Что из щуки будем делать?

– Можно пожарить или уху сварить на ужин. Не пропадать же ей, хотя отец подарки от твоего жениха не одобряет.

– Мама, ты опять за своё? Жених, да жених! Какой жених? Товарищ он школьный, а сейчас товарищ по работе. Часто вместе приходится работать на разных работах.

– Ладно тебе. Не сердись. Над всеми девушками шутят.

Аксинья Ивановна из такой большой щуки смогла пожарить по два куска рыбы и сварить уху, которой хватило и на ужин и на завтра на завтрак. Семён Романович поинтересовался, откуда рыба взялась.

– Купила.

– Ты, баба, не юли. На какие шиши купила?

– Ладно, уж. Нюрке школьный товарищ с утреннего улова подарил.

– А рыбка понравилась. Надо посмотреть, где-то на повети была нырётка. Может, придётся подлатать и поставить на ночку в камыши.

Конечно, Семён Романович забыл посмотреть старую ивовую нырётку, которую кто-то из сыновей собственноручно изготовил, наверное, всё-таки Пётр. Погиб Пётр на польской земле в конце августа 1944 года, провоевав почти всю войну, погиб, захватив и удержав Сандомирский плацдарм, неся свободу славянскому народу. Алексей был ранен в конце октября 1944 года на югославской земле, освобождая от фашистов также славянский народ Сербии. Сейчас находится на излечении в Ярославском госпитале. Сергей был дважды легко ранен, но расположения своей части не покидал. В письме написал, что служить после войны ему придётся долго, так как демобилизуются военнослужащие старших возрастов.

В 1946 году призыва в армию не было. Понеся огромные потери в годы Великой Отечественной войны, Советский Союз пошёл на то, чтобы в течение трёх лет не проводить всеобщий призыв в армию. Молодёжь призывного возраста была обязана трудиться на мирном

фронте. Её помощь народному хозяйству была неоценимой. Школы ФЗО были заменой армии. Молодёжь получала гражданские профессии, необходимые в металлургии, машиностроении, строительстве, и направлялась на восстановление народного хозяйства.

Невиданных размахов приобрела преступность, порождённая войной, на борьбу с которой также направлялись призывники, пройдя обучение в милицейских школах. Часть молодых людей оставалась работать в колхозах, где был недостаток рабочих рук.

Вторая основная причина отмены призыва в армию – это огромная численность Советской армии. Демобилизация военнослужащих производилась по возрастам, начиная с 1945 года, и продолжалась вплоть до 1952 года.

Все три Ивана остались в колхозе, так как на фронте погибли у всех отцы и были больные матери. Из колхоза были направлены в школы ФЗО Урала восемь призывников 1928 года рождения. Из района были направлены одновременно шестьдесят человек. Они получили рабочие профессии строителей, токарей, сварщиков-монтажников и были распределены на предприятия Свердловска, Челябинска, Магнитогорска и других промышленных городов.

Ванюшка Мишин и Иван Дьячков окончили трёхмесячные курсы в районной школе механизации сельского хозяйства, которая ранее называлась рабоче-крестьянской школой (РКШ), а вскоре стала называться училищем механизации сельского хозяйства. Изучали тракторы, комбайны, автомобили. По окончании школы получили направление на работу в Колмоярскую МТС, которая обслуживала и их родной колхоз. Они получили один трактор на двоих и работали посменно. Пахали и бороновали землю, возили сеялки и прицепные комбайны, обслуживали молотилки при обмолоте снопов.

Когда у Ивана была свободная вечерняя смена, встречался с Аней Логуновой. При встречах днём старался оказывать ей знаки внимания, иногда при посторонних людях, хотя Аня стеснялась посторонних людей и просила Ивана на людях вести себя скромнее. Многие женщины считали Ивана Анькиным женихом.

Осенью 1948 года ребят 1928 года рождения призывали в армию. Ивана Мишина и Ивана Дьячкова призвали в октябре, но в разных командах. Служить им нужно было по 3 года, Мишину в авиации,

Дьячкову в танковых войсках. Аня подарила Ивану платочек на память, а он попросил её:

– Аня, жди меня. Я отслужу и вернусь. Мы поженимся.

– Ладно, служи, Ваня, там посмотрим. Мы будем ждать всех наших ребят. Я тебя буду вспоминать. Пиши письма, я буду отвечать.

Ребят провожали родственники, друзья и девушки, с которыми вместе росли, работали, дружили. Всем желали счастливой службы и скорого возвращения домой.

В ноябре провожали Ивана Крюкова. Провожали его жена и два сына. Первенец был у него на руках, второго несла Танюшка. Уходил он на службу в Морфлот на 4 года. Его товарищи, призывавшиеся вместе с ним, знали, в каких частях будут служить, но в моряки ни один не попал.

Вскоре новобранцы стали присылать письма в родительский дом, товарищам, подругам. Сообщали о своей службе, интересовались сельскими новостями. Аня часто получала письма от своего Ивана и писала ему о сельской жизни. Почти через год переписка прекратилась.

В село возвратился после излечения в госпитале Николай Попов, друг Сергея Логунова. До войны дружили. На фронт уходили одновременно, но Николай из родного дома, Сергей из Электростали. Сергей был дважды ранен, но госпиталя избежал. Николай из Германии проехал всю «Расеюшку» до Дальнего Востока, участвовал в разгроме Квантунской армии японцев. Получил тяжёлое ранение, с повреждением рёбер, печени, левой почки. Операция и лечение сначала были в госпитале в Чите, потом почти полгода лечился в госпитале в Новосибирске. После лечения в госпитале на основании его заключения военно-врачебная комиссия комиссовала Николая из армии и определила ему II группу инвалидности. Предупредили, что через год возможна перекомиссовка и перевод на III группу.

Николай демобилизовался в город Сердобск, куда переехала его мать после войны. Сердобск её родина, там отчий дом и одна старая мать в этом доме. Отца похоронили полгода назад, а мама стала прихварывать. Здесь, в селе, мама работала учительницей в школе по распределению. Сейчас Николай приехал в отпуск на свою родину, к родной тёте, сестре своего отца, погибшего на фронте. Решил узнать адрес своего школьного друга Сергея Логунова. В доме Логуновых

встретил уже взрослую сестру друга. Взглянув, друг на друга, оба поняли, что их пронзила внутренняя искра, как говорят «божья искра», притягивающая их друг к другу.

Аня попросила у мамы бутылку самогона, угостить гостя, сама пожарила яичницу. Тётке Аксинье Николай подарил женский платок (пришёл не с пустыми руками, а с подарком). Стал расспрашивать о Сергее, попросил адрес. Рассказал о себе, где и как воевал против немцев, как оказался на войне с японцами. Рассказал, как был ранен, как был на излечении в Чите и Новосибирске. К годовщине Победы демобилизовался. Тогда получил письмо от мамы, что она переехала в Сердобск, ухаживать за бабушкой. Здесь её ничего не держало. Старший брат Николая погиб в 1944 году. Мало надежды у неё было, что Николай станет на ноги. Мама приезжала в госпиталь в Читу. После операции Николай был без сознания. Был без сознания до её приезда, и неделю, что она пробыла в госпитале, ухаживая за ним и за другими ранеными, в сознание не пришёл. Врачи не обещали ей, что сын встанет на ноги. Дома оставалась скотина (корова, овцы, куры), за которой ухаживали соседи. Тогда-то мама и решила переехать к бабушке. Продала скотину и дом, оставшийся от мужа, и переезд состоялся.

– Я долго, как говорят, не приходил в сознание. Когда сознание прояснилось, мне сказали, что мама приезжала, неделю жила в госпитале, ухаживая за мной и выздоравливающими ребятами. Я обиделся на маму, что не дождалась начала моего выздоровления. Потом понял, что она поступила правильно. Трудно ей было видеть, как умирает сын. Смерть старшего сына она не видела. Поехала к бабушке, чтобы хоть её жизнь продлить.

– Меня, как только стало возможным, перевезли в госпиталь в Новосибирск. Выздоровление было трудным. То рёбра срастались с осложнениями, то пневмония проявлялась, то давление было нестабильным.

– В Сердобске устроился на часовой завод контролёром, считается – на лёгкую работу. С этой работой любая девушка справится. Хочу освоить какую-нибудь мужскую работу, например работу сварщика. И на заводе сварочные работы ежедневно выполняются, на стройку можно перейти.

Аня пошла проводить Николая. Дошли до магазина и, чтобы не давать пищу пересудам, она попрощалась.

– До свидания, Коля. Я в магазин зайду. Покупать ничего не собираюсь, просто посмотрю, что там есть.

– Аня, мы люди взрослые. Я задумываюсь о семье, хотя на примете никого нет. Тебя как увидел, понял: вот она, кто мне нужен. Мы с Сергеем дружили, и я часто бывал у вас, видел тебя, но внимания не обращал. Тебе и было-то лет двенадцать-тринадцать.

– Да, мне было двенадцать, когда Сергей уехал в Электросталь.

– Аня, выходи за меня замуж.

– Коля, у меня есть жених, он служит в армии. Я обещала ждать его.

– Меня никто не обещал ждать, да и в армию я уходил в том возрасте, когда о женитьбе и не думают. А сегодня увидел тебя и понял, что ты моя судьба. Извини, что сразу предлагаю замуж выйти. Отпуск заканчивается. Если решишься, то послезавтра зарегистрируем брак в сельсовете, пригласим самых близких родных, отпразднуем свадьбу и сразу уедем в Сердобск. У моих товарищей такие свадьбы были. Один из госпиталя увёз медсестру, другой учительницу, с ребятами приходили, устраивали нам концерты. Я завтра с тётей Машей приду свататься.

Аня зарделась и ничего не ответила. Она пожала Николаю руку и пошла к магазину. Дома она рассказала о предложении Николая матери, а мать пересказала отцу. Мать сказала:

– Нюрка, ты Ивану слово давала ждать.

Отец отреагировал так:

– А может, Ванёк сам привезёт жену из армии. В село с войны двое вернулись с жёнами, а тут их девки ждали. А Колька, вроде мужик надёжный, я помню, каким он до войны был.

Аня ушла спать. Сон не приходил долго. Решила: придёт завтра с тётей свататься, соглашусь. Николай мне приглянулся. Не придёт, буду Ивана ждать.

Николай назавтра к вечеру пришёл вместе с тётей поговорить с родителями Ани, просить у них её руки. Аня деликатно вышла из комнаты. Вслед за ней вышел и Николай.

– Аня, чует моё сердце, что твои родители скажут тёте: «Пусть Аня сама решает, ей жить, ей мучиться или наслаждаться. Она хозяйка своего счастья». Что ты сама ответишь мне?

– Я согласна.

Аня и Николай вошли в комнату вместе.

– Нюрка, гости пришли сватать тебя замуж за Николая. Что ты скажешь? Ведь ты жениха-то совсем не знаешь.

– Мама, тятя, я согласна. Я помню его, когда он дружил с Сергеем. Жизни учился на войне. Уже не мальчик. Работает на заводе.

– Спасибо, Аня. Я буду тебе хорошим мужем. Завтра пойдём в сельсовет регистрировать наш брак и соберём небольшую свадьбу, пригласим только самых близких родственников. Мне надо спешить на работу. За опоздание могут строго наказать. А сейчас это дело надо отметить. Мы с тётей Машей всё принесли с собой.

Аня через окно позвала Стёпку, который играл с ребятами возле дома.

– Стёпа, сбегай к тёте Нюре Сёминой и к тёте Анюте Сергеевой. Скажи, чтобы к нам пришли быстро.

Марии Яковлевне пояснила, что это её тёти и обе являются крёстными мамами, так как крестили её у батюшки и их благословление на замужество нужно, как и благословление родной матери. Обе крёстные пришли быстро и были польщены таким вниманием к ним со стороны крестницы.

Через неделю после отъезда Аня прислала письмо родителям. Сообщила, что с мамой Николая, Антониной Петровной, и его бабушкой нашли взаимопонимание. Антонина Петровна интересовалась сельскими новостями. Ведь половина её жизни прошли в нашем селе. Аня принята на часовой завод пока ученицей. Будет работать на сборке часовых механизмов.

Щербаков Евгений Фёдорович (1939-2017), родился в селе Потодеево Наровчатского района Пензенской области.

Кандидат технических наук. Автор 32-х изобретений и нескольких учебников для подготовки специалистов с высшим и средним профессиональным образованием.

Автор сборника повестей «Отчий дом» (2006), сборник рассказов «Между лесом и полями» (2008), сборник стихов «Судьба» (2008), романа «Семья» (2010).

Член Союза русских писателей.

В 2011 году Евгений Фёдорович организовал и возглавил Ульяновскую региональную общественную организацию поддержки детей Великой Отечественной войны «Дети войны».

Мария
МУЛЛИНА

Хочу в апрель или май…

Стихи

* * *

Сколько ещё мне гореть, как солнце,
Сколько сжигать мостов, прощая,
Сколько меня ещё будет на сотню,
Я не железо, и я сгораю.

В небе, в стае летают птицы,
Падая в бездну, крылья роняют,
Ты, как ворон, перья теряешь,
Даже не знаешь где край, а где бездна.

В воду, всё в воду. Слёзы-капли.
Сколько их будет и сколько надо?
Я живу дальше, как ворон, как стая,
Я не железо! Я таю! Таю...

В этом мире прощать не сложно,
В этом мире любить не ново,
Но как же хочется в новую бездну,
Просто упасть, перья роняя.

Журавлиная любовь

Не встречали такой любви, чтоб не плакали журавли,
И срываясь с высоких скал, не кричали: «Прости, прощай!»
И не знали тогда они, как любило их солнце земли,
Как молило оно: «Живи!» И просило: «Не улетай…»

Ты не слышал ещё, как киты, поднимаясь над гладью вод,
Отпускают свой голос вдаль и зовут, не жалея сил,
Чтоб найти ту единственную свою, что услышала отзвук нот,
И плыла, оставляя всех, чтобы слёз он своих не лил.

А ты видел, как гордый орел, не взирая на то, кто он есть,
Прилетал к любимой своей, и любил её клювом в клюв!
Как спасал он её от пуль, что, настигнув, хотели убить,
И как плакал, когда не сберёг, утыкаясь ей клювом в клюв!

Так чего же ты ждёшь человек, всё просчитывая и боясь?
Что мешает тебе прокричать, как ты любишь её одну?!
Ту любовь, что даёт тебе свет, все невзгоды с собой унеся!
Ведь и тысяча лет ничто, чтоб напиться ей и уснуть…

* * *

Хочу в апрель или май,
Туда, где солнце будет ярким.
Туда, где ты спешишь ко мне,
И время встреч не будет кратким.

А мир наполнится мечтами,
Улыбками и тёплыми ночами.
Туда, где ты меня проводишь,
И, уезжая, пишешь, пишешь…

Ты пишешь мне, что любишь море,
И что земля в каких-то кочках…
И оттого мы так летаем…
И оттого не знаем боли.

Хочу туда, где снег растаял,
Туда, где снова будут лужи,
Туда, где детская площадка,
Туда, где я тебе так нужен.

* * *

Я буду верить, что дружба не кончается,
Когда над городом печальная луна,
И ветер кружится, бессилен, Богу кается,
Что он согреть не сможет никогда.

Я буду верить, что дружба – это вечное,
И даже если время убегает вдаль,
Нет времени, есть просто главное!
Ты веришь в дружбу?
Для дружбы ничего не жаль!

Я буду верить – дружба бескорыстная!
Она не просит и не ждёт щедрот взамен,
Ты улыбнись ей, радость ненаглядная,
И сердце светлое отдай ей в плен…

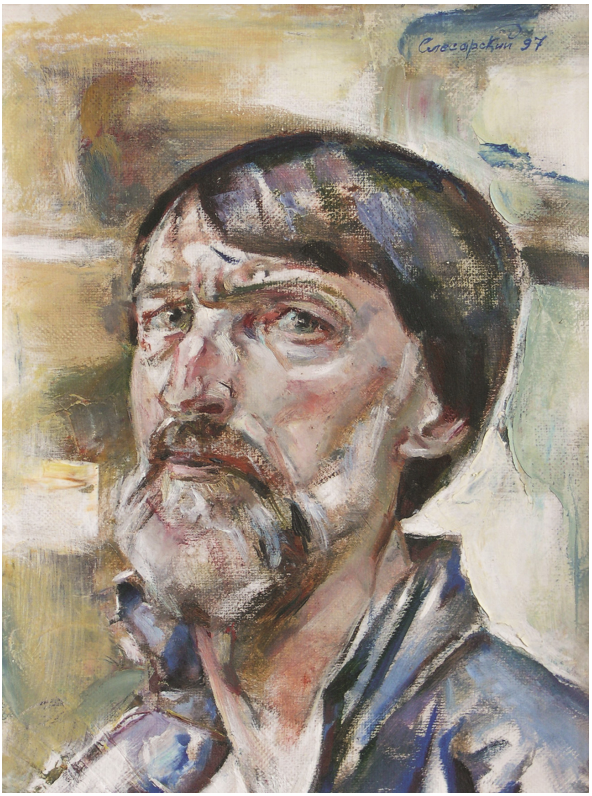
Ты знаешь, друг, что дружба не кончается?
Когда над городом печальная луна,
А ветер кружится, всё кружится и кается,
Ведь он согреть не сможет никогда.

Муллина Мария Александровна родилась 26.10. 1988 г. в г. Ульяновске.

Окончила Ульяновский музыкально-педагогический колледж, Институт авиационных технологий УГПТУ в 2012 году.

Работает педагогом дополнительного образования Ульяновского центра детского творчества №1.

Описание жизни по Слесарскому



В свою мастерскую на 18-й этаж высотки Станислав Петрович Слесарский, заслуженный художник России, приходит каждый день как на работу.

– А по-другому никак, художник должен быть в мастерской, – считает Станислав Петрович. – Бывает, правда, что выезжаем на пленэры. Они дают какое-то обновление в творчестве. Вообще природа учит. Аркадий Пластов (*народный художник СССР. –* ***Авт.***)

говорил, что «надо учиться у природы». На самом деле всё многообразие и краски берёшь у неё. Это жизнь, а живопись – это описание жизни, я так понимаю. И, наверное, правильно.

Емельян Пугачёв. 1997.

В учителях – Пластов

В прошлом году Станислав Петрович стал лауреатом международной премии гениального живописца в номинации «На родине Пластова». По мнению художника, большая честь стать её обладателем. Но о своих наградах Станислав Петрович не любит говорить, ему этого делать не позволяет скромность. Его имя как кандидата на премию выдвинуло региональное отделение Союза художников России, членом которого является Слесарский.

Как рассказал художник, первый раз он услышал о Пластове, когда учился в Казанском художественном училище, а потом имя мастера звучало в стенах Ленинградского института имени Репина, где продолжил обучение Станислав Петрович. Среди художников имя Пластова тогда было знаковым. Он являлся одним из величайших живописцев. Некоторые студенты, по рассказам Слесарского, даже сплавлялись по Свияге, чтобы попасть в гости к Пластову. И, конечно, не попадали: всё-таки Свияга через Прислониху не протекает, да и вообще от неё далеко находится.

Весенняя тишина. 1980.

Станислав Петрович может долго говорить о Пластове, которого считает своим учителем, несмотря на то, что никогда его не видел.

Встретил петух

Чтобы лучше понять творчество Слесарского и самого художника, я долгое время напрашивалась в его мастерскую. «Ну, зачем обо мне писать? – скромно отказывал художник. – Что во мне такого?». Но потом всё-таки пригласил в мастерскую.

Прямо около входа меня встретил нарядный петух в рыже-красных тонах. Его Станислав Петрович написал отнюдь не к Году Петуха, который наступил по китайскому календарю. Картина появилась на свет много лет назад, когда ещё была жива бабушка жены Станислава Петровича, к которой они приехали погостить. В композицию вошёл пень с топором, тем самым показывая жестокую судьбу деревенских петухов.

День петуха. 2017.

– Накаркал я этому петуху судьбу, – сетовал художник. – Пошёл он на суп. Практически в тот же день приехали к нам гости, сосед по просьбе бабушки отрезал бедной птице головушку. А петух был хороший...

Арина Родионовна и Саша

На мольберте в центре мастерской возвышалась огромная картина, над которой работал художник. На холсте за столом при свете свечи сидела молодая девушка с прялкой, а её внимательно слушал кудрявый мальчик.

– Это Арина Родионовна, няня Пушкина, и маленький Саша – будущий поэт, ещё до лицея, – пояснил Станислав Петрович.

Нянины сказки.2013.

– Обычно няню Пушкина изображают уже старушкой. И я её тоже первоначально нарисовал пожилой. Потом стал интересоваться, сколько же ей было тогда. Но на самом деле она была молодая, ей было столько же, сколько и матери Пушкина, чуть больше двадцати лет. До девяти лет Александр Сергеевич слушал нянины сказки, что, несомненно, повлияло на его творчество. Собственно, картину я так и назвал – «Нянины сказки».

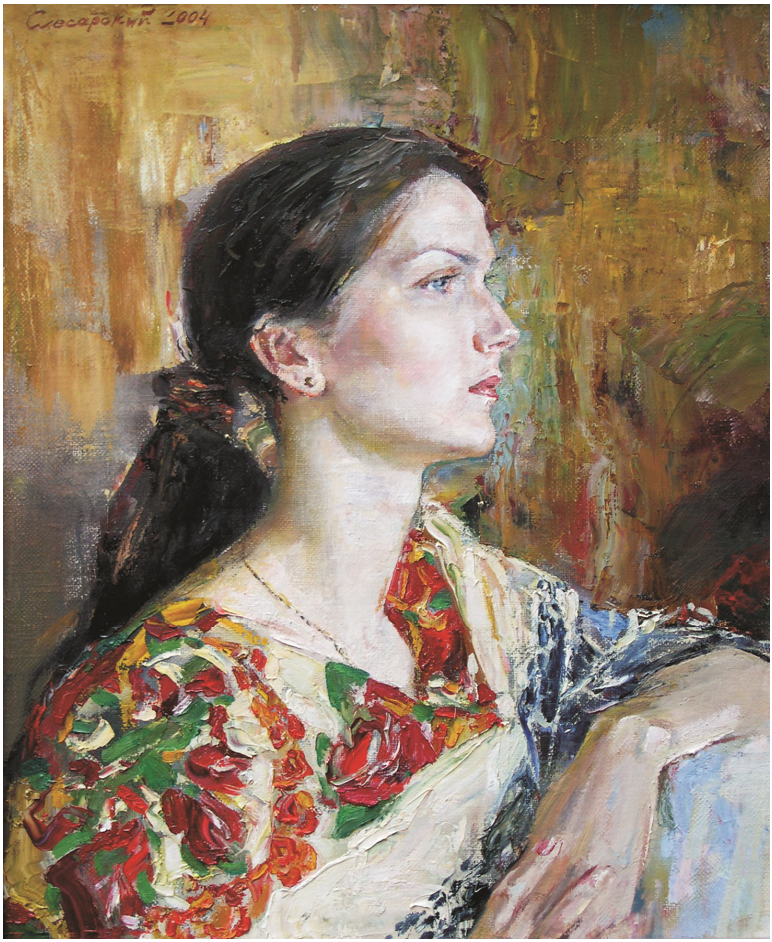
Как отмечают многие коллеги Станислава Петровича, он – художник постоянно ищущий. Так, портрет Пушкина – любимого поэта Слесарского – на картине «Пушкин» корректировался несколько раз.

– У меня были поиски чисто колористического плана: менял небо, поэт был немного в другом цвете. Мне кажется, я только улучшил картину, здесь теперь нет ничего лишнего, – говорит художник.

Пушкин. 2009.

То же самое происходило с русскими мадоннами на двух картинах с одинаковым названием «Кормилица», «Прощание с колодцем» и многими другими.

Стены в мастерской увешаны картинами: на одной – целая галерея портретов родственников: жены Людмилы Юрьевны, дочерей – Сони и Зоси, зятя – священнослужителя, отца Григория, бабушек, крёстного. Все лица очень колоритные и интересные.



Дочь Зося.2004.

За чтением Евангелия. Баба Нюра. 1980.

На другой – много картин в стиле Ван Гога, перед творчеством которого Станислав Петрович преклоняется. Но Станиславу Петровичу также присущ пластовский реализм в пейзажных зарисовках и натюрмортах.

С тоской о прошлом

Сравнивая прошлое и настоящее, художник отзывается о прошлом с тоской. Живопись, по его словам, была более академической, а сегодня уровень её упал, стал пёстрый, потому что нет той школы, которая была. Понизились и требования к художнику. Рядом с

работой мастера вешают работы, не стоящие внимания. Раньше такого не было. Нет худсоветов, которые критиковали, жёстко отбирали работы на выставки. Молодые художники не рисуют, а стараются зарабатывать деньги шабашками.

– Да, нет тех закупок картин, которые были в советское время. Но у художника есть кредо, он должен писать, он не может не писать, – считает Станислав Петрович.

А в советское время были серьёзные заказы. В здании железнодорожного вокзала в кафе до сих пор сохранилось панно-триптих, посвящённое старому Симбирску, которое выполнили на заказ известные ульяновские художники Горшунов, Клевогин и Слесарский. В старом здании Карамзинской библиотеки есть две музы, поэзии и истории, тоже выполненные Станиславом Петровичем.

Сейчас заказы художникам поступают, но меньше. Ещё лет семь назад Слесарский сделал портреты председателей Совмина в Казани.

Художниками рождаются

Скорее всего, не случайно этот заказ делал именно Слесарский. Он родом из Казани, жил в центре города. На вопрос, как стал художником, Станислав Петрович поправил:

– Художниками рождаются, а не становятся. Я с детского сада знал, что буду художником. Всегда рисовал. Это было как-то предначертано. Дед был сапожник, а дети его, мои дядья, стали художниками. Один из них был известным скульптором – Пётр Сажин. Он жил в Свердловске. Там до сих пор стоят памятники, сделанные им. Кстати, когда он лепил Павлика Морозова, я ему позировал.

Однако эстафету он перенимал только косвенно: в потайном чуланчике видел какие-то работы дяди довоенного периода, в основном слепки, и пытался их повторить, а из дедовых сапожных колодок вырезал кораблики. Позже, в школе, любил лепить коней. Но в художественной школе скульптурного отделения не было, только живопись. Так и пришлось Станиславу Петровичу стать живописцем, сейчас у него нет никаких сомнений, что это было так предначертано свыше.

Натюрморт с лилиями.1995.

В Ульяновск Станислав Петрович переехал вместе с семьёй в 1987 году по приглашению председателя реготделения Союза художников России Юрия Панцырева.

– Сюда мы приехали в первый раз в гости к Горшуновым – нашим давнишним друзьям, когда старшей дочке было где-то 4 года. Город поначалу показался неинтересным, как выразилась моя жена Людмила, у него не было лица: соборы канули в Лету, старые дома старались запрятать. Складывалось такое ощущение, что стёрта память города. В Казани тогда таких преобразований ещё не было, – вспоминает художник.

Однако Слесарские остались в Ульяновске, и город стал родным. Более того, Станислав Петрович отыскал село Матвеевка в Старомайнском районе, где когда-то жил его дед по линии матери. В 1990 году Слесарские с Горшуновыми купили там дом – так появилась возможность рисовать на природе, а Станислав Петрович таким образом вернулся к себе на родину.

– Небольшой город для меня всё-таки лучше: какая здесь неторопливость, спокойствие, нет дёрганья, как в Казани. Суета для художника, мне кажется, немножко не та среда, – считает Слесарский.

Деревенские мотивы

Станислав Петрович хоть и был городской, но деревня всегда его манила. Да и среда эта была отнюдь не чужой: в детстве всё лето художник проводил в деревне у бабушки. Первые его картины были посвящены красотам деревни. И одни из первых дипломов Станислав Петрович получил за «Утро колхозное», «Хлеборобов».

Весна. 1980.

«Дедовы просторы» оказались настолько интересными, что их выкупил Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. Но художник повторил эту картину, сделал копию, которая часто вывешивается на различных выставках.

Долгое время семью Слесарских кормила церковь: Станислав Петрович расписывал храмы в разных городах России. В Ульяновске он участвовал в реставрации старинного Воскресенского храма на старом городском кладбище – единственной культовой постройки архитектора Фёдора Ливчака. Некоторые лица святых на фресках храма были написаны художником фактически заново. Сейчас из-за плохого зрения Станиславу Петровичу пришлось отказаться от росписей храмов.

Но художнику не приходится скучать. Он решил заняться незаконченными работами, которых достаточно много. Среди них картина-фреска, где главный персонаж Андрей Блаженный – покровитель Симбирска. Художник над ней работает уже почти десять лет. По преданию, пока был жив Андрей Блаженный, в городе не было ни одного пожара. Он умел предупреждать об опасности. Станислав Петрович изобразил его как раз в такой момент. На картине, кроме портрета Андрея Блаженного, много симбирян разных сословий. Каждого из них хочется рассмотреть в деталях. Есть и незаконченная картина с Богданом Хитрово – основателем Симбирска, выполненная в лубочном стиле. Боярин скачет на коне по побережью Волги.

Вполне возможно, ульяновцы их в скором времени увидят на выставках.

Ирина Антонова

Слесарский Станислав Петрович родился 17.05.1945 года в г. Казани.

Окончил Казанское художественное училище (1964), Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (1973).

Работал в Творческой мастерской при Академии художеств под руководством Х. А. Якупова (г. Казань, 1978-1981).

Художник-живописец.

Участник зональных и всесоюзных выставок с 1974 г.

Картины находятся в музеях Казани, Пензы, а также в частных коллекциях Греции, Польши.

Член Союза художников СССР и России с 1980 года.

Заслуженный художник России.

Лауреат международной премии имени А.А. Пластова, 2016 г.

Валерий
КУЗНЕЦОВ

Уходящая осень

Стихи

* * *

…Оттуда приношу всегда
Я два иль три стихотворенья.
– Как яблоки ты рвёшь их? Да,
Как наливные, без сомненья.

Там сад забытых Гесперид
Или сады Семирамиды,
Там рифма словно шмель жужжит,
Там строфы хмелем все обвиты.

Со мною хочешь ты туда?
– Конечно, да, хотя – не знаю.
Дорога к тем плодам трудна,
Стена стоит там крепостная.

А яблок хочется поесть,
Ты говоришь, что нет их слаще?
– Ну что же, оставайся здесь,
А я пойду путём манящим.

Августовские стихи

1

Лету больше ничего не надо,
Всё, что есть – уже не изменить.
Медленно с холмов ползёт прохлада.
Я молчу. Что ж, так тому и быть.
Август, он не может быть не правым,
Значит снова это я не прав.
А вокруг как в песне: «травы, травы».
В августе ещё так много трав...

2. 26 августа

Двадцать шестое августа. Близко к финалу лета.
Хочешь тепла, пожалуйста. Только я не об этом.
Это тепло – прощальное, знаешь ты, скоро кончится,
Станет дальше, чем дальнее фамилия, имя и отчество.

Что, всё случайно? Может быть. Глаза я открыл доверчиво
Двадцать шестого. Боже мой! Прошло, и сказать мне нечего.
И я смотрю в отчаянье: что лето не знает, знаю я.
Одно здесь сбылось обещание, что ждёт всех дорога дальняя.

Двадцать шестое августа. Было недавно, словно бы.
Что же мне так не радостно, я будто у места Лобного.
Где вы, те лица давние, с любовью всегда смотрящие,
Вот те минуты главные, что мне без них настоящее?

Что ж я храню старательно тайну числа обычного:
Забудется всё обязательно, и ничего ведь личного.
Так всё всегда случается. Но двадцать шестое, что же в нём?
Сказка уже кончается, но всё-таки мы живём.

3. 31 августа 2016 г.

Стало привычным: проходит лето,
Проходит юность, проходит счастье,
Стало привычным: нигде, ни где-то,
Ничто, где целого нет и части.

Всё и ничто, а меж них дыханье…
Но вот ставшее так привычным
Позднеавгустовское похолоданье
Обернулось вдруг горем личным.

И от него не сбежать, ни скрыться.
Лето проходит… Страшнее ли скажешь?
Вам хорошо, камень, дерево, птица,
Чтоб с вами сделала мука та же?

И не завоешь, не по-людски мол,
В камень тяжёлый не обернёшься.
Медленно, медленно сумрак выпил
Летнее счастье берёзовой рощи.

Скорбь обречённых по обречённым…
Ну а по вечному плачет ли вечность?
Лето проходит… Что нужно ещё нам,
Чтоб бытия понять бесчеловечность?

Конец октября

1

Всё обложило тучами. Месяц зовётся октябрь.
Тоненьким солнечным лучиком, хотя б, осветить эту хлябь.
Здесь не до жиру: малое примем за милость высшую.
Словно весь мир под опалою, как под тучей этой нависшею.

Присуждены к изгнанию из земли, знакомой по Библии.
Октябрь. Ещё не страдание. Эту чашу ещё мы не выпили.
Всё обложило тучами. Безмерны хляби небесные.
Или себя всё мучим мы мукою бесполезною?

Уже почти и не верится, что там, за этими тучами,
Словно за тайной дверцею, всё полно мирами лучшими.
Голубое небо бездонное. Солнце и небо звёздное.
За тучей тысячетонною, за будущей мглой морозною.

2. Дождался автобуса

Слава Богу, что ждал я немного:
Лишь замёрз, до костей не промёрз.
Так непросто даётся дорога
Среди сбросивших листья берёз.

Я спешил побыстрее укрыться,
Я спешил побыстрее к теплу.
А ведь было не минус же тридцать –
Минус два поднесли мне к столу.

Как всегда налетело внезапно,
То, чего ожидалось давно.
Вот и ветер холодный царапнул,
Вот к шести уже стало темно.

И осталась одна бесприютность,
Вся вселенная – имя её,
Этот холод, бесцветность, вся скудность,
Что является к нам с ноябрём.

Но надеешься, всё же, на чудо,
На спасенье, любовь и тепло.
Вот автобус. Я еду отсюда.
Вот бы после мне так повезло.

3

Осень выпила цвет у зелёной травы,
У зелёной листвы, у бездонного неба,
И в конце октября не осталось, увы,
Для стремящихся выжить ни зрелищ, ни хлеба.

Краски смыло холодным и долгим дождём.
И остались для нас чёрный с серым, и только,
И по этому миру мы, цветные, идём.
Мы – другие, и, может, от этого горько.

Серость эту никак не признаешь своей,
И не спутаешь слякоть с родительским домом.
Осень спрятала счастье средь голых ветвей.
Вроде всё, как и раньше, но всё по-другому.

Но чем дальше живёшь, и чем дальше идёшь,
Ты и сам всё своё разноцветье теряешь,
И уже ты похож на октябрьский дождь,
Только сам вот об этом пока что не знаешь.

4

Да, в ночь уже минус, но днём ещё плюс –
Октябрь на исходе.
Однажды я утром воскресным проснусь –
Серость в природе.

Ни красок, ни пенья, ни радости дня,
Бездонности ночи.
Свершилось. Круг первый дождался меня
Без всяких отсрочек.

И кто бы в хорошем здесь не убеждал,
Здесь нет утешенья.
Ни ветер – как будто о стёкла металл,
Казнь за прегрешенья.

И это ещё не ноябрь. До зимы
Пока что не скоро.
Что ж дальше там, в нижних кругах среди тьмы
Позора, раздора?

* * *

Какой снег белый, где не ходят люди!
Какой свет белый, где совсем их нет!
Тропа вот эта – серая, как будни,
Дорога эта – вязкая, как бред.

И я иду по ним, и шаг за шагом
Сам пачкаюсь всё больше по пути,
Но, как бы это ни было мне благом,
Стыжусь по снегу белому идти.

Я лучше на него взгляну сторонкой
И чудному сверканью подивясь,
И чистоте, что словно смех ребёнка,
По грязи дальше понесу я грязь.

Похмелье

Как долго длится похмелье!
Веселья уж нет как нет,
А это проклятое зелье
Всё в голову бьёт как кастет.

А вспомнить – и вправду было,
Что было, да было всё.
Сейчас это – жизнь бескрыла
И тягость одну несёт.

А помнишь, как пело счастье,
Что детством звалось, ответь?
И кто ж ему в адской власти
Посмел приказать умереть?

А юность… О, как пьянила,
Кружила, вперёд вела,
Великая всё же сила!
Великая… Да. Была.

Жизнь мнилась вином бесценным,
А пойлом протухшим – потом.
Финалом своим неизменным
Сдала ты нас, жизнь, на слом.

И вот, всё похмелье мучит
И крутишься всё ужом
От знания, что не лучше,
А хуже всё будет потом.

* * *

Богомольцем бы пойти мне, что ли,
Только вот погибну я легко:
Голод, холод, чья-то злая воля
И, не важно, город будет, поле –
Всё равно уйду не далеко.

Это может где-то иль когда-то,
Но не здесь и вовсе не сейчас.
Только вправду: время ль виновато?
Ну и что твоя ума палата,
Вот же деньги. Вот твоя зарплата,
Выходи в последний, в первый раз.

Будет солнце или будет ветер.
Дождь и слякоть, снег и листопад.
Будешь ты один на целом свете
Умирать и видеть краски эти.
И жалеть, что не пошёл назад.

* * *

Если сердце настояно на
Горечи дней прошедших,
Если сходит с веретена
Нить тонкая парок вещих,

Если время уже пришло
Молчания, а не речи,
Если видел добро и зло
На весах человечьих,

То кто же тогда ты есть,
Человек по названью?
Как оправдаешь ты – здесь
Длящееся существованье?

Не знаешь, что будет потом?
Весна потом будет и лето.
Но кому ты расскажешь о том,
Кому ты расскажешь об этом?

Античность

1

Не задавай вопросов. Ответов не ищи.
Оракул всё предрёк. К чему теперь сомненья?
Они уже идут: мечи, щиты, плащи,
На шлемах медных пышность оперенья.

Седлай коня и в путь. Коня нет – так осла.
Осла нет, так шагай, пока шагают ноги.
До моря доберись. Там лодка, два весла.
Садись. Греби. И брось свой скарб убогий.

Забудь про свой язык. Забудь своих богов.
Язык твой палачи употребляют ныне.
Сейчас молчи. Замри. Ты слышишь шум шагов? –
Они дары несут твоей святыне.

Они забрали всё. И что же здесь твоё?
Богов, честь предков – всё – они себе забрали.
Не хочешь быть один? Но мы с тобой – вдвоём.
Здесь жизнь и честь свои спасти тебе едва ли.

А небо чисто так, и так вода вкусна
Из с детства мне знакомого колодца,
И так шуршит легко у берега волна,
Что думаешь: а может, обойдётся?

2

Звон статира, ухмылка сатира,
Удивленье в глазах дриад…
К ночи ветрено стало и сыро
И не слышно уже цикад.
Что хотел ты, уже ты сделал.
Что осталось? Бежать? Куда?
Весть голубкою вдаль полетела
Как беда навсегда от стыда.

Аполлона горящие стрелы,
Зевса молнии, что теперь?
Были эти одежды белы,
А теперь ты стал сер от потерь.
Закрываю глаза и уши
И бегу, и бегу, и бегу.
Меня душат эринии, душат
И спастись я уже не могу!
Кто бы вышел сейчас мне навстречу,
Протянул бы меча рукоять?
Да, страдать – это по-человечьи,
Ошибаться и умирать.

3

Я засыпаю. Значит этот сон
Сейчас закончится, что бы прийти другому.
А где же я? В тех снах я растворён
И погружён в предсонную истому.
Мне обо мне всё объяснит Платон
В тени колонн и тонких кипарисов.
Да нет, же, нет! Опять всё это – сон
И только смерть ему бросает вызов.
Цикад упрямых слышен резкий треск,
Лишь ночь приносит тишину с прохладой
И на волнах луны размытый блеск
Не виден нам за длинной колоннадой.

* * *

Шпага звякает о ступени,
Шляпа скрыла сейчас лицо.
Полумрак. Анфилады. Тени.
Турмалиновое кольцо.

Здесь цена твоих клятв и обетов.
Здесь цена твоей жизни уже.
Паутина всей лжи и наветов.
Гобелены. Ватто. Буше.

И, конечно, уже не исправить,
И, конечно, нельзя назад.
Это жжет твоё сердце память
Среди всех колоннад, балюстрад.

Суета. Крики. Кровь. Рыданье.
Вот и всё. И другого – нет.
Это грозное смерти молчанье.
Реверанс. Контрданс. Менуэт.

Ещё о России

1

Далеко от моря-океана,
От Алатыря, святой горы,
Слез с печи Емеля рано-рано,
Загодя до утренней поры.

Что хотел, теперь уж и не вспомнишь,
Вышел, как и не был. Эй, постой!
Может быть, кого-то звал на помощь,
Только вот откликнулся-то кто?

Бог высоко, а душа-то где же?
Что с ней сделал, молодец, скажи?
Тернии, волчцы, зубовный скрежет…
Неужели сладко без души?

Вот и вся история простая.
А кого винить, да всех подряд:
Наш народ один достоин рая,
Он один ни в чём не виноват.

2

Вот, взгляни, эта наша Россия:
Книзу стелют косые дожди,
И когда, и о чём не спроси я,
Мне ответят: «пощады не жди».

Разве знают её эти дали,
Где почили, а сколько там их?
Не считали, забыли, едва ли
Кто-то помнил о них и живых.

Сколько сломлено, цепом вколочено
В эту землю, туда, с головой.
Ничего здесь ещё не закончено,
Ничего здесь уже не впервой.

3

Берёзы-то в чём виноваты,
Иль сосны вот эти, дубы,
Что люди вокруг вороваты,
Что честны здесь только гробы.

Когда говорю, что люблю я
Россию, кого ж я люблю?
Травинку, конечно, любую,
Сосну, что годна кораблю,

Просторы, что больше чем надо,
Иль ключ с ледяною водой,
Но муть хамоватого взгляда
Грозить может только бедой.

Её не любить невозможно –
Россию лугов и полей,
Но я обойду осторожно
Живущих в России людей.

* * *

Налево сума, направо тюрьма,
Выбор не очень велик.
Сойдёшь с ума, пропадёшь задарма,
Выбери – стон или крик.

Бежать – не сбежал, терпеть – не стерпел.
Зачем-то глядишь на ладонь,
Там линии, пальцы, а что ты хотел,
Не пройдя сквозь лёд и огонь?

* * *

Слава Богу, что не навсегда,
И, слава Богу!
Шумит вода, гудят провода.
Пора в дорогу!

Всё давно рассказал уже вам,
Я всё сказал вам.
Никто не верил моим словам.
Что ж – по вокзалам!

Гудок возмездья. Знаю, в нём нет
Прощенья чуда.
Тревога горном звучит вослед
Из ниоткуда.

Сияют звёзды, таких нет там,
Там всё другое.
Не навсегда! Назад, по следам,
Домой, к покою.

Июня начало

Полетела песня тополиная,
Что несёт нам: радость или плач,
Или, может, путь-дорогу длинную?
Лето, лето – отблески удач.

Как, наверно, умирать не хочется,
Когда словно лебединый пух,
Не спросив ни имени, ни отчества,
Эта песня вдруг заденет слух.

Отчего же в радость мне не верится?
А вокруг тебя, вокруг меня
Вьётся эта лёгкая метелица,
В белый мир безмолвно нас маня.

Ей уже не скажешь «до свидания»,
Вот уже и ты, пусть груз тяжёл,
То ль о встрече, то ль о расставании,
Напевая песню, вдаль пошёл.

Детство

1

Земля была ближе, больше трава,
Родители выше.
Другая внешность, мысли, слова,
Но это всё ты же.

Всё это как память о жизни иной,
Но в чём её ценность?
Но если – я им был, но если – он мной,
То, значит, я – цельность.

И эта вот жизнь – не далёкий ли день
Забытого детства,
Случайно на Землю упавшая тень,
А я – по соседству.

Что он сейчас мне, и что я для него,
Кто «я» назовётся?
Две разные части того одного,
Кто старше, чем солнце.

2

Моё детство почти позабыто,
Тот ребёнок, он кто для меня?
Так пред вечностью, что ныне скрыта,
Что есть отблеск вот этого дня?

Я уже не пойму: это я ли?
Что случилось, случилось со мной?
Неужели мы с ним проживали
Этой общею жизнью одной?

Мне уже не страшны его страхи,
Его горе не мучит давно.
Так, тому, кто простёрся на плахе,
Всё, что было, уже всё равно.

Его мысли о близком грядущем,
Что его неминуемо ждёт.
И не зная про райские кущи
Тихо мальчик куда-то идёт.

* * *

Почему они так не похожи,
Солнце утреннее и вечернее?
Словно бы не одно и то же,
Хоть одно оно, тем не менее.

От надежды рассвета к прощанию,
От веселья к печальному реквиему.
Значит, вновь не сбылись обещания,
Значит, вновь нас утешить некому.

* * *

Меня друзья мои спросят: «А где же твои друзья?»
Отвечу: «Остались в прошлом, вернуть же его нельзя,
Вы там остались, где юность уверена в светлых днях.
Да, вы, друзья, не вернулись, в моих затерявшись, снах».

Теперь, вас, друзей, не встречу: был друг, ну а стал не друг,
Хоть буду идти навстречу, хоть свет обгоню и звук.
Я вас обоих увижу, но друга – не одного.
Не бойтесь, идите ближе, возьмите тепла моего.

Меня враги мои спросят: «А где же твои враги?»
Отвечу без всякой злости: «Ищу и не вижу не зги,
Остались в прошлом, что только в моей голове живёт,
Нелепы, как будто польку танцуют удод и крот».

Ау, эй, враги, да где вы! Откликнетесь хоть один!
Молчат и земля, и небо, ни звука из прошлых годин,
Я, может быть, вас увижу, врага же – не одного.
Не бойтесь, идите ближе, возьмите тепла моего.

* * *

Лето, взгляните, внезапно пришло,
Лето!
Здесь уже стало тепло и светло,
Здесь, а не где-то!

Это не мелочь. В стране ледяной
Лета так мало,
Но вот и в ней, не в какой-то иной,
Лето настало.

Будем, как жемчуг, считать его дни,
Петь, веселиться,
Плакать, когда все растают они,
Твердить небылицы.

Что-де когда-то в раю жили мы,
Но нас изгнали.
Счастливы ныне жить в царстве зимы?
Едва ли, едва ли.

Но вот и к нам наше лето пришло,
Счастье, прощенье!
Лето! Возьми на своё нас крыло
Без возвращенья!

Вселенная

1

Вселенной, что не знает обо мне,
Я был рождён – и вот начало драмы.
Я смертный сын своей бессмертной мамы,
Мне страшно с нею быть наедине.

С глухонемой, слепой, да и живой ли,
Не ведаю, но знаю я одно:
Я жив ли, мёртв, ей это всё равно,
Ей не узнать моей тоски и боли.

Она ж меня когда-нибудь убьёт,
Как и рождала, ни о чём не зная.
О, если бы, о, если б мать другая
Мне подарила к радости полёт!

2

Когда б вселенная, как любящая мать
Мне с нектаром бы в рот сосок вложила,
И потекло б по моим юным жилам
Бессмертие! И я бы мог летать

Подобно свету через все миры!
Когда бы теплота живого тела –
Родного, материнского согрела
Меня... О, если б эти мне дары!

Не пасынком, а сыном быть бы мне
Желанным, долгожданным и любимым
И счастьем мне сиять необозримым...
О, эту мать увидеть хоть во сне!

3

Я выше, чем вселенная. Я мыслю.
Так почему ж пред нею я ничто?
И даже камню я лишь звук пустой,
Хоть всю её порой в уме я числю.

Где справедливость? – возопить я б мог,
Да не к кому, живой лишь слышит что-то.
Она мертва. Что будет ей заботой?
А я всё рвусь, всё рвусь я за порог.

Безмерный камень, а внутри там – я,
Мгновенно, просто так, неповторимо...
Воистину, я только тень от дыма,
Как Тютчев написал, печаль храня.

4

Кто я такой – узнаю я потом.
Он всё забыл, кто я на самом деле.
Живя с рождения вот в этом теле,
Уж странно то, что думаю о том.

Подобных мне, сколько сменил личин,
Но вдаль глядел он нашими глазами,
Чтоб навсегда потом расстаться с нами,
О, череда то женщин, то мужчин!

Что принесу ему я в свой черёд?
Как он изменится, возьмёт какую маску?..
Я сам себе рассказываю сказку,
Как будто нет сейчас других забот.

Простое стихотворение о простом

Идёт поэт из магазина,
Где хлеб купил и молоко,
А ветер нынче дует в спину
И, может, потому легко.

Как будто молодеет тело,
Идёт, не ведая забот.
Обычное, конечно, дело:
С работы в магазин поход.

Но что-то всё не так сегодня
(Да отчего ж легко-то так!)
И словно окрик пароходный
Его всё ускоряет шаг.

Ни таинств и ни откровений,
Да и идти не далеко,
Но что есть жизнь без тех мгновений,
Когда, вот просто так, легко?

* * *

Всё. Отплясала Саломея,
Но запах тела всё стоит,
И, словно от него пьянея,
Все позабыли здесь про стыд.

И грозный Ирод дышит грузно.
«Что хочешь, требуй от меня!»
Что танец делает искусный,
Как зверя и царя дразня!
А плата – голова пророка,
И меньшей платы в мире нет.
Жестоко? Для людей жестоко,
Но для людей ли этот свет?

Из зала вышли, чуть шатаясь,
Все царедворцы. Ночь черна.
История совсем простая,
Но оттого- то и страшна.

Чемпионат мира по футболу

Болею за Германию. Забыто,
Что дедушка мой немцем был убитый,
Что бабушка вдовою в двадцать лет
С двумя детьми осталась. Дела нет
Сейчас до прошлого. Что ж я за внук-то, право?
Всё гола жду, желаю фрицам славы.
Вот так собой стирает время всё.
И даже боль. И даже смерть. Её
Собой давно трава на поле скрыла.
Словно вселенная безмолвствует могила.

* * *

Как будто вкруг одна пустыня
И ветер гонит вдаль песок,
И горизонт, он так далёк,
До выцветшей когда-то сини.

И лишь верблюд, подобно Ною
Себя к спасению ведёт:
Он знает, что спасётся тот,
Кто жив лишь истиной одною.

* * *

Так это облака!
А я-то думал – боги
Оделись в эти тоги
И смотрят свысока.

Так небо без конца!
А я-то думал – сферы
Вливают воздух веры
В горячие сердца!

Так всё совсем не так!
А я-то думал – чудо
Приходит ниоткуда,
Наш поправляя шаг.

Так что же делать нам?
Жить в заведённом мире,
Где дважды два четыре
И власть дана часам?

* * *

Пора по домам уже, что ли?
И ели, и пили, и пели,
И выли от горя и боли,
И раны считали на теле.

И время уже прямо к ночи,
Хозяева смотрят уныло:
Что гость надоедливый хочет,
И то, что не съели – остыло.

В прихожей толпимся без толку,
Свою ищем обувь, одежду,
То смотрим на пол, то на полку.
Что плащ? Потеряли надежду.

Надежду на смысл и прощенье,
На счастье, что с нами пребудет,
На тайну, что средь угощенья
Лежит, верно, где-то на блюде.

Уходящая осень

Осень неактуальна –
Наступила зима,
И (как это не печально)
Закрылись её закрома.

Какие ей пелись гимны,
И оды слагались ей,
И как она нас картинно
К груди прижимала своей!

Там были такие роли!
Там были такие пиры!
А ныне уже поневоле
Забылись её дары.

Быть может интриги и зависть,
Дворцовый переворот?
Не знавший её величавость
Едва ли здесь что-то поймёт.

Но вместе с её уходом
Вдруг сникли любимцы все.
Где ныне державшийся лордом
Сентябрь в своей красе?

Настали другие нравы,
Других фаворитов блеск –
В сверкании новой славы
Нисходит зима с небес.

Балет

Ты б рассказал про этот зал,
Про таинство балета,
Как демон музыки восстал
В адажио одетый.

Вы слышали, как замер звук,
И балерина мира
Вдруг выронила всё из рук
И стала как рапира?

Вы знаете, что до конца
От самой первой ноты
Бог не показывал лица?
И ты, ты знаешь кто ты?

И так, пока не вспыхнет свет,
Всё будет не иначе,
А ведь до света столько лет,
Что даже вечность плачет.

Выходит автор на поклон
Из неприметной ложи.
Да, да, конечно, умер он,
А ты? Ещё иль тоже?

Рим

1

Какое счастье родиться в Риме и в нём умереть,
Средь пиний уснуть и не знать о снегах и пространствах.
И не страшны не сума уже и не плеть.
Вот оно – лучшее постоянство.

Средь всех миллионов, паломник один не найдёт ли себе уголок,
Дугу не опишет в ладонь его даром небесным монета?
И север далёк, и далёк отсюда восток.
На все вопросы нашёл я ответы.

В тени Колизея глядел бы я на Палатин,
И свет бы смеркался в глазах моих, медленно тая.
Я знаю про это. Их много, но Рим, он один.
Вот правда простая.

2. Отражение Рима в воде

Наполнены чаши
Фалернским вином
И хной изукрашен
Доверчивый гном.

О принцепсе споры
Сейчас далеки.
Идут разговоры.
Молчат старики.

Так боги хотели,
Сивилла рекла,
И встали с постели,
Легли у стола.

Пусть Цезаря воля
Звучит не сейчас,
В той были нет боли,
Не правда ли, Красс?

Бездонное небо,
Одна синева,
И мрачность Эреба
Всего лишь слова.

Кузнецов Валерий Николаевич родился в 1965 году на ст. Шарлово Карсунского района Ульяновской области.

Работает в Ульяновском государственном педагогическом университете, доктор исторических наук.

Автор нескольких книг стихов.

Награждён Благодарственным Письмом Губернатора Ульяновской области (2016).

Член Союза писателей России и Союза русских писателей.

Современная русофобия родом из России

У современной русофобии имеются разветвлённые и разновозрастные корни, уходящие в далёкое прошлое, но нам следует в первую очередь признать, что на сегодняшний момент основная причина недоброжелательного отношения западных стран к России заключается во внутренней политике РФ. Сначала Европа со злорадным удивлением взирала, как великая держава разодрала самоё себя на пятнадцать частей, а затем начала поливать грязью свою историю и святыни, одновременно возвеличивая всё европейское и тем более американское. И это выглядело ни чем иным как приглашением Западу воспользоваться случаем и покончить с Россией и русским народом самым лёгким путём через финансовую и пропагандистскую поддержку антинациональных сил внутри России. К счастью, это пока не случилось. Но смертельная опасность ещё не устранена и даже не осознана.

Вместо реальных шагов по укреплению стратегических позиций России в области культуры и нравственности, на многочисленных телешоу политологи стали изображать бурное возмущение западной русофобией, словно это какая-то коварная неожиданность со стороны лукавого госдепа. Но разве не мы сами стали коверкать русский язык в угоду националистам отколовшихся республик (Таллинн, Алма-Аты, в Украину и т.д.). Почему-то никто не вспоминает вопли о русском фашизме в начале 1990-х, как и вопли Новодворской, что «Русским место у параши!». Почти то же самое говорит и сейчас завсегдатай телешоу некто Сытин.

И это, так сказать, примеры навскидку, но их можно перечислять с утра до вечера. Стоит включить радио – и в каждом радийном часе можно услышать несколько издёвок над Россией, в каждой телепрограмме обязательно найдётся несколько страдальческих кивков на рабский менталитет русского народа, вся современная литература букеровского помёта кишит русофобскими штампами. Почти всё современное кино и ряд театральных и оперных постановок – откровенная русофобская мазня дельцов типа Серебреникова, Богомолова и Учителя.

Разве такое провокационное отношение к державообразующему народу не опасно для самого существования государства?.. А что если США вдруг начнут сострадать русскому народу, и захотят наладить с ним доброжелательные отношения, например, выплатят каждому пенсионеру разовый подарок в сто долларов прямым почтовым переводом, а богатые

штаты возьмут шефство над депрессивными регионами?.. Но, до такой народной дипломатии человечество ещё не созрело.

Презрительное отношение политической элиты США к элите России объясняется очень просто. У нас политические и экономические воротилы почему-то считают, что ликвидировав социализм, советскую культуру, социальную справедливость, ограбив народ приватизацией, разрушив советское образование и медицину, искусственно создав класс эксплуататоров, они получили за это право занять равное место среди руководителей и воротил бизнеса цивилизованных государств. Но у западных буржуев своя протестантская гордость. И своя протестантская этика, в которую никак не вписываются разбогатевшие победители социализма. И зря они обижаются на «Америкосов», встречаясь на каждом шагу с презрительным отношением к себе как к людям безнравственным и бесчестным, которые пытаются превратить страны Запада в кубышки для сохранения награбленных в России богатств. От дармовых денег Запад, конечно, не откажется, но так называемых российских олигархов на порог своих офисов в качестве партнёров не пустит, они в его глазах – безнравственные негодяи, разбогатевшие не по воле Бога, как все американские миллиардеры, а благодаря наглой ловкости в присвоении общенародной собственности.

Но сказанное выше – вершки современной русофобии.

Между Россией и Западом существует извечное противоречие в понимание ими свободы и справедливости.

Если у европейца справедливость возникает из свободы воли, то есть она вторична и представляет собой «право сильного», то в России справедливость первична, она обязательна для всех без исключения, и свободным человек может стать только через справедливость для всех.

Это определяют суть русского человека как коллективистскую, а справедливость из свободы воли определяет суть западного человека как индивидуалистическую. Они обе возникли в незапамятные времена как фундаментальные категории культуры двух разных цивилизаций, вынужденных соседствовать друг с другом на ограниченном пространстве, и обречённых вести борьбу за выживание.

В силу этих причин русофобия на Западе – явление вполне объяснимое и закономерное. К ней русским надо относиться спокойно, потому что для европейца русофобия – такой же родовой призрак, как узкоглазие у китайцев или чёрный цвет кожи у негров. Западная русофобия для русских даже полезна, поскольку позволяет им освободиться от иллюзий человеческого братства.

Русские должны понять, что за своё прекраснодушие они уже заплатили слишком большую цену.

Марина Изварина

Любое кино – это поделка под искусство

Мы живём в гиблое время обесценивания и исчезновения духовных смыслов. То, что возвышало человечество в области духа, умалилось, утратило манящую притягательность, и это произошло не силу объективных причин, но было сознательно унижено и даже втоптано в грязь опошлением искусства как камертона эстетической и нравственной жизни человечества. Если раньше люди тянулись к искусству, то теперь опошленное искусство тянется к их кошелькам, и во имя прибыли готово на всякие ухищрения, чтобы опустошить их, не замечая, что потакает низости во всём и везде.

В Европе пошлость стала хозяйничать в искусстве гораздо раньше, чем у нас, но мы за последние тридцать лет резко сократили отставание благодаря целенаправленной политике Министерства культуры РФ, которое проявляет к «современной» культуре гораздо больше интереса, чем к русской.

Так уж получилось, что самыми важными и неприкасаемыми лицами в культуре у нас стали раскрученные СМИ режиссёры кино.

Считается, что они своим творчеством генерируют духовные смыслы самого высшего порядка и без отдыха находятся в жизненно важном для человечества поиске новых нравственных ценностей, чтобы заменить обветшалую христианскую мораль всемирной толерантностью.

Режиссёры якобы духовно обогащают народ своим высоким и дерзновенным искусством, именно искусством, как твердят они сами, как уверяют нас кинокритики, и безоговорочно верят в это все кинозрители.

Должен всех огорчить: кино – это не искусство, никогда им не было и не будет, как и всё то, что является нам из так называемого человеческого прогресса. Дело в том, что братья Люмьер – это не Аполлон Мусагет, предводитель муз, и кино родилось не в божественной колыбели под звон лирных струн, а в мастерской даровитого умельца в виде примитивного киноаппарата.

Если «повитухой» муз была Красота, то киноаппарат был создан по соображениям практического свойства. И хотя об искусстве кино сказано много и будет сказано ещё больше, от этого кино всё равно не станет искусством и по указанной причине, и по нескольким другим, хотя бы по этим.

Кино – это не искусство, поскольку не имеет только ему принадлежащего оригинального творческого языка, который имеют: литература – слово, музыка – звук, живопись – цвет и линия, чтобы выразить им самые сокровенные смыслы бытия. Скорее, это совершаемый по определённым правилам и планам производственный процесс, который можно назвать творческим с большой натяжкой, поскольку кино создаётся не как нечто цельное, как скульптура из глыбы мрамора, а собирается из сценических разнородных, иногда противоречащих друг другу, фрагментов, и цельность

любого киношедевра весьма условна. В процессе кинопроизводства трудно выделить конкретного единого автора. Режиссёр?.. Но он, скорее, куратор проекта или прораб. Если говорить о художественной составляющей кинокартины, то почти всегда её «авторство» принадлежит оператору и композитору. О каком-либо режиссёрском творческом вдохновении говорить не приходится.

Можно только признать, что он создаёт нечто, что не может тягаться с искусствами божественного рода в искренности, глубине проникновения в человеческую душу, гармонии, и, самое главное, в очеловечивании людей, и поэтому **кино никогда даже не приблизится к поэзии, музыке и живописи.**

Главным производителем кино является киноаппарат, и его можно даже представить в виде рукотворного живого существа с глазами (оператор), речью (сценарист и актёр), музыкой (композитор и звукооператор). Это существо приводит в движение и останавливает режиссёр. Его творческая работа заключается в просмотре и отборе кинокадров. Конечно же, она имеет весьма отдалённое отношение искусству.

Кино – это не искусство, потому что творческий процесс режиссёра начинается с денег (смета расходов) и заканчивается деньгами (прибыль). И это совершенно не совпадает с творческим процессом в подлинных искусствах, где первично выполнение творческой сверхзадачи, которую мастер сам ставит перед собой, сам её решает и оценивает содеянное. И только когда мастер будет удовлетворён исполнением, он может предложить законченное художественное произведение для публикации издательству, выставить в художественный салон, представить для рассмотрения в оперный театр.

На этот счёт есть признание А. Пушкина, что стихи он пишет для себя, а продаёт их издателям за деньги. То же самое скажет и музыкант, и художник, они тоже работают по внутреннему творческому побуждению для себя, в отличие от творческой киногруппы, где все всегда работают за деньги.

Если говорить о современном российском кинематографе, то он не только не вписывается в контекст культуры русского народа, а зачастую ей прямо враждебен, поскольку основан на искажениях правды или прямой лжи. И это началось ещё во времена «оттепели».

Вот что писал об этом М. Шолохов в письме Л. Брежневу после выхода кинофильма «Как царь Пётр арапа женил»:

«Одним из главных объектов идеологического наступления врагов социализма является в настоящее время русская культура, которая представляет историческую основу, главное богатство

социалистической культуры нашей страны. Принижая роль русской культуры в историческом духовном процессе, искажая её высокие гуманистические принципы, отказывая ей в прогрессивности и творческой самобытности, враги социализма тем самым пытаются опорочить русский народ как главную интернациональную силу советского многонационального государства, показать его духовно немощным, неспособным к интеллектуальному творчеству. Не только пропагандируется идея духовного вырождения нации, но и усиливаются попытки создать для этого благоприятные условия».

http://kpss-ru.livejournal.com/131218.html

Брежнев и его «ленинское политбюро» так и не заметили наступления на советское государство воинствующей буржуазной пошлости, которая в первую очередь захватила кинематограф, где всегда на заглавных ролях находилась сплочённая когорта режиссёров, сценаристов и кинокритиков, весьма недоброжелательно относившихся к русской культуре.

Выпавшие в силу исторических обстоятельств из местечковой еврейской культуры в советскую культуру с её безудержным интернационализмом во всём, что касалось коренных интересов русского народа, они весьма преуспели в умалении его коренных смыслов. Брежнев не согласился с великим русским писателем, хотя последующие исторические события полностью подтвердили его правоту.

Влияние кинодеятелей либерального пошиба на культурную политику государства стало особенно сильным после изменения политического строя.

Под видом борьбы с социализмом режиссёры создали на народные деньги множество кинолент, оскорбляющих культуру русского народа, оплёвывающих его историю, унижающих его подвиг в Великой Отечественной войне, и этим окончательно лишили кино права называться искусством.

Кино убила низменность содержания, а его творцы сами себя причислили к нечистоплотным дельцам рынка пошлых услуг, оттеснив партийную журналистику на третье место.

Николай Суздалев

Поздравляем с Юбилеем!

25 ноября исполнилось 70 лет Людмиле Ивановне Полотнянко, преподавателю Ульяновского фармацевтического колледжа, бессменному ответственному секретарю журнала писателей «Литературный Ульяновск».

Идея создания в Ульяновске литературно-художественного журнала занимала местных писателей со времени перестройки, были даже неудачные попытки её осуществления, пока летом 2006 года группа писателей (Н. Полотнянко, Е. Мельников, Г. Дёмин, В. Ташлинский и др.) не сделали складчину деньгами на типографские расходы для издания первого номера «Литературного Ульяновска».

Одновременно был решён вопрос с бесплатным исполнителем всех технических работ по выпуску журнала (ответственный секретарь).

Им по своей инициативе стала Людмила Полотнянко, выпускница Омского медицинского института, преподаватель Ульяновского фармацевтического колледжа, быстро освоившая все направления журнально-издательской работы в свободное от основной преподавательской работы время.

Круг обязанностей ответственного секретаря литературного журнала достаточно обширен и включает в себя: приём рукописей от авторов, совместная с главным редактором предварительная их оценка, рассылка для ознакомления членам редколлегии, первичная корректура, набор текстов на компьютере, макетирование журнала, подбор иллюстраций, шрифтов, выбор темы обложки, и, самое важное – художественное редактирование произведений, совместно с главным редактором и авторами.

Одновременно, ввиду отсутствия корректора, ответственный секретарь делает полную вычитку журнала, уточняет имена, даты, расставляет иконографию, сдаёт журнал в типографию для тиражирования.

Опыт работы говорит, что на подготовку одного номера журнала требуется примерно месяц, при двухчасовой ежедневной работе, или около 45-50 часов работы с 4-5 выходными. Итого на 30 номеров журнала за 10 лет Людмила Полотнянко затратила примерно 1600 часов своего личного времени, довольствуясь лишь скромным сознанием, что её труд нужен людям, а также авторской и читательской благодарностью.

Высоко оценивая уникальный вклад Людмилы Ивановны Полотнянко во все выпуски журнала, следует сказать, что она и на своей основной работе в Ульяновском фармацевтическом колледже добилась впечатляющих успехов:

написала и издала в столичных издательствах пять учебников и учебных пособий, рекомендованных Министерством здравоохранения РФ для использования в учебном процессе в средних медицинских учебных заведениях.

Кроме этого, ею написано восемь учебных пособий, которые в течение многих лет используются в образовательном процессе Ульяновского фармацевтического колледжа.

Людмила Ивановна входит в состав рабочей группы по формированию методического сопровождения Федерального государственного образовательного стандарта специальности Лабораторная диагностика Министерства здравоохранения РФ. Как член рабочей группы приняла участие в разработке проекта примерного учебного плана и рабочих учебных планов по специальности «Лабораторная диагностика», базовой и углубленной подготовки, разработала двадцать примерных программ учебных дисциплин и профессиональных модулей, входящих в программы обучения студентов по этой специальности.

Людмила Ивановна проводит научно-исследовательскую работу в области педагогики и клинической лабораторной диагностики. Результаты исследований представлены в 46 публикациях по педагогической, научной тематике, опубликованных в журналах и материалах конгрессов, международных (Томск, 2007, Санкт-Петербург, 2011, Чебоксары,2012,2014), всероссийских (Курск, 2009, Ярославль, 2010, Йошкар-Ола, 2011), межрегиональных (Ижевск, 2012, Ульяновск) конференций.

Полотнянко Людмила Ивановна избрана Адемическим советником Российской академии естественных наук (2011).

За 44 года работы преподавателем специальных медицинских дисциплин в Ульяновском фармацевтическом колледже Людмила Ивановна подготовила около 3800 специалистов по клинической лабораторной диагностике, которые работают во многих регионах России, в том числе, в государственных и частных лабораториях г. Москвы и Санкт-Петербурга.

Награждена знаком Министерства здравоохранения РФ «Отличнику здравоохранения» и Почётной Грамотой губернатора Ульяновской области.

Союз русских писателей, Ульяновск
Редколлегия журнала «Литературный Ульяновск»

Памяти товарища

12 сентября 2017 скончался ульяновский известный общественный деятель, изобретатель, педагог, писатель Щербаков Евгений Фёдорович.

Родился в мае 1939 г. в с. Потодеево Наровчатского района Пензенской области. Окончил Беднодемьяновский техникум механизации и электрификации сельского хозяйства в 1957 году. Работал мастером производственного обучения в Государственном техническом училище в г. Каменке Пензенской области, где осуществлялась подготовка электромехаников сельской электрификации (1957-1960гг). Работал в должности главного энергетика строительного треста «Цемстрой» (1960–1964). С участием Евгения Фёдоровича строились предприятия строительной индустрии, жильё и объекты социально-культурного назначения в г. Новоульяновске. В 1962-1964 гг. был начальником штаба комсомольской ударной стройки. За пуск Ульяновского цементного завода награждён Знаком «Отличник социалистического соревнования РСФСР».

Работал начальником лаборатории электрических аппаратов на заводе низковольтных аппаратов «Контактор» в г. Ульяновске. Написал руководство «Испытания электрических аппаратов» (1985), которая стала в СССР первой книгой, посвященной испытаниям электрических аппаратов.

Кандидат технических наук. Диссертацию защитил в 1982 году в Московском энергетическом институте (МЭИ).

Автор 32 изобретений и более 140 опубликованных научных работ.

Работал заведующим конструкторским отделом электрических аппаратов в Ульяновском отделении ВНИИэлектроаппарат. В отделе разработаны автоматические выключатели на токи 1000-2000А, применяемые на подстанциях промышленных предприятий и других объектов. Осуществлял руководство разработкой многоамперных разъединителей до 100 кА.

Награждён почётным знаком «Изобретатель СССР».

Более 20 лет Евгений Фёдорович отдал педагогической деятельности, щедро делясь своими знаниями и умениями с молодёжью.

В 1984-1992 гг. преподавал в политехническом институте и техникуме железнодорожного транспорта (1992-2007). Работал в должности заместителя директора по научно-методической работе в Ульяновском техникуме железнодорожного транспорта (1992-2007). Евгением Федоровичем написаны учебники и учебные пособия (в соавторстве) для подготовки специалистов с высшим и средним профессиональным образованием: «Испытания электрических аппаратов (1985), «Электрические аппараты» (2005, 2007, 2014), «Электроснабжение и электропотребление на предприятиях» (2007, 2010, 2014), «Электроснабжение промышленных предприятий» (2008), «Электроснабжение и электропотребление в

строительстве» (2012), «Физические основы электротехники» (2012), «Электрические машины и аппараты» (2012).

Издано учебно-методическое пособие для преподавателей, повышающих образование: «Организационные формы обучения в образовательном учреждении среднего профессионального образования» (2005).

Учебные пособия изданы в издательствах Москвы, С-Петербурга, Ульяновска.

В 2007 г. им издана книга «Общество и государство».

Активно сотрудничал как публицист с газетой «Ульяновская правда» (1997–2002).

Член «Союза русских писателей, Ульяновск». Издал сборник повестей «Отчий дом» (2006), сборник рассказов «Между лесом и полями» (2008), сборник стихов «Судьба» (2008), роман «Семья».

Произведения Щербакова были напечатаны в журнале «Литературный Ульяновск», в альманахе «Гончаровская беседка», в газете «Родной край» Наровчатского землячества.

Евгений Фёдорович Щербаков представлял собой исключительно редкое в наши дни явление писателя-самородка, чей талант не прошёл «огранку» в литобъединениях, а был явлен читателям как безыскусное и правдивое Житие русской деревни.

Герои его произведений – сельские жители, труженики земли русской. Не понаслышке знал писатель их быт, труд, уклад жизни – ибо сам был плоть от плоти крестьянин, пусть в прошлом, но кровное и духовное родство, – что может быть крепче?

Щербаков знал и чувствовал природу, он олицетворял собой старшее поколение сельских жителей, испытавшее суровое военное лихолетье, невзгоды послевоенного времени, вынесшее на своих плечах тяготы сельского труда. Жизнь в селе, в деревне никогда не была лёгкой. Но всегда в ней жили и живут люди, труженики русской земли, настоящие умельцы, добрые души, отзывчивые сердца. Словом, село – «не российская глубинка, а России – глубина», как поётся в песне. Именно духовную глубину нашей родины и показал в своих произведениях писатель, показал ёмко и убедительно.

Евгений Фёдорович Щербаков постоянно занимался общественной работой.

В 2011 г. организовал и возглавил Ульяновскую региональную общественную организацию поддержки детей, родившихся в годы Великой Отечественной войны «Дети войны».

Евгений Федорович был ответственным гражданином своего Отечества, борцом за справедливость, талантливым и совестливым русским человеком.

Таким он и останется навсегда в наших сердцах.

Союз русских писателей, Ульяновск

Литературный Ульяновск

Журнал русских писателей

№ 1 (30) 2017

Издан на средства авторов
и Петра Петровича Ищенко (г. Москва)

Главный редактор
Николай Полотнянко.

Набор текста, компьютерная вёрстка
Л. Полотнянко.
Корректор: *Л. Полотнянко*.

Подписано к печати 08.11.17.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая.
Гарнитура Times New Roman.
Усл.печ.л. 10,82. Заказ № 17/086

Тираж 100 экз.

Отпечатано с оригинал-макета Заказчика
в издательско-полиграфическом
центре «Гарт» ИП Качалин А.В.
432042, г. Ульяновск, ул. Рябикова, 4.